

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

Власть. Возраст. Политика

Т.Б. Рябова

ВОЗРАСТНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Л.Л. Клещенко

ВОЗРАСТ КАК СИМВОЛ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

О.В. Рябов

ВОЗРАСТНОЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.В. Шевченко

ТРИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЗРАСТА
«ЧЕЛОВЕКА ПОЛИТИЧЕСКОГО»

3
2024

<p>Главный редактор</p> <p>ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Зам. главного редактора</p> <p>СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Ответственный секретарь</p> <p>НИКИФОРОВА Ирина Владимировна</p> <p>Перевод</p> <p>ОРЛОВА Елена Геннадьевна</p> <p>Учредитель / Издатель</p> <p>НИИ общественных и политических наук</p>	<p style="text-align: right;">16+</p> <p>Научная редакция</p> <p>ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент</p> <p>ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев кандидат философских наук, доцент</p> <p>КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент</p> <p>АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник</p>
<p>Председатель Редакционной коллегии</p> <p>РЯБОВА Татьяна Борисовна доктор социологических наук, профессор</p> <p>Редакционная коллегия</p> <p>АЛЕКСЕЕВ С.В. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)</p> <p>БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)</p> <p>ГАДЖИЕВ Х.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)</p> <p>КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)</p> <p>КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь)</p> <p>КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)</p> <p>ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)</p>	<p>МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)</p> <p>ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва)</p> <p>ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)</p> <p>РЯБОВА Т.Б. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб)</p> <p>СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец)</p> <p>СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль)</p> <p>ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва)</p> <p>ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)</p> <p>ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)</p>

<p>Editor in Chief</p> <p>SHUMILOV Andrei</p> <p>Executive Secretary</p> <p>NIKIFOROVA Irina</p> <p>Translate</p> <p>ORLOVA Elena</p> <p>Design</p> <p>PAVLUNIN Dmitriy</p>	<p>Deputy Editor</p> <p>SKOVIKOV Alexey</p> <p>Editors</p> <p>EFREMOV Oleg</p> <p>ZLATANOV Blagoy</p> <p>KASIMOV Evgeniy</p> <p>ARUTYUNOV Anton</p> <p>Publisher</p> <p>Institute of Social and Political Sciences</p>
<p>Chairman of the Editorial board</p> <p>RIABOVA Tatiana Prof.</p> <p>Editorial Board</p> <p>ALEKSEEV S. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>BOLSHAKOV A. Prof. (Kazan)</p> <p>BORSHCHEVSKY G. Prof. (Moscow)</p> <p>BRONNIKOV I. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>VATYL V. Prof. (Grodno)</p> <p>GADZHIEV Kh. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>GRISHIN O. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>ILMJARV M. PhD (Tallinn)</p> <p>HORINA G. Prof. (Moscow)</p> <p>KAPITSYN V. Prof. (Moscow)</p> <p>KERYAN G. Prof. (Yerevan)</p> <p>KOZLOVA N. Prof. (Tver)</p> <p>KURILLA I. Prof. (Saint-Petersburg)</p> <p>LEONTEVA O. Assoc. Prof. (Tiraspol)</p>	<p>LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow)</p> <p>MINEEVA E. Prof. (Cheboksary)</p> <p>NASIMOVA G. Prof. (Almaty)</p> <p>OMELCHENKO N. Prof. (Moscow)</p> <p>PASTUHOVA L. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>PROROK V. PhD (Prague)</p> <p>RIABOVA Tatiana Prof. (Saint Petersburg)</p> <p>SERGEVNIN V. Prof. (Macomb)</p> <p>SKIPERSKIH A. Prof. (Yelets)</p> <p>SHIROKOV O. Prof. (Cheboksary)</p> <p>SOKOLOV A. Assoc. Prof. (Yaroslavl)</p> <p>TUROVSKY R. Prof. (Moscow)</p> <p>CHERNYSHOV Y. Prof. (Barnaul)</p> <p>YURCHENKO S. Prof. (Simferopol)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ. ВОЗРАСТ. ПОЛИТИКА

Т.Б. Рябова

ВОЗРАСТНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

6

Л.Л. Клещенко

ВОЗРАСТ КАК СИМВОЛ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

22

О.В. Рябов

ВОЗРАСТНОЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

39

Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ В МЕМУАРАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЛИДЕРОВ (НА МАТЕРИАЛАХ АВТОБИОГРАФИЙ М. ТЭТЧЕР И М.С. ГОРБАЧЕВА)

60

Е.О. Цалко

ВОЗРАСТНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПОКОЛЕНИЙ

83

А.В. Шевченко

ТРИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЗРАСТА «ЧЕЛОВЕКА ПОЛИТИЧЕСКОГО»

96

А.В. Скиперских

ОТЦЫ И ДЕДЫ: ПРАКТИКИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ)

111

Л.Я. Прокопенко

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТАХ
СТРАН АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

128

Н.П. Сащенко

МНОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)

149

СТАТЬИ

В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий

«МЛАДОСТАРЧЕСТВО» В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ
ПОСТПЕРЕСТРОЙКИ

172

Н.А. Баранов

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА РОССИИ
И ЗАПАДА

180

Наши авторы

195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

Т.Б. Рябова

ВОЗРАСТНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ *

Аннотация

Статья посвящена анализу той роли, которую в политике играет возрастная стереотипизация. Автор обосновывает положение о том, что возрастные стереотипы являются одним из ресурсов власти. Материалами исследования послужили публикации в ведущих СМИ России, заявления политиков, а также результаты проведенного в 2023 году в российских регионах социологического исследования. В первом разделе статьи рассматриваются методологические проблемы включения стереотипов возраста в политику. Это обусловлено, прежде всего, общими свойствами социальных стереотипов (упрощенность, устойчивость, разделяемость, оценочность). Кроме того, возрастная стереотипизация привлекается политическими акторами для установления, легитимации и сигнификации отношений власти и подчинения (так как качествами, которые традиционно считаются атрибутами власти – сила, независимость, самообладание и др. – разные возрастные группы наделяются в разной степени). Второй раздел статьи посвящен проблеме использования возрастной стереотипизации политическими акторами; автор показывает, что стереотипы возраста привлекаются в различные формы символической политики, включая политическую мобилизацию, легитимацию власти, политику коллективной идентичности, политику памяти, популярную геополитику. В третьем разделе в качестве исследовательского кейса проанализирован вопрос о том, какое влияние возраст-

T. Riabova

AGE STEREOTYPING IN CONTEMPORARY POLITICS: SETTING THE PROBLEM

Abstract

The article deals with analysis of the role that age stereotyping plays in politics. The author points out that stereotypes of age serve as one of the resources of power. The study is based on the examining Russian media publications, politicians' statements and series of interview conducted in several Russian cities in 2023. The first part of the article dwells upon methodological issues of studying the age stereotyping's functioning in politics. This is determined, above all, by the general properties of social stereotypes (the are overgeneralized, rigid, shared, and linked with emotional experience). Besides, the age stereotyping is employed by political actors for establishing, legitimizing and signifying relations of power and subordination (since various age groups are traditionally endowed with attributes of power – strength, independence, self-control, etc. – to different extent). The second part of the article focuses on the problem of using the age stereotyping by political actors; the author demonstrates that the stereotypes of age are involved in various forms of symbolic politics: legitimization of power, politics of collective identity, politics of memory, popular geopolitics, political mobilization. The third part examines the issue on how the stereotypes of age influence of the attitudes to the problem of generation gap in Russia: on the one hand, in the actors of symbolic politics' representations of this problem, on the other, Russian citizens' reception of it.

ные стереотипы оказывают на отношение к проблеме поколенческого разрыва в России: с одной стороны, в репрезентациях этой проблемы акторами символической политики; с другой, в восприятии ее гражданами страны.

Ключевые слова:

возрастные стереотипы, политология возраста, символическая политика, символ детства, политический символ, политическая мобилизация.

Key words:

age stereotypes, age related Political Science, symbolic politics, symbol of childhood, political symbol, political mobilization.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-6-21>

Тема возраста политиков и их сторонников все заметнее включается в политику во всем мире. Не только журналисты, блогеры и комментаторы в социальных сетях, но также эксперты, депутаты и весьма высокопоставленные госслужащие объясняют поведение политиков и принимаемые ими решения при помощи апелляций к их возрасту. Так, в выступлениях Греты Тунберг и ее сторонников ставится вопрос об ответственности современных политиков перед грядущими поколениями землян [1]. Тема инфантилизма политических элит Евросоюза – популярный сюжет в российских медиа. Во время митинговой активности в России в 2017-2021 гг. в оппозиционном дискурсе эксплуатировалась тема о том, что нынешняя политическая элита страны не способна понять молодежь, которая в большей степени разделяет западные либеральные ценности [3; 8]. Эти примеры, число которых можно множить и множить, позволяют поставить следующие вопросы: почему представления о возрасте становятся ресурсом политической борьбы? Какие характеристики приписываются представителям различных возрастных групп и как в соответствии с этим понимается их место в политике? Как провластные и оппозиционные акторы используют в публичной политике маркеры возраста и можно ли, в связи с этим рассматривать возрастные стереотипы как один из ресурсов власти? Какое влияние возрастные стереотипы оказывают на отношение граждан России к политическим акторам и политическим процессам?

Ответам на эти вопросы посвящен поддержанный РНФ проект «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике».

Возрастные маркеры возраста предлагается рассматривать во фрейме теории стереотипизации. Важнейшие черты стереотипных представлений – это их упрощенность, устойчивость и массовость, что делает стереотипы эффективным оружием пропаганды и значимым ресурсом в политических процессах. В рамках реализации данного проекта проведены теоретические и эмпирические исследования, и промежуточные результаты мы представляем в этом выпуске журнала.

Цель данной статьи – обозначить проблемное поле изучения использования возрастных стереотипов политическими акторами. В качестве исследовательского кейса подробнее остановимся на вопросе о том, какое влияние возрастные стереотипы оказывают на отношение к проблеме поколенческого разрыва в России: с одной стороны, в репрезентациях этой проблемы акторами символической политики; с другой, в восприятии ее гражданами страны.

Возрастные стереотипы и политика

Под возрастными стереотипами мы понимаем устойчивые, эмоционально окрашенные, разделяемые представления о качествах и социальных ролях индивидов, детерминированных их возрастом¹. Известный исследователь социальных стереотипов Д. Шнайдер включил возрастные стереотипы в так называемую большую тройку социальных стереотипов, наряду с гендерными и этническими [23, р. 437].

Эффективность использования возрастных стереотипов в политике определяется несколькими обстоятельствами. Представления о возрасте опираются на личный опыт и апеллируют к природным признакам. Далее, возраст легко идентифицируется человеком. Кроме того, возрастные стереотипы, как и прочие социальные стереотипы, содержат в себе оценку («старческая немощь», «бесстрашие юности» и т.д.); возможность использовать возрастные стереотипы в оценивании стереотипизируемых объектов делает их действенным средством в обозначении неравенства, равно как и в его оправдании. Поясняя последний тезис, отметим, что потестарный подход к социальной стереотипизации предполагает, что ее следует понимать, как, прежде всего, часть процесса установления, сигнификации и легитимации

¹ Составляющими стереотипа детства являются, с одной стороны, несамостоятельность, беспомощность, некомпетентность, неспособность к самоконтролю, игнорирование суровых реалий жизни, но, с другой, искренность, безобидность, миролюбие, а иногда и высшая мудрость [7; 10; 17; 23].

властных отношений [16; 20]. Это в полной мере относится к возрастным стереотипам. Качествами, которые общественное мнение считает атрибутами власти (сила, самостоятельность, самообладание, решительность и т.д.), различные возрастные группы наделяются в разной степени: граждане зрелого возраста в большей, юного и пожилого — в меньшей. Поэтому, например, оппозиция «ребенок – взрослый» может быть рассмотрена как своеобразная матрица отношений власти и подчинения, отражающая существующие в обществе иерархии и поддерживающая их. Маркировка индивида или сообщества как ребенка означает демонстрацию их несамостоятельности. Однако старость также может служить маркером зависимости и неспособности эффективно управлять, особенно в условиях стремительно меняющегося мира, и тем самым фактором, снижающим легитимность политического актора [4; 5; 9; 11].

Таким образом, представления о «немогущих стариках», о «креативной молодежи», о силе и самообладании людей среднего возраста являются вообразимой реальностью; релевантными политике выступают не столько реальные, сколько «вообразимые» поколения, а объективные различия, которые лежат в основе социальных границ между возрастными группами, в политике могут преувеличиваться или приуменьшаться. Но, в соответствии с указанными выше закономерностями, эти значения создаются и пересоздаются политическими акторами в зависимости от их политических целей. Будучи включенными в репрезентации политических акторов и политических процессов, маркеры возраста используются для получения преимуществ в политической борьбе.

Поскольку возрастная стереотипизация связана с производством и воспроизводством значений и смыслов, то ее использование мы рассматриваем как механизм символической политики, которая понимается в качестве деятельности политических акторов, направленной на создание и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве, доминирующих [5]. Подобный подход позволяет рассматривать использование возрастных стереотипов как элемент борьбы политических акторов за выгодную для себя интерпретацию социальной реальности через различные формы символической политики.

Возрастные стереотипы в символической политике

Прежде всего, возрастные стереотипы используются в такой форме символической политики, как легитимация власти. Поскольку «взрослость» ассоциируется с характеристиками, соотносимыми с властью, акцентирование среднего возраста политического актора, как правило, служит его легитимации. Постулирование отклонения от этой нормы, нормы взрослости, в ту или другую сторону — то есть, приписывание политическим акторам качеств, ассоциируемых с детством либо со старостью, или же прямое уподобление их детям или старикам (соответственно, «символическая инфантилизация» и «символическая сенилизация») – способствует делегитимации политического актора [11, с. 125]. Это находит отражение в репрезентациях современных политиков при помощи возрастных маркеров, будь то характеристика Джо Байдена как старика или Украины как инфантильного подростка [об использовании возрастных стереотипов в оценке политиков см. статью Л. Клещенко «Возраст как символ в современной российской политике» в данном выпуске журнала].

В период митинговой активности в России в 2017-2021 гг. сторонники и оппозиции, и власти привлекали стереотипные представления о детстве для легитимации «своих» и делегитимации «чужих». Первые, в акциях которых участвовало значительное число несовершеннолетних, представляли власть как теряющую легитимность из-за жестокого обращения с детьми — такое обращение они приписывали представителям правоохранительных органов. Вторые представляли власть как защитницу детей, уязвимых по своей природе и потому являющихся жертвой, объектом манипуляции со стороны оппозиции [4; 10]. Кроме того, стереотип детства привлекался и тогда, когда в провластных медиа саму оппозицию маркировали как инфантильную, что преследовало цель делегитимации противников власти и тем самым укрепление легитимности самой власти [15; 21].

В политике коллективной идентичности возрастные стереотипы используются с теми же значениями, причем как «взрослое», «детское», «старческое» может маркироваться деятельность не только политиков, но и государств. В нашем социологическом исследовании (2023; описание выборки см. ниже) в категориях возраста характеризовались Китай, США, страны Латинской Америки, Центральной Азии, ЕС, Украина. Так, например, респонденты называли инфантильными Украину, страны Прибалтики, ЕС, приписывая им несамостоятельность, недостаток суверенности, ответствен-

ности, противопоставляя их «взрослой» суверенной Россией [подробнее см. в этом номере статью О. Рябова «Возрастной дискурс в современной политике российской идентичности»]. Целью подобного использования маркеров возраста в характеристиках государств является поддержание акторами политики коллективной идентичности целостности и устойчивости социума; при помощи дискурса возраста проводятся символические границы между сообществами: национальными, региональными, этническими, цивилизационными и др. Кроме того, тем самым обеспечивается признание индивидами ценности принадлежности к определенному сообществу.

Еще одна форма символической политики, акторы которой задействуют потенциал возрастных стереотипов, – это политика памяти. Наиболее востребованным является использование стереотипа детства. Одним из известных примеров этого является поддержание памяти о пионерах-героях Великой Отечественной войны. В «Альбомах памяти», издаваемых не только в советские времена, но и в современной России, подвиги юных пионеров описываются с помощью маркеров возраста («показали, каким огромным может быть маленькое детское сердце», «повзрослевшее детство», «не дрогнули юные сердца» и т.д.)¹. К 75-летию Победы министр просвещения С. Кравцов призвал включить пионеров в «пантеон героев», материал о которых планируется добавить в школьные учебники истории². В настоящее время институализируется память о детях-героях Донбасса, также защищающих свою Родину; это осуществляется, например, с помощью экспозиций в музеях, или таких акций, как, например, письма выросших детей блокадного Ленинграда детям Донбасса.

Дискурс возраста используется в популярной геополитике, связанной с производством образов государств, территорий, народов, — при помощи произведений массовой культуры и практик повседневности (включая кинематограф, комиксы, видеоигры и т.д.) [13; 22]. Так, кинематограф является средством не только политической социализации (как, скажем, в таких фильмах, как «Сказка о Мальчише-Кибальчише» или «Неуловимые мстители»), но и ресурсом геополитики. Например, информацию о группе американских наемников «Росомахи», воюющих на стороне украинских сил в ходе СВО, невозможно понять вне контекста популярного американского фильма

¹ Альбом памяти «Юные пионеры-герои Великой Отечественной войны». К 70-летию победы / Сост. Л.А. Синчук, О.А. Приходько. URL: <https://click.ru/3BiaKg>.

² В школьные учебники по истории решили добавить пантеон героев / Взгляд. 2022. 23 декабря. URL: <https://vz.ru/news/2022/12/23/1192286.html>.

«Красный рассвет» (1984), снятого в разгар холодной войны и активно эксплуатирующего позитивную семантику юности; кинокартина повествует о борьбе, которую ведут с «советскими интервентами» американские подростки, создавших отряд «Росомахи» — они, как все молодые люди, были отважными, бескомпромиссными, сильными¹.

Основной целью практик политической мобилизации — еще одной формы символической политики — является включение индивидов в институты участия, представительства и действия [6]. Государство, элиты, политические партии, политические и общественные деятели воздействуют на политические ориентации и политическое поведение граждан при помощи различных ресурсов, включая культурные ресурсы, функционирующие, прежде всего с помощью эксплуатации мобилизационного потенциала символов; в этом случае успех зависит от апелляций не столько к рациональности, сколько к эмоциям человека [18].

Остановимся на тех сюжетах мобилизационных призывов, связанных с тематикой возрастных различий, которые заметны в последние годы: защита детства, преклонный возраст политиков, связь поколений/поколенческий разрыв.

Мобилизационный потенциал символа детства определяется такими элементами семантики образа детей, как их уязвимость, беззащитность, миролюбие. Образы опасности, грозящей детям, используются различными политическими акторами с целью объяснить и оправдать свои действия. Мобилизующая сила образов страданий детей настолько велика, что дает право защищать их любым способом, нередко игнорируя прочие социальные нормы [10; 21]. Исследователи уже показывали, как тема уязвимости детства использовалась в дискурсе военных конфликтов [2; 10; 21].

Тема защиты детства была одной из центральных в репрезентациях митинговой активности в России 2017–2021 гг.

Российские политики самого высокого ранга обращали внимание на недопустимость использования оппозицией несовершеннолетних и призывали спасти тех от опасности, которая связана с их участием в несанкционированных протестных акциях². В свою очередь, либеральная оппозиция призывала защитить детей – в том числе от жестокого обращения, в котором

¹ RealFitzroy. Telegram. 2022. 21 июня. URL: <https://t.me/RealFitzroy/754>.

² Расширенное заседание коллегии МВД России. Владимир Путин принял участие в ежегодном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации / Kremlin.ru, 3.03.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65090>.

она обвиняла представителей правоохранительных органов [3; 9; 12; 14; 21]. Исследование общественного мнения, которое мы предприняли в 2021 г., показало, что представления россиян об использовании семантики детства в политике являются в значительной степени гомогенными; опрошенные высоко оценивали мобилизационный потенциал образа детской уязвимости и объясняли эффективность подобных призывов родительскими чувствами людей. Кроме того, многие информанты отмечали, что они вполне отдадут себе отчет в том, что этот образ нередко используется в манипулятивных целях [4; 9; 21].

Второй сюжет мобилизационных призывов связан с образом старости, которой приписываются, с одной стороны, слабость, дряхлость, невосприимчивость к новому, с другой – мудрость и опыт. В целом, в координатах власти старость оценивается менее позитивно, чем зрелость, поскольку она нередко служит маркером неспособности эффективно управлять.

Что касается позитивной семантики символа старости (мудрость и опыт), то она находит применение в политическом дискурсе сравнительно редко, прежде всего, в риторике провластных СМИ для характеристики политиков старшего возраста. По опросу ВЦИОМ (апрель 2024), 82% опрошенных употребили в характеристике президента именно этот маркер – он занимал второе место после маркера «решительный/волевой»¹.

Значительно более востребованными являются негативные смыслы образа старости. Например, российские СМИ используют прием символической сенилизации во внешнеполитическом дискурсе применительно к западным политикам, прежде всего к американскому президенту, что преследует цель позиционирования России как рациональной, ответственной, сильной, уверенной в себе, иными словами, зрелой страны. В российском внутривнутриполитическом дискурсе сенилизация – прием, эксплуатируемый, главным образом, либеральными акторами. В период митинговой активности 2017-2021 гг. они репрезентировали власть как устаревшую, не способную к переменам, а оппозицию, напротив, как молодую, креативную, способную изменить страну к лучшему. Либеральная оппозиция обвинила власть в защите интересов только старшего поколения, которое довольно стабильностью и боится изменений в силу своей советской ментальности. В результате будущее молодежи, согласно этой позиции, находится под угрозой [4; 8].

¹ ВЦИОМ: почти 90% россиян считают Путина волевым политиком / ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20447865>.

Анализ результатов проведенного прикладного исследования (интервью) показывает, что социальные представления о роли возраста в политике в целом коррелируют с теми смыслами, которые те получают в интерпретации акторов символической политики (см. статьи Л. Клещенко и О. Рябова в данном выпуске журнала).

Проблема поколенческого разрыва в символической политике и общественном мнении

В заключительном параграфе мы подробнее остановимся на влиянии возрастных стереотипов на такую практику политической мобилизации в России, как использование сюжета о поколенческом разрыве: с одной стороны, как этот сюжет использовали акторы символической политики; с другой, какое мнение о нем высказывали россияне в ходе проведенного интервью.

Прежде всего, отметим, что дискуссии о том, в какой мере новое поколение должно разделять ценности прежнего, проходят в более или менее явной форме на всем протяжении человеческой истории. Во время событий на киевском Майдане в 2014 году украинская оппозиция убеждала молодежь в том, что только «старика «выбирают совок» (в частности, осуществляя акции «спрячь паспорт бабушки – не дай ей проголосовать»), что поколения не только дедов, но и отцов безнадежно испорчены советской пропагандой. Старшие поколения украинцев и Россия в этой картине мира представляли «проклятое прошлое», а молодежь и Запад – «светлое будущее» [8].

Схожие избирательные технологии привлекались и либеральной оппозицией в России. В частности, акция «Спаси страну! Спрячь бабушкин паспорт!» использовалась во время выборов различного уровня, как минимум, с начала 2010-х гг. Как было отмечено выше, конфликт между властью и оппозицией в либеральном дискурсе репрезентировался в качестве конфронтации поколений. Для нас особый интерес представляет то, что такое противопоставление поколений в провластном дискурсе интерпретировалось как деятельность оппозиции, направленная на разрушение страны. Поскольку же ослабление России выгодно ее зарубежным недоброжелателям, то оппозиции приписывалась роль «пятой колонны», деятельность которой направлена на углубление поколенческого разрыва и раскол российского общества по признаку возраста.

На материале данных прикладного исследования мы проанализировали, насколько разделяемы в обществе идеи о противостоянии молодежи «от-

сталому» старшему поколению, о роли Запада в провоцировании этого противостояния, а также как российские граждане оценивают подобные мобилизационные призывы¹.

Мы использовали проективные методики, предложив респондентам обсудить упомянутый предвыборный мем, на котором содержался призыв к молодежи спрятать бабушкин паспорт – призыв, направленный на ограничение участия представителей старшего поколения в выборах и – более широко – на уменьшение влияния их электоральной активности на будущее страны.

Подавляющее большинство участников интервью во всех трех регионах расценили мем «Спаси страну! Спрячь бабушкин паспорт!» как злую шутку, не отражающую специфику отношения молодежи к старшему поколению в российском обществе; о тотальном недоверии молодежи к старшим, по мнению респондентов, речи быть не может. Этот мем предсказуемо отторгался информантами из старшего поколения. Часть информантов, позиционировавшая себя приверженцами либеральной идеологии (а также, хотя и реже, представители возрастной группы «молодежь») чаще высказывали точку зрения о распространенности таких взглядов в обществе.

Нераспространенным, по мнению большинства опрошенных, является и мнение о том, что старшее поколение несет ответственность за негативные явления в российском обществе, и потому оно должно уступить дорогу молодым. Часть респондентов высказали уверенность о том, что такие взгляды были популярны в России ранее, в период протестной активности, а сейчас этого нет; некоторые настаивали на том, что разрыв и недоверие поколений есть, однако они характерны для всего мира («молодежь всегда будет недовольна стариками, а старики – молодежью»).

Наибольший интерес для нашего исследования представлял мобилизационный потенциал подобных призывов. Большинство опрошенных расценивало как достаточно серьезную опасность само наличие таких практик

¹ Исследование проводилось в форме полустандартизированных интервью в городах, различающихся размером, уровнем политической активности, степенью поддержки власти и оппозиции, а также этнокультурными особенностями (N=48, осень 2023 года, Санкт-Петербург, Махачкала, Иваново). Информанты дифференцировались по полу, возрасту (группы «18-35», «36-55», «56 и старше») и политическим предпочтениям (сторонники действующей власти, сторонники левых сил/приверженцы коммунистической и социалистической идеологии, сторонники либеральной идеологии, граждане, не поддерживающие существующие политические партии, и политически индифферентные граждане). Исследование осуществлялось членами проекта Т. Рябовой, Л. Клещенко, Е. Цалко, О. Рябовым. Выражаем благодарность У. Мутаеву за работу с респондентами в Дагестане.

(«может углубить недоверие между поколениями», «внести раздор между молодежью и старшими», вести к «расколу», к «нестабильности общества и государства», к «волнениям» и даже революции, к «радикализации молодежи»).

Мем не способен реально повлиять на результаты голосования, но он способен разделить поколения. Ирина, 59 лет, либеральные взгляды, Санкт-Петербург.

Последствия использования таких призывов видят и в том, что некоторые могут расценить подобный призыв как вполне серьезное руководство к действию.

Шутка очень опасная. Если это разойдется по интернету, то какой-то процент людей пойдёт и сделает, как написано. Анна, 28 лет, лоялистка, Иваново.

Информанты усматривают реальную опасность также в том, что мем может сработать как политическая технология и повлиять на общественное мнение – даже если граждане не соглашаются с его посылом.

Наконец, в качестве причины появления подобных мемов в СМИ нередко называли влияние западной пропаганды или даже усилий западных спецслужб, которые целенаправленно стараются расколоть российское общество, в том числе по возрастному признаку. Обсуждение этой идеи является самостоятельной практикой политической мобилизации. Вот как реагировали информанты на вопрос о том, допускают ли они, что раскол поколений является результатом деятельности зарубежных акторов.

Источник проблем межпоколенческих отношений находится внутри нашей страны, и не стоит искать факторы внешнего влияния – так отвечали практически все те, кто не идентифицирует себя со сторонниками власти: избиратели КПРФ, «Яблока», «Новых людей», Большинство молодых респондентов также не считают внешнее влияние значимым фактором.

Мнение молодежи о политике формируется исходя из того, что она видит вокруг себя – как страна заботится о своих гражданах, о своих молодых семьях, о молодёжи, об образовании, о медицине, о стариках..., о безработных. На самом деле, во всем виноваты мы сами, а не спецслужбы Запада. Ирина, 59 лет, либеральные взгляды, Санкт-Петербург.

Противоположную точку зрения высказывали сторонники власти.

Западная пропаганда имеет почти стопроцентное влияние на российскую молодёжь. И Запад делает все, чтобы через молодёжь подорвать обстановку внутри страны. Саид, 54 года, коммунист, Махачкала.

Было бы странно, если бы они не использовали такой рычаг. Борис, 55 лет, лоялист, Санкт-Петербург.

Пытаются расколоть, чтобы осуществить свою цель – разорвать страну и завладеть нашими ресурсами, нас поработить. Уверен, что это так. Андрей, 37 лет, лоялист, Иваново.

Нередко информанты, прежде всего старшего возраста, проводили параллели с тем, какую роль Запад сыграл в распаде СССР:

Когда доверие большое зарубежным этим спонсорам, это плохо может повлиять. На нашей памяти вот так же раскололи СССР, разобрали все заводы и фабрики... Если будет дальше молодежь слушать зарубежных [спонсоров], будет плохо. Айшат, 63 года, лоялистка, Махачкала.

Стереотипные представления о том, что молодежь из-за недостатка жизненного опыта более склонна доверять пропаганде и более уязвима для ведущейся «коллективным Западом» информационной войны, также нередко оказывает влияние на позиции респондентов.

Молодежь в силу своего возраста «ведется» на это. То есть, молодёжь настраивают против власти, и это подрывает чувство ее патриотизма. Ксения, 19 лет, политически индифферентна, Иваново.

Отвечая на вопрос о том, как осуществляется западное влияние на молодежь, информанты – и сторонники власти, и противники – подчеркивали роль интернета и социальных сетей, упоминая западные СМИ, музыку, кинофильмы, сериалы, моду.

Зомбирование идет через интернет, прежде всего. Вы посмотрите, какие фильмы они смотрят. Опять же, мы видим, как все эти ценности свои про «голубых» и прочее пытаются нам навязать. Сергей, 67 лет, лоялист, Иваново.

Люди, рождённые после 1985 года, так или иначе выращены американской культурой, и многие американские ценности уже находятся в людях – это, в том числе, и политические ценности, то есть, это и свобода, и демократия. Евгений, 19 лет, либеральные взгляды, Санкт-Петербург.

Наконец, для нескольких респондентов – молодых людей либеральных взглядов – влияние Запада на российскую молодежь связано и со спором о традиционных ценностях; по их мнению, отрицание молодыми людьми данных ценностей коррелирует с симпатиями к Западу, что может повлиять на их политическое поведение, в том числе на выборах.

Молодежь может голосовать на выборах за те партии, которые не стремятся сохранять традиционные ценности и ориентируют на Запад, который считают более цивилизованным. Ярослав, 21 год, либеральные взгляды, Иваново.

Если говорить о различии мнений в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов, то молодые люди реже соглашались с тезисом о заметном влиянии Запада на поколенческий разрыв в российском обществе. Точку зрения о том, что молодежь является объектом манипулирования западных спецслужб, чаще разделяли представители среднего и старшего возраста, а также сторонники власти.

Таким образом, использование возрастных стереотипов достаточно заметно в политике. Эффективность политического использования данного вида стереотипизации обусловлена, с одной стороны, общими свойствами социальных стереотипов (упрощенность, устойчивость, массовость, оценочность), с другой, специфическими характеристиками маркеров возраста (связь с личным опытом, узнаваемость, апелляция к природным, натуральным свойствам человека). Важнейшей причиной включения возрастной стереотипизации в политические практики является то, что маркеры возраста возможно привлекать для установления, легитимации и сигнификации отношений власти и подчинения. Качествами, которые общественное мнение считает атрибутами власти (сила, самостоятельность, самообладание и др.), возрастные группы наделяются в разной мере: возраст зрелости – в большей, возраст молодости и старости – в меньшей.

Возрастные стереотипы эффективно привлекаются в различные формы символической политики: легитимацию власти, политику коллективной идентичности, политику памяти, популярную геополитику, политическую мобилизацию; это, по нашему мнению, дает основания утверждать, что их следует интерпретировать в качестве одного из ресурсов власти.

В качестве кейса мы рассмотрели влияние возрастных стереотипов на такую практику политической мобилизации, как использование сюжета о поколенческом разрыве в российском обществе и о роли «коллективного Запада» в провоцировании отчуждения поколений в России. Результаты проведенного социологического исследования показали, что россияне используют стереотипные представления в оценках политических процессов и понимают влияние их использования в политической риторике.

Литература

1. Гуреев Д.В. «Устами младенца...»? Грета Тунберг как символ современного экодвижения // Символ детства в политике: от холодной войны к современности / Под ред. Т.Б. Рябовой и О.В. Рябова. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 48–51.
2. Кафтан В.В. Использование детской темы в информационно-коммуникативных практиках дискредитации Российской Федерации // Феномен детства в Российском обществе: состояние, проблемы и перспективы исследований: материалы всеросс. науч.-практич. конф. (29–30 мая 2018 года) / Под ред. Г.В. Бариновой, С.Н. Климова. Москва: МИИТ, 2018. С. 66–77.
3. Клещенко Л.Л. «Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа // Комплексные исследования детства. 2021. Т. 3. №2. С. 23–37.
4. Клещенко Л.Л. Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России // Комплексные исследования детства. 2019. Т. 1. №4. С. 312–319.
5. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политэкс. 2010. №1. С. 5–28.
6. Массовая политика: институциональные основания / Под ред. С. В. Патрушева. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. 287 с.
7. Микляева А.В. Содержание возрастных стереотипов: эмпирическая типология // Письма в Эмиссия. Офлайн. 2014. №2. С. 21–48.
8. Рябов О.В., Рябова Т.Б. Связь поколений как политический символ // Культурное наследие и связь поколений. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского 2023. С. 177–185.
9. Рябова Т.Б. Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян // Комплексные исследования детства. 2021. Т. 3. № 1. С. 5–13.
10. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Образы детства и детей в символической политике // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2019. Том 15. №3. С. 417–433.
11. Рябова Т.Б., Рябов О.В. «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике // Женщина в российском обществе. 2020. №4. С. 5–13.
12. Chernova Z.V. New Pronatalism? Family Policy in Post-Soviet Russia // Region. Vol. 1. No. 1, 2012. P. 75–92.
13. Dodds K. Popular geopolitics and audience dispositions: James Bond and the Internet Movie Database (IMDb) // Transactions of the Institute of British Geographers. 2006. Vol. 31. No. 2. P. 116–130.
14. Erpyleva S.V. Active Citizens under Eighteen: Minors in Political Protests // Journal of Youth Studies. 2020. P. 1215–1233.
15. Fournier A. Immature publics: democratic revolutions and youth activists in the eye of authority // Anthropological Quarterly. 2015. Vol. 88. No. 1. P. 37–65.
16. Hinton P. 2000. Stereotypes, cognition and culture. Hove: Psychology Press. 208 p.

17. Kite M.E., Deaux K., Miele M. Stereotypes of young and old: Does age outweigh gender? // *Psychology and Aging*. 1991. Vol. 6. No 1. P. 19–27.

18. Kländermans B. Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49. No 5. P. 583–600.

19. Marquette J.F. A logistic diffusion model of political mobilization // *Political Behavior*. 1981. Vol. 3. No. 1. P. 7–30.

20. Pickering M. *Stereotyping: the politics of representation*. New York: New York Press, 2001. 264 p.

21. Riabov O., Riabova T., Kleshchenko L. "Save the Children!": The Symbol of Childhood and (De)Legitimation of Power in Russian Protests 2017–2021 // *Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2022. No. 2. P. 235–252.

22. Saunders R.A. *Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm*. N.Y.: Routledge, 2017. 258 p.

23. Schneider D.J. *The Psychology of Stereotyping*. New York, 2004. 704 p.

References

1. Gureev D.V. «Ustami mladentsa...»? Greta Tunberg kak simvol sovremennogo ekodvizheniya. Simvol detstva v politike: ot kholodnoi voiny k sovremennosti / Pod red. T.B. Ryabovoi i O.V. Ryabova. SPb.: RGPU im. A.I. Gertsena, 2019. С. 48–51.

2. Kaftan V.V. Ispolzovanie detskoj temy v informatsionno-kommunikativnykh praktikakh diskreditatsii Rossiiskoi Federatsii. Fenomen detstva v Rossiiskom obshchestve: sosytoyaniye, problemy i perspektivy issledovaniy: mat-ly vseros. nauch.-praktich. konf. (29–30 maya 2018 goda). Pod red. G.V. Barinovoi, S.N. Klimova. Moskva: MIIT, 2018. S. 66–77.

3. Kleshchenko L.L. «Pokolencheskii razryv» v diskurse sovremennykh rossiiskikh liberal'nykh media. Kompleksnyye issledovaniya detstva. 2021. T. 3. №2. S. 23–37.

4. Kleshchenko L.L. Rerezentatsiya obraza detstva v liberal'nykh SMI sovremennoi Rossii. Kompleksnyye issledovaniya detstva. 2019. T. 1. №4. S. 312–319.

5. Malinova O.Yu. Konstruirovaniye makropoliticheskoi identichnosti v postso-vetskoj Rossii: simvolicheskaya politika v transformiruyushcheisya publichnoi sfere. Politeks. 2010. №1. S. 5–28.

6. Massovaya politika: institutsional'nye osnovaniya / Pod red. S. V. Patrusheva. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya, 2016. 287 s.

7. Miklyaeva A.V. Soderzhanie vozrastnykh stereotipov: empiricheskaya tipologiya. Pis'ma v Emissiya. Offlain. 2014. №2. S. 21–48.

8. Riabov O.V., Riabova T.B. Svyaz' pokolenii kak politicheskii simvol. Kul'turnoe nasledie i svyaz' pokolenii. Nizhnii Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo 2023. S. 177–185.

9. Riabova T.B. Vozrast vlasti? «Voobrazhaemye pokoleniya» i doverie k politikam v sotsial'nykh predstavleniyakh sovremennykh rossiyan. Kompleksnyye issledovaniya detstva. 2021. T. 3. №1. S. 5–13.

10. Riabova T.B., Riabov O.V. Obrazy detstva i detei v simvolicheskoi politike. Politicheskaya ekspertiza. POLITEKS. 2019. Tom 15. №3. S. 417–433.

11. Riabova T.B., Riabov O.V. «...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha»: o gender-no-vozzrastnykh stereotipakh v politike. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. №4. S. 5–13.
12. Chernova Z.V. New Pronatalism? Family Policy in Post-Soviet Russia. *Region*. Vol. 1. No. 1, 2012. P. 75–92.
13. Dodds K. Popular geopolitics and audience dispositions: James Bond and the Internet Movie Database (IMDb). *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2006. Vol. 31. No. 2. P. 116–130.
14. Erpyleva S.V. Active Citizens under Eighteen: Minors in Political Protests. *Journal of Youth Studies*. 2020. P. 1215–1233.
15. Fournier A. Immature publics: democratic revolutions and youth activists in the eye of authority. *Anthropological Quarterly*. 2015. Vol. 88. No. 1. P. 37–65.
16. Hinton P. 2000. *Stereotypes, cognition and culture*. Hove: Psychology Press. 208 p.
17. Kite M.E., Deaux K., Miele M. Stereotypes of young and old: Does age outweigh gender? *Psychology and Aging*. 1991. Vol. 6. No 1. P. 19–27.
18. Klandermans B. Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory. *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49. No 5. P. 583–600.
19. Marquette J.F. A logistic diffusion model of political mobilization. *Political Behavior*. 1981. Vol. 3. No. 1. P. 7–30.
20. Pickering M. *Stereotyping: the politics of representation*. New York: New York Press, 2001. 264 p.
21. Riabov O., Riabova T., Kleshchenko L. "Save the Children!": The Symbol of Childhood and (De)Legitimation of Power in Russian Protests 2017-2021. *Region. Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2022. No. 2. P. 235–252.
22. Saunders R.A. *Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm*. N.Y.: Routledge, 2017. 258 p.
23. Schneider D.J. *The Psychology of Stereotyping*. New York, 2004. 704 p.

Л.Л. Клещенко

L. Kleshchenko

**ВОЗРАСТ КАК СИМВОЛ
В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

**AGE AS A SYMBOL IN
CONTEMPORARY
RUSSIAN POLITICS**

Аннотация

Статья посвящена изучению специфики возраста как политического символа и его использования в современной российской политике. Теоретико-методологическая основа исследования включает концепции символической политики и конструктивистское понимание возраста. Исследование проводилось с помощью опросных методов — полустандартизированного интервью. Также применялся вторичный анализ данных, полученных в 2020 году при исследовании поколенческих аспектов российской политики. Выводы исследования заключаются в следующем. Использование символов возраста в политическом контексте обусловлено такими их свойствами, как узнаваемость, близость к личному опыту, эмоциональная нагруженность. В символах детства и старости преобладают негативные коннотации, связанные с восприятием этих возрастов как отличных от нормального состояния человека, потому уподобление объектов старикам или детям в политике зачастую является технологией дискредитации. Символическая инфантилизация как прием символической политики может служить основанием для исключения из политики, для политической мобилизации, связанной с необходимостью защиты детей, а также для легитимации власти, основанной на противопоставлении «неразумных детей» и «рациональных взрослых». Символическая сенилизация, уподобление пожилым или старикам, может выполнять функции легитимации/делегитимации власти, или определенной политики; отрицания политической субъектности и политической дискриминации; в также при конструировании образа будущего. В общественном мнении современной России домини-

Abstract

The article is devoted to the study of the peculiarities of age as a political symbol and its use in contemporary Russian politics. The theoretical and methodological basis of the research includes the concepts of symbolic politics and a constructivist understanding of age. The study was conducted using survey methods – a semi-structured interview. A secondary analysis of the data obtained in 2020 in the study of generational aspects of Russian politics was also used. The conclusions of the study are as follows. The use of age symbols in a political context is due to their characteristics such as recognizability, proximity to personal experience and emotional charge. The symbols of childhood and old age are dominated by negative connotations associated with the perception of these ages as different from the normal human condition, and therefore the likening of objects to old people or children in politics is often a discrediting technique. Symbolic infantilization, as a method of symbolic politics, can serve as a basis for exclusion from politics, for political mobilization around the need to protect children, and for the legitimization of power based on the opposition between 'unreasonable children' and 'rational adults'. Symbolic senilization through the comparison with the old or the elderly can perform the functions of legitimation/delegitimation of power or a certain policy, denial of political subjectivity and political discrimination, as well as in the construction of an image of the future. Public opinion in modern Russia is dominated by negative meanings of symbols of childhood and old age, such as dependence, inferiority, inefficiency. Informants associate these traits with both childhood and old age in politics and attribute them to those Rus-

нируют негативные смыслы символов детства и старости, такие как зависимость, неполноценность, неэффективность. Эти черты информанты ассоциируют как с детским, так и с пожилым возрастом в политике, и приписывают их тем российским и зарубежным политикам, деятельность которых не вызывает у них одобрения.

sian and foreign politicians whose activities they do not approve of.

Ключевые слова:

политический символ, символическая политика, символическая инфантилизация, символическая сенилизация, символ детства, символ возраста, детство, российская политика.

Key words:

political symbol, symbolic politics, symbolic infantilization, symbolic senilization, symbol of childhood, symbol of age, childhood, Russian politics.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», <https://rscf.ru/project/23-28-01414>.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-22-38>

Актуальность возрастной проблематики в политологии обусловлена тем, что возрастные маркеры используются в современной России практически всеми акторами политического процесса. Они могут привлекаться в электоральном дискурсе при обсуждении преимуществ и недостатков тех или иных кандидатов, при объяснении причин протестной активности, при объяснении причин популярности или неудач того или иного политика или причин принятия им политических решений. Исследовательская проблема, которой посвящена данная статья, заключается, во-первых, в том, какие свойства возраста как символа обусловили повышенный интерес к возрастной проблематике в российской политике; во-вторых, как интерпретируется возраст как политический символ в общественном мнении.

Возрастные аспекты политических процессов изучались российскими и зарубежными исследователями в таких аспектах, как политическая активность разных возрастных групп [10], политическая геронтология [25], политические ценности разных возрастных групп [11], возрастные стереотипы [8; 13; 15], символы возраста и их роль в политике [1; 2]. Новизна настоящего исследования заключается в аспектизации проблемы восприятия символа возраста, его характерных особенностей и функций. Статья основана на результатах двух серий полустандартизированных интервью, проведенных в 2020 и 2023 годах в трех городах России – Санкт-Петербурге, Иваново, Махачкале.

В первой части статьи будут рассмотрены теоретические разработки, которые легли в основу настоящего исследования; отдельные теоретические положения будут проиллюстрированы примерами из современного российского медиадискурса. Во второй части изложены результаты эмпирического исследования, которые отражают специфику восприятия символа возраста респондентами.

Теоретико-методологическая основа исследования включает концепции символической политики и конструктивистское понимание возраста. В настоящем исследовании символическая политика рассматривается как «деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [4, с. 180]. Цели символической политики связаны с символической властью, будь то овладение этой властью или ее удержание. В силу многозначности любого политического символа символическая политика также предстает как борьба различных интерпретаций.

Одной из характеристик символической политики является то, что она представляет собой такой способ политической коммуникации, в котором, помимо когнитивного, всегда присутствует сильный аффективный компонент [9, с. 23]. Это закладывает возможность для манипулятивного использования политических символов. С точки зрения конструктивистского подхода, символам может приписываться то или иное значение в зависимости от целей акторов политического процесса. Использование возрастов детства и старости как символов Т.Б. Рябова и О.В. Рябов называют символической инфантилизацией и символической сенилизацией соответственно [7; 23].

Символическую инфантилизацию авторы определяют, как уподобление индивида ребенку с целью демонстрации отсутствия у него автономии и доказательства необходимости внешнего контроля над ним, и, таким образом, форму символического насилия. Инфантилизация включает в себя как прямое навешивание ярлыка «ребенок» на политического деятеля, так и сравнение политического поведения с ребенком, а также косвенное уподобление – то есть, наделение качествами, которые воспринимаются как атрибуты ребенка: эмоциональность, неразумность, беспомощность, зависимость, безответственность. Поскольку инфантилизация – это представление определенных политических субъектов/сообществ как уязвимых, беспомощных и отсталых детей, они ассоциируются с потребностью в бескорыстном и бесстрашном спасателе и защитнике. Авторы

отмечают, что метафора детства широко применяется в репрезентациях международных отношений, при этом, задействуются преимущественно негативные коннотации детства [23, с. 131].

Символическую сенилизацию О.В. Рябов и Т.Б. Рябова определяют, как «используемый для достижения преимущества в политической борьбе прием символической политики, который заключается в приписывании политическим акторам качеств, ассоциируемых со старостью, или в уподоблении их пожилым или старикам» [7, с. 167-168]. При этом содержание символа старости может варьироваться в зависимости от политических целей. Авторы выделяют следующие причины популярности данного приема символической политики: эмоциональная насыщенность, связь с природными основаниями дифференциации, укорененность в потестарных отношениях [7, с. 168].

Исследование проводилось с помощью опросных методов – полустандартизированного интервью. В 2023 году было проведено 48 интервью в трех городах, – Санкт-Петербурге, Иваново, Махачкале (о выборке исследования см. в статье Т.Б. Рябовой). Кроме того, применялся вторичный анализ данных, полученных в 2020 году в тех же городах при исследовании поколенческих аспектов российской политики (N = 42, осень 2020 года, Санкт-Петербург, Иваново, Махачкала). В исследовании 2020 года информанты дифференцировались по полу, возрасту («14–17 лет», «18–34 года», «35–54 года», «старше 55 лет») и политическим предпочтениям (лоялисты, сторонники левых, политически индифферентные граждане и сторонники либеральной идеологии).

Детство как политический символ

В качестве политических символов могут выступать как материальные, так и нематериальные объекты. Как замечают Р. Филлипс Дезалья и С. Мешбергер, символы выполняют следующие функции: обеспечивают связи с предшествующими поколениями; вызывают сильную эмоциональную реакцию; выражают и поддерживают культурные нарративы; опосредуют самоидентификацию [16, р. 2]. Символы могут служить в качестве фильтра, опосредующего восприятие реальности, помещая новую информацию в уже известный человеку культурный контекст. Простота использования возраста как политического символа обусловлена тем, что возрастные различия являются видимыми, близкими к жизненному опыту каждого человека.

Дж. Браун отмечает, что термин «другой» обычно несет в себе коннотацию дифференциальных властных отношений [14]. Основаниями для дифференциации могут быть класс, раса, пол, этническая принадлежность, а также возраст. Возраст, раса, пол, этническая принадлежность относятся к основаниям категоризации, которые являются наиболее видимыми [12; 18]. Как указывает С.А. Лишаев, зрелый возраст рассматривается современными философами как возраст «просто человека», потому выделение каких-либо специфических свойств зрелого возраста не характерно. Будучи возрастом «просто человека», он является «нормальным» возрастным состоянием. Больше внимание исследователей привлекают такие «отклонения» от нормального возраста, как детство и старость [3, с. 191].

Детство как социальный конструкт является абстракцией, «которая состоит из ожиданий, надежд и страхов, которые взрослые высказывают по поводу молодежи». Как отмечает Р. Нойштадтер, ребенок как другой может символизировать как положительные (добродетель и невинность), так и отрицательные качества (незавершенность). Положительные смыслы символа детства связаны с такими аспектами, как воображение, эмоциональность, чистота, способность противостоять материальному миру. Понимание детства как утопического идеала, как показывает автор, было характерно для эпохи Просвещения [20, с. 302]. В XX веке, напротив, доминирующими интерпретациями детства стали негативные — ребенок предстает угрозой прогрессу, оппозицией респектабельной взрослости, излишне эмоциональной и иррациональной, примитивной формой существования, для которой характерны невежество и даже жестокость [22, р. 163]. Так, считая ребенка неполноценным взрослым, Фрейд связывал с инфантилизмом общества его религиозный этап развития [20]. Аналогичным образом, Т. Парсонс рассматривает детство как дисфункциональность и неизбежный для достижения «нормальности» (зрелости) этап: «Каждый важный шаг в достижении большей зрелости предполагает усвоение еще более высоких уровней ценностной приверженности, вплоть до уровня взрослости» [21, р. 203]. Процесс политической социализации подразумевает устранение недостатков, присущих детству, и формирование из ребенка нормального (зрелого) человека.

Согласно концепции, Р. Нойштадтера «термины «ребенок», инфантильность, и «подобный ребенку» используются для того, чтобы донести до общества, что есть что-то не совсем правильное в отношении точки зрения, личности или политической позиции» [20, с. 302]. С помощью уподобления

ребенку сложные идеологические противоречия редуцируются до природных процессов (неизбежного взросления). Зрелость при этом предстает как необходимое и желательное состояние. Инаковость по отношению к норме — среднему (зрелому) возрасту — является общим свойством детства и старости как символов.

«В целом, детство символизирует некую нехватку, несформированность, не вполне социальное существование, близкое, в первую очередь, природе, а не культуре, поэтому ребенок призван символизировать такие качества, как несамостоятельность, зависимость, подчиненность, а также слабость и беспомощность» [6, с. 420]. Как отмечает Р. Нойштадтер, детству уподобляются подчиненные группы: бедные, которым атрибутируют такие качества, как фатализм, безынициативность, беспомощность, неспособность планировать и контролировать свои сиюминутные потребности; женщины, которым атрибутируют эмоциональность, зависимость, капризность и беспомощность; политические меньшинства, которым атрибутируют радикализм и детскую мечтательность; коренные народы, ассоциируемые с близостью к природе, неразумностью, непосредственностью [20, с. 307-309].

Бинарная оппозиция «взрослый/ребенок» подразумевает необходимость защищать, заботиться, наставлять. Пассивность и зависимость детей закрепляет их статус жертвы и обосновывает проведение по отношению к ним патерналистской политики. Невинность и уязвимость детства относятся к его эссенциальным характеристикам, хотя они могут и не иметь ничего общего с реальным опытом конкретных детей [17, с. 79]. Репрезентация детей как слабых и нуждающихся в защите апеллирует к биологически обусловленным инстинктам человека, а потому может вызывать сильный эмоциональный отклик. По этим причинам детство как символ активно применяется в политической мобилизации, легитимации и делегитимации власти, в символической политике военных конфликтов, в цивилизационном дискурсе [6]. В современной российской политике призыв «защищать детей» может служить целям политической мобилизации и легитимации СВО: известно высказывание губернатора г. Санкт-Петербурга о необходимости защиты детей от чуждых России западных ценностей, олицетворяемых гендерно-нейтральными туалетами; или же эксплуатироваться для символической демаскулинизации через уподобление врага ребенку (напр.: «Медведев: Зеленский — истеричный ребёнок с проблемами в развитии»).

Одновременно с этим, репрезентация детей как слабых и нуждающихся в защите обосновывает необходимость контроля над ними, тем самым усиливая зависимое положение детей. «Природная» слабость ребенка, как и женщины, нередко служила основанием для их эксплуатации. В политическом контексте необходимостью заботы о детях могут быть оправданы ограничения, распространяемые на неопределённый круг лиц, маркируемых как дети. В качестве примера можно привести многочисленные призывы защитить детей от деструктивного контента в современном российском политическом дискурсе.

Уподобление оппонента ребенку подразумевает противопоставление его уподобляющему – и, таким образом, наделение себя противоположными качествами – рациональностью, благоразумием, зрелостью, независимостью, цивилизованностью и прагматизмом. С этими характеристиками ассоциируется и способность выполнять социальные роли, присущие взрослым – в том числе, связанные с политикой, то есть, принимать решения и управлять другими людьми. Так, например, широко распространено наделение «детскими» качествами сторонников либеральной оппозиции в России, воплощенной в обобщенном термине «навальнята», которым могут называть самые разнообразные политические силы, выступающие за изменения в современной внутренней или внешней российской политике. В этом образе подчеркивается сразу несколько негативных коннотаций детства – зависимость, ведомость, некомпетентность и детская мечтательность. Наделение этими характеристиками направлено на лишение политической субъектностью.

Негативный образ детства как противоположность идеалу – «нормальному» взрослому человеку, предполагает лишение объекта подобного уподобления совокупности таких свойств, как рациональность, зрелость, независимость, и может служить основанием для исключения из политики, для политической мобилизации, связанной с необходимостью защиты детей, а также для легитимации власти, основанной на противопоставлении «неразумных детей» и рациональных взрослых. Символическая инфантилизация остается востребованным приемом символической политики, который используется в современном российском политическом дискурсе.

Старость как политический символ

Старение, как и детство, рассматривается исследователями как социальный конструкт. Исследователи отмечают, что негативные стереотипы о старости и старении могут начать формироваться еще в детстве – негативные образы старости присутствуют в детских книгах и СМИ [19, с. 333]. К признакам, приписываемым старению, относят снижение производительности памяти, способности к равновесию, скорости походки и качества слуха [19, с. 332]. Таким образом, старость рассматривается как утрата способностей и возможностей, присущих зрелому возрасту, отклонение от состояния «нормального» взрослого человека, и, таким образом, частичный возврат к детству как состоянию неполноценности. Пожилой возраст, как и детство, стигматизируется в современном обществе. Основание стигматизации старения лежит в широком распространении негативных стереотипов о старости. Отсюда проистекает характерное для современного мира стремление любой ценой «избежать» старения.

Как отмечают Дж. А. Ричесон и Дж. Николь Шелтон, хотя восприятие пожилого возраста является сложным и дифференцированным, и включает также положительные аспекты, но негативное восприятие старости доминирует над позитивным [24]. Негативный стереотип о старости включает такие компоненты, как одиночество, умственная и физическая неполноценность, уязвимость, медлительность, старомодность, консерватизм, капризность, забывчивость, неспособность принимать решения, нести ответственность за свои поступки [24]. Конструирование подобного образа пожилого человека обосновывает необходимость заботы и защиты пожилых, но также лишения их привилегий, которые есть у «нормального», зрелого возраста. В политическом контексте, апелляцией к негативным свойствам возраста может обосновываться призыв к лишению избирательных прав пожилых людей, или лишению их права занимать определённые должности. В качестве примера из политического дискурса, иллюстрирующего данные положения, можно привести цитату из материала РИА Новости о президенте США Дж. Байдене-младшем: «80 лет — это слишком много для того, чтобы занимать пост президента».

Необходимо отметить, что старости нередко приписываются те же негативные свойства, что и детям. Данный процесс исследователи называют инфантилизацией старости [5, с. 110]. Инфантилизация подразумевает, что обращение с пожилым человеком как с ребенком является обоснованным,

что, как и в случае с детством, может служить основанием для лишения пожилых возможности выполнять социальные роли, характерные для взрослых. В качестве примера подобной дискурсивной стратегии можно привести материал РИА Новости «Трамп сравнил Байдена с шестилетним ребенком». Издание приводит цитату: «Китай с нами разговаривает, будто мы дети, а по состоянию ума мы и есть, если вы посмотрите на наших лидеров», — сказал Трамп». В данном высказывании акцентируется такой важнейший компонент символов детства и старости, как умственная неполноценность, недоразвитость, что ставит под вопрос способность принимать политические решения. При этом, Китаю атрибутируется стремление инфантилизировать внешнюю политику США и лидеров страны, и тем самым установить собственное доминирующее положение.

Негативные коннотации пожилого возраста, такие как несамостоятельность, жалость, несовременность и бесполезность могут использоваться в образе будущего, как позитивного, так и негативного. В данном случае речь пойдет о негативном образе будущего, связанном со страхом перед старением. Олицетворением негативных качеств старости стала дряхлость, которая упомянута в цитате Президента В.В. Путина в высказывании в ходе встречи с участниками Форума «Все для победы» 2 февраля 2024 года: «Если мы ничего не будем делать, если мы не будем защищать наших людей на Донбассе, на Херсонщине, в Запорожье, в Новороссии, бросили бы людей в Крыму, во что превратилась бы в конце наша страна? В дряхлую, не самодостаточную, на самом деле никому не нужную страну, которую все с ее наличием большого количества природных ресурсов со стороны поглаживали бы покровительственно по головке и давали бы нам гнилую картошку в качестве гуманитарной помощи. И при этом всегда думали, чтобы и как оттяпать»¹. Далее высказывание продолжилось рассуждением о самодостаточности как главном компоненте суверенности. Дряхлость становится, во-первых, символом зависимости, неспособности себя защитить; а во-вторых, несовременности. Образ дряхлости в данном случае выполняет функцию легитимации внешней и внутренней политики. Примечательно, как этот образ был обыгран информационными агентствами. В речи президента было использовано множество образов и метафор, и были затронуты важнейшие темы: развитие оборонно-промышленного комплекса, отношения России с

¹ Путин: если РФ не будет защищать своих людей, то превратится в дряхлую страну / ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/politika/19886581>.

другими странами, санкции, доступность жилья, поддержка семей с детьми, поддержка мобилизованных, и многие другие.

Несмотря на это, крупные новостные издания акцентировали внимание на символе возраста, вынеся его в заголовки и подзаголовки своих статей: «Путин: если РФ не будет защищать своих людей, то превратится в дряхлую страну» (ТАСС); «Путин рассказал, в каком случае Россия стала бы никому не нужной. Путин: Россия стала бы дряхлой, если бы бросила людей в Крыму и новых регионах» (РБК); «Путин рассказал, что бы было, если бы Россия не защищала новые регионы. Путин: если бы Россия бросила своих людей, она стала бы дряхлой и ненужной» (РИА Новости). Такую репрезентацию мы можем найти и в ряде региональных изданий. При этом, помещая метафору возраста в заголовок, медиа ретранслировали цитату из высказывания вне контекста.

В чем причины столь большого внимания к «дряхлой» России? По всей видимости, образы возраста привлекают своей простотой, близостью к повседневному опыту каждого, эмоциональной нагруженностью. Дряхлость, старость имплицитно подразумеваются как состояния, которых любой человек хочет избежать, которые выглядят ужасающими и отталкивающими. Угроза стать дряхлыми применяется в качестве аргумента в политической дискуссии, подменяя рациональные доводы, и служит обоснованием легитимности политических решений.

Таким образом, можно выделить определенные черты сходства в содержании таких символов, как детство и старость. Символы детства и старости нередко используются в негативном контексте, противопоставляются среднему возрасту (возрасту зрелости), что обуславливает их широкое применение в политическом дискурсе. Символическая сенилизация, уподобление пожилым или старикам, может выполнять функции легитимации/делегитимации власти, или определенной политики; отрицания политической субъектности и политической дискриминации; в также при конструировании образа будущего.

Возраст политика в социальных представлениях россиян

Рассмотрим, какие смыслы символа детства и старости доминируют в социальных представлениях. В 2020 и 2023 гг. были проведены серии интервью в трех городах России – Санкт-Петербурге, Иваново и Махачкале. Среди прочего, в 2020 году мы попросили респондентов сказать, какой российский политик, по их мнению, похож на ребенка, и почему. Выводы этого

исследования подтверждают предположение о доминировании негативных коннотаций детства в российской политике. Респонденты чаще приписывали инфантильность тем политикам, которые относятся к другому полюсу политического спектра. Напротив, те политики, которые пользуются симпатией респондента, не уподоблялись сравнению с ребенком и детским поведением.

Безусловным лидером вопроса «Кто из российских политиков больше похож на ребенка?» стал бывший в то время лидером ЛДПР В.В. Жириновский, которого информанты обвиняли в агрессивности, неадекватности, непостоянстве, эмоциональности. Другого российского политика называли ребенком, объясняя это тем, что его профессиональные компетенции слабо выражены. Диапазон мнений по данному вопросу был узким как в Санкт-Петербурге, так и в регионах.

Интервью также содержало вопрос о том, можно ли сравнить с ребенком президента РФ В.В. Путина. Большинство респондентов (особенно те, кто поддерживал политику президента) ответили на вопрос отрицательно. Информанты использовали следующие аргументы. Во-первых, по их мнению, президент и его политика характеризуются серьезностью, продуманностью решений; во-вторых, длительность политической карьеры, которую информанты связывали с опытом и эффективностью («Вывел из всяких передраг, из кризиса» (Дмитрий, 45 лет, лоялист, Иваново)); в-третьих, физическая сила и активность («Здесь описание ребенка под В.В. Путина не подходит. Наш президент занимается спортом, ведет активный образ жизни» (Елена Константиновна, 45 лет, лоялистка, Иваново)); в-четвертых, независимость проводимой политики («Путин сильный, самостоятельный лидер, его политика направлена на защиту суверенитета, независимости страны» (Николай, 40 лет, лоялист, СПб). Соответственно, респонденты приписывали позитивные коннотации среднего возраста, качества, в которых отказывают детям, именно тем политическим силам, с которыми идентифицировали себя. Респонденты оппозиционных взглядов, напротив, использовали другие образы при ответе на данный вопрос о президенте, ссылаясь на такие компоненты символа детства, как иррациональность, максимализм, непоследовательность.

В ходе интервью, проведенного в 2023 году, мы спросили респондентов, с какой целью, по их мнению, тех или иных политиков называют инфантильными, и с какой целью их называют дряхлыми. Хотя вопрос об инфантильности политиков и вызвал некоторое затруднение (респонденты сочли дискурс старости власти более узнаваемым), большинство опрошенных

не сомневались, что инкриминирование инфантильности является технологией дискредитации. При обосновании своей позиции информанты апеллировали к таким смыслам символа детства, как эгоцентризм, незрелость, отсутствие опыта, неэффективность, глупость, несамостоятельность, безответственность. Инфантилизм в политике респонденты сравнивали с популизмом: «Инфантилизм в политике, по-моему, это сродни популизму, – когда просто у политика важная задача – это наобещать и быть выбранным, чтобы меня выбрали, – а там уж посмотрим... Это безответственность. Чем взрослый человек отличается от ребенка? Ребёнок не несет ответственности за свои поступки, он руководствуется исключительно желаниями. А взрослый человек руководствуется в жизни не желаниями, а последствиями их удовлетворения» (Ирина, 59 лет, либеральные взгляды, СПб).

Некоторые респонденты акцентировали внимание на такой функции символической инфантилизации, как делегитимация власти: «...понижить их шансы на успех. Оторвать от них аудиторию. И идеи дискредитировать, которые с ними связаны» (Борис, 55 лет, лоялист, СПб); «Это делают с целью того, чтобы часть политически активных граждан не доверяли им, не обращали на них внимание» (Ярослав, 21 год, либеральные взгляды, Иваново), а другие отметили, что к использованию такой технологии чаще прибегает старшее поколение («В этом заинтересованы те как раз, кто, скорее всего, представители старшего поколения» (Евгений, 19 лет, либеральные взгляды, СПб), объясняя это тем, что возрастные политики стремятся улучшить свой имидж, выглядеть более респектабельно на фоне молодых.

Рассуждая о том, почему политиков называют инфантильными, информанты и сами приводили примеры политиков, которые, по их мнению, ведут себя, как дети. В этом аспекте проявились региональные различия: респонденты из Иванова часто называли инфантильными политиков стран Европейского союза; в то время как в Петербурге такое мнение не было распространено.

Аналогичным образом, большинство респондентов сочли символическую сенилизацию технологией дискредитации. Респонденты отметили такие негативные ассоциации со старшим возрастом политиков, как неспособность выполнять свои обязанности, несамостоятельность, несовременность, неспособность воспринимать новое, слишком длительное пребывание в должности («Засиделись» (Илья, 45 лет, левые взгляды, СПб). Но чаще всего вспоминали о таком негативном стереотипе, как умственная неполноценность людей пожилого возраста («Отчетливо видно, если у людей деменция наступит

ет!» Денис, 44 года, лоялист, Иваново). Лишь немногие вспомнили и о позитивных смыслах символа возраста — мудрости и опытности. Дж.А. Ричесон и Дж.Н. Шелтон отмечают, что один из позитивных образов старости – это подтип «пожилой государственный деятель», который включает мужчин, обладающих такими качествами, как компетентность, мудрость, склонность к соперничеству [24]. Такой образ репродуцировался респондентами, чаще – теми, кто относился к возрастной группе «старше 55».

При этом некоторые респонденты понимали, что содержание символов возраста может быть предметом дискуссий, и доминирование той или иной интерпретации может быть оспорено: «Одни будут доказывать, что возраст – это плохо. А другие – что возраст, это хорошо. И если победят те, кто обосновывает, что возраст – это хорошо, то упоминание о преклонном возрасте может и в плюс сыграть» (Борис, 55 лет, лоялист, СПб).

Другие, (чаще – респонденты среднего и молодого возраста), наоборот, сочли возраст объективной характеристикой: «Ну, то есть, нельзя сказать, что за этим ничего больше нет...Но факт остается фактом» (Елена, 35 лет, лоялистка, СПб); «...если судить без углубления в политику... действительно, с возрастом возникают определенные проблемы. То есть, это свойственно всем людям, – у некоторых людей особенно – вот, действительно, снижаются когнитивные способности. И я считаю, что любой человек имеет право в случае, если это звучит не оскорбительно, упомянуть об этом, не имея под собой цели даже оскорбить кого-то». (Иван, 19 лет, против всех, СПб).

В целом, результаты интервью показали, что политические предпочтения информантов и их собственный возраст оказывают влияние на специфику интерпретации возраста как политического символа. Значимость политических предпочтений проявлялась следующим образом. Респонденты описывали в терминах возраста, инфантильности и старости, тех политиков, которые вызывали у них антипатию. Это показывает, что негативные коннотации возрастов, отклоняющихся от «нормального» среднего возраста, доминируют в общественном сознании. Значимость фактора возраста при оценке символов инфантильности и старости проявлялась в том, что применение технологии символической инфантилизации некоторые информанты инкриминировали людям пожилого возраста; применение символической сенилизации, напротив, приписывали молодым. При этом большинство респондентов отметили, что с реальным возрастом политика символическая инфантилизация и символическая сенилизация не связаны – объектом таких технологий могут

стать политики любого возраста, которым приписывают «детские» или «старые» поведенческие характеристики.

Доминирующими содержательными компонентами символа детского возраста, используемыми респондентами, стали эгоцентризм, незрелость, отсутствие опыта, неэффективность, глупость, несамостоятельность, безответственность, несбыточные обещания. Доминирующими содержательными компонентами символа пожилого возраста – неспособность выполнять свои обязанности, несамостоятельность, умственная неполноценность, несовременность, неспособность воспринимать новое, слишком длительное пребывание в должности. Некоторые негативные качества, приписываемые информантами пожилому и детскому возрасту, совпадают, что показывает, что детство и старость нередко воспринимаются как две стороны одной медали, и олицетворяют неполноценность. Основные отличия в содержании символов детства и старости были связаны с такими категориями, как опыт и консерватизм, которые респонденты соотносили со старшим возрастом. При этом, первое, безусловно, оценивалось как положительная характеристика, в то время как второе – чаще как отрицательная. Примечательно, что значимых отличий в интерпретации символов возраста жителями трех регионов России не было выявлено.

Таким образом, содержание символа детства включает характеристики, отсылающие к неполноценности ребенка, такие как нерациональность, незрелость, зависимость, а потому его использование в политике может быть средством политической мобилизации, связанной с необходимостью защиты детей, а также легитимации власти, основанной на противопоставлении «неразумных детей» и рациональных взрослых. Символ старости, в свою очередь, также противопоставляется среднему возрасту, и содержит преимущественно негативные коннотации, включающие умственную и физическую неполноценность, – а потому может применяться для дискредитации оппонентов, делегитимации их власти и исключения из политики.

Символическая инфантилизация и символическая сенилизация, по всей видимости, достаточно широко используются в современной российской политике, образы инфантильности и старости политиков узнаваемы и известны респондентам. В общественном мнении современной России доминируют негативные смыслы символов детства и старости, такие как зависимость, неполноценность, неэффективность. Эти черты информанты ассоциируют как с детским, так и с пожилым возрастом в политике, и приписывают их тем российским и зарубежным политикам, деятельность которых не вызывает у них одобрения.

Литература

1. Клещенко Л.Л. Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России // Комплексные исследования детства. 2019. Т. 1. №4. С. 312-319.
2. Клещенко Л.Л. «Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа // Комплексные исследования детства, 2021. Т. 3. №1. С. 23-37.
3. Лишаев С.А. Возраст в истории европейской философии (историческое введение в философию возраста) // *Mixtura verborum'* 2014: жизнь в параллельных мирах: философский ежегодник / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2015. С. 172-200.
4. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. Т. 8. №4. С. 179 -204.
5. Микляева А.В. Инфантилизация пожилых людей в повседневном взаимодействии: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. №1. С. 109-124.
6. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Образы детства и детей в символической политике // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. №3. С. 417-433.
7. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Символическая сенилизация как прием политической борьбы в современной России // Старшее поколение современной России. Материалы междунар. науч.-практич. конф. Нижний Новгород, 2021. С. 167-170.
8. Рябова Т.Б., Рябов О.В. «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике // Женщина в российском обществе. 2020. №4. С. 5-13.
9. Рябов О.В., Белов С.И., Давыдова О.С., Кубышкин А.И., Рябов Д.О., Рябова Т.Б., Смирнов Д.Г., Спутницкая Н.Ю., Юдин К.А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. Москва: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
10. Омельченко Е.Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // *The Journal of Social Policy Studies*, 2010. №3(1) С. 59-86.
11. Попова О.В. Идеологические ценности современной российской молодежи: по итогам эмпирического исследования // XXXVII Международный Харакский форум: в 2 т. Том 2. Симферополь, 2021. С. 134-140.
12. Brewer M.B. A dual-process model of impression formation. In: Srull T.K., Wyer R.S., editors. *Advances in social cognition*. Vol. 1. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum; 1988. P. 1-36.
13. Brewer M.B., Dull V, Lui L.L. Perceptions of the elderly: Stereotypes as prototypes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. №41. P. 656-670.
14. Brown J.S.H. *Ethnohistorians: Strange Bedfellows, Kindred Spirits* // *Ethnohistory*. 1991. Vol. 38. №2. P. 113-123.
15. Cuddy A.J.C., Fiske S.T. *Doddering but dear: Process, content, and function in stereotyping of older persons*. In T.D. Nelson, *Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2002. P. 3-26.

16. DeZalia R.A.P., Moeschberger S.L. The Function of Symbols that Bind and Divide. Symbols that bind, symbols that divide the semiotics of peace and conflict. Ed. by R.A. Phillips DeZalia, S.L. Moeschberger. New York: Springer, 2014. P. 1-12.

17. Kitzinger J. Defending Innocence: Ideologies of Childhood // Feminist Review. No. 28, Family Secrets: Child Sexual Abuse, 1988. P. 77-87.

18. Landsman G.H. The "Other" as Political Symbol: Images of Indians in the Woman Suffrage Movement // Ethnohistory. Vol. 39. №3. 1992. P. 247-284.

19. Levy B. Stereotype Embodiment: A Psychosocial Approach to Aging // Current Directions in Psychological Science. 2009. №18(6). P. 332-336.

20. Neustadter R. "Grow up!" The Devaluation and Stigmatization of Childhood as a Threat to Progress in Contemporary Social Thought // Sociological Focus. 1993. №26(4). P. 301-314.

21. Parsons T. Social Structure and Personality. New York: Free Press, 1965.

22. Redfield R. The Primitive World And Its Transformation. Ithaca: Cornell, 1953.

23. Riabova T., Riabov D. Infantilising the Other: The Metaphor of Childhood in Russia's Media Discourse on International Relations // Australian Slavonic and East European Studies. 2020. Vol. 34. P. 125-149.

24. Richeson J.A., Shelton J. N. A Social Psychological Perspective on the Stigmatization of Older Adults. Washington (DC): National Academies Press (US), 2006.

25. Williamson J.B., Evans L., Paoell L.A., Hesse-Biber S. The Politics of Aging: Power and Policy. Springfield: Charles C Thomas Pub Ltd, 1982.

References

1. Kleshchenko L.L. Rerezentatsiya obraza detstva v liberal'nykh SMI sovremennoi Rossii. Kompleksnye issledovaniya detstva. 2019. T. 1. №4. S. 312-319.

2. Kleshchenko L.L. «Pokolencheskii razryv» v diskurse sovremennykh rossiiskikh liberal'nykh media. Kompleksnye issledovaniya detstva, 2021. T. 3. №1. S. 23-37.

3. Lishaev S.A. Vozrast v istorii evropeiskoi filosofii (istoricheskoe vvedenie v filosofiyu vozrasta). Mixtura verborum' 2014: zhizn' v parallel'nykh mirakh: filosofskii ezhegodnik / pod obshch. red. S.A. Lishaeva. Samara: Samar. gumanit. akad., 2015. C. 172-200.

4. Malinova O.Yu. Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi politiki: evolyutsiya diskursa vlastvuyushchei elity v postsovetskoii Rossii. Politicheskaya ekspertiza. 2012. T. 8. №4. S. 179 -204.

5. Miklyaeva A.V. Infantilizatsiya pozhilykh lyudei v povsednevnom vzaimodeistvii: k postanovke problemy. Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki. 2018. T. 16. №1. S. 109-124.

6. Riabova T.B., Ryabov O.V. Obrazy detstva i detei v simvolicheskoi politike. Politicheskaya ekspertiza. POLITEKS. 2019. T. 15. №3. S. 417-433.

7. Riabova T.B., Ryabov O.V. Simvolicheskaya senilizatsiya kak priem politicheskoi bor'by v sovremennoi Rossii. Starshee pokolenie sovremennoi Rossii. Materialy mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Nizhnii Novgorod, 2021. S. 167-170.

8. Riabova T.B., Riabov O.V. «...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha»: o gendernovo-zrastnykh stereotipakh v politike. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. №4. S. 5-13.

9. Riabov O.V., Belov S.I., Davydova O.S., Kubyshkin A.I., Riabov D.O., Riabova T.B., Smirnov D.G., Sputnitskaya N.Yu., Yudin K.A. «Vrag nomer odin» v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny. Moskva: Aspekt Press, 2023. 400 s.

10. Omel'chenko E.L. Molodezhnyi aktivizm v Rossii i global'nye transformatsii ego smysla. *The Journal of Social Policy Studies*, 2010. №3(1) S. 59-86.

11. Popova O.V. Ideologicheskie tsennosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi: po itogam empiricheskogo issledovaniya. XKhKhVII Mezhdunarodnyi Kharakskii forum: v 2 t. Tom 2. Simferopol', 2021. S. 134-140.

12. Brewer M.B. A dual-process model of impression formation. In: Srull T.K., Wyer R.S., editors. *Advances in social cognition*. Vol. 1. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum; 1988. R. 1-36.

13. Brewer M.B., Dull V, Lui L.L. Perceptions of the elderly: Stereotypes as prototypes. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. №41. P. 656-670.

14. Brown J.S.H. Ethnohistorians: Strange Bedfellows, Kindred Spirits. *Ethnohistory*. 1991. Vol. 38. №2. P. 113-123.

15. Cuddy A.J.C., Fiske S.T. Doddering but dear: Process, content, and function in stereotyping of older persons. In T.D. Nelson, *Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2002. R. 3-26.

16. DeZalia R.A.P., Moeschberger S.L. The Function of Symbols that Bind and Divide. Symbols that bind, symbols that divide the semiotics of peace and conflict. Ed. by R.A. Phil-lips DeZalia, S.L. Moeschberger. New York: Springer, 2014. R. 1-12.

17. Kitzinger J. Defending Innocence: Ideologies of Childhood. *Feminist Review* No. 28, *Family Secrets: Child Sexual Abuse*, 1988. R. 77-87.

18. Landsman G.H. The "Other" as Political Symbol: Images of Indians in the Woman Suffrage Movement. *Ethnohistory*. Vol. 39. №3. 1992. R. 247-284.

19. Levy B. Stereotype Embodiment: A Psychosocial Approach to Aging. *Current Directions in Psychological Science*. 2009. №18(6). P. 332-336.

20. Neustadter R. "Grow up!" The Devaluation and Stigmatization of Childhood as a Threat to Progress in Contemporary Social Thought. *Sociological Focus*. 1993. №26(4). P. 301-314.

21. Parsons T. *Social Structure and Personality*. New York: Free Press, 1965.

22. Redfield R. *The Primitive World And Its Transformation*. Ithaca: Cornell, 1953.

23. Riabova T., Riabov D. Infantilising the Other: The Metaphor of Childhood in Russia's Media Discourse on International Relations. *Australian Slavonic and East European Studies*. 2020. Vol. 34. P. 125-149.

24. Richeson J.A., Shelton J. N. *A Social Psychological Perspective on the Stigmatization of Older Adults*. Washington (DC): National Academies Press (US), 2006.

25. Williamson J.B., Evans L., Paoell L.A., Hesse-Biber S. *The Politics of Aging: Power and Policy*. Springfield: Charles C Thomas Pub Ltd, 1982.

О.В. Рябов**O. Riabov****ВОЗРАСТНОЙ ДИСКУРС
В СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ *****THE AGE DISCOURSE
IN CONTEMPORARY
POLITICS OF RUSSIAN
IDENTITY****Аннотация**

В статье, построенной на анализе заявлений российских политиков, официальных документов, публикаций в ведущих СМИ, а также результатов серии интервью, проведенной в 2023 году, впервые рассматривается такой ресурс политики российской идентичности, как возрастной дискурс. В первой части статьи показано, что потенциал возрастного дискурса в политике коллективной идентичности обусловлен возможностью привлечения его для проведения символических границ между сообществами и внутри них, а также для легитимации социальных иерархий. Во второй части рассматривается использование возрастного дискурса в таких направлениях политики российской идентичности, как производство привлекательных образов «своих» и формирование чувства принадлежности к сообществу; обеспечение единства за счет ослабления внутренних символических границ; создание негативной идентичности за счет укрепления внешних символических границ и конструирования образов «чужих». Взрослость как норма приписывается «своим», в то время как «чужие», внешние или внутренние, подвергаются символической инфантилизации или символической сенилизации. Позиционирование России в качестве «взрослой» страны связано с ключевым концептом суверенитета. В третьей части демонстрируется, что социальные представления россиян в целом коррелируют с данными тенденциями. Большинство респондентов ассоциируют Россию, в отличие от «чужих», со взрослостью, объясняя это ее ответственностью, рациональностью и способностью к развитию. Чаще всего этой позиции придерживаются сторонники власти.

Abstract

The paper, based on analyzing the Russian politicians' statements, official documents, articles in the leading mass media, as well as the results of the interviews, conducted in 2023 in Russia, for the first time examines the age discourse as a resource of the contemporary politics of Russian identity. The first part of the paper shows that potential of the age discourse in politics of collective identity is caused by ability to employ it in drawing external and internal symbolic boundaries and in legitimating social inequality. The second section focusses on how the age discourse is used in the directions of the politics of Russian identity: creating the positive images of Russia and Russians; providing unity of Russian society through weakening internal symbolic boundaries; forming the negative identity through strengthening external symbolic boundaries and constructing and producing the images of "them". This politics prescribes adulthood as a norm to "us", whereas "them", external and internal, are exposed to symbolic infantilization or symbolic senilization. Positioning Russia as an "adult" country is connected with the key concept of sovereignty. The third part demonstrates that in general Russians' social views correlate with these trends. Most respondents associate Russia, unlike "them", with adulthood, justifying it by the country's responsibility, rationality, and capacity of development. The supporters of the authorities follow this point of view most often.

Ключевые слова:

политика коллективной идентичности, российская идентичность, возрастной дискурс, возрастные стереотипы, символическая политика, символические границы, суверенитет.

Key words:

politics of collective identity, Russian identity, age discourse, age stereotypes, symbolic politics, symbolic borderguards, sovereignty.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-39-59>

«Молодым – везде у нас дорога, / Старикам – везде у нас почет», – провозглашалось в самом первом куплете «Песни о Родине» (1936) В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского, одной из наиболее известных манифестаций советскости, вклад которой в создание советской идентичности сложно переоценить. Коллективное «мы» и его специфические черты, таким образом, определялись при помощи возрастного дискурса, за счет постулирования того, как в данном сообществе относятся к представителям той или иной возрастной группы. Это один из примеров привлечения репрезентаций возраста в политику коллективной идентичности – то есть, в деятельность политических акторов, направленную на достижение сообществом ощущения целостности, а его членами – чувства принадлежности к нему [3, с. 71; 10, с. 17–18; 14]. Политика идентичности, связанная с наделением социальной реальности смыслами, с производством эмоционально-ценностного отношения к явлениям общественно-политической жизни, может быть рассмотрена как форма символической политики.

Статья посвящена тому, как возрастной дискурс используется в современной политике российской идентичности. Эта политика направлена на выработку ответов (и утверждение их в качестве доминирующих в обществе) на следующие вопросы: кто такие россияне и какого рода общность они образуют (нация, гражданство, народ)? Каковы их специфические характеристики (ценности, черты характера, традиции, важнейшие события истории, шедевры культуры, выдающиеся личности)? Какое место они занимают среди народов Земли и какова их историческая миссия? Каковы классовые, этнические, конфессиональные отношения в данном сообществе? Проблематика российской идентичности не может пожаловаться на отсутствие интереса со стороны научного сообщества; в отечественных и зарубежных исследованиях изучались ее различные ресурсы, позволяющие приписывать «своим»

и «чужим» определенные характеристики и наделять их определенными оценками: этнический, цивилизационный, конфессиональный, исторический, политический, гендерный и др. [1; 5; 6; 8; 13; 14; 16; 20; 22]. Мы предлагаем рассмотреть в качестве ресурса политики идентичности возрастной дискурс, который, насколько нам известно, еще не становился предметом исследования. Это предполагает анализ следующих вопросов: какие свойства возраста позволяют привлекать возрастной дискурс в политику коллективной идентичности? Как возрастной дискурс используется в основных направлениях политики российской идентичности? Наконец, насколько эффективным может быть включение возрастных маркеров в репрезентации «своих» и «чужих», как их использование коррелирует с сегодняшними социальными представлениями россиян?

Исследование построено на анализе заявлений российских политиков и высших должностных лиц, официальных документов, публикаций в ведущих СМИ. Кроме того, для изучения социальных представлений мы привлекаем результаты серии интервью, проведенных в 2023 г.

Возрастной дискурс как ресурс политики коллективной идентичности

Что выступает причиной использования возрастных маркеров в политике? Хотя проблема «Возраст и власть» является не самой популярной у политологов, различия в возрасте на всем протяжении человеческой истории влияли на возможности той или иной социальной группы принимать участие в управлении и заниматься политической деятельностью, касается ли это геронтократии или возрастных цензов в избирательном праве.

Обращение к методологии конструктивистского подхода требует, кроме того, проанализировать причины и технологии приписывания возрасту тех или иных значений, оказывающих влияние на различные аспекты использования их в политике. Возрастной дискурс можно определить как систему высказываний о различиях между индивидами, их персональными характеристиками и социальными ролями, обусловленных принадлежностью к определенной возрастной группе, а также об особенностях сообществ, детерминированных спецификой социального статуса, которым обладают в них те или иные возрастные группы. Семантическое ядро возрастного дискурса структурируется делением на возрастные группы («дети», «взрослые», «старика»); различением поколений, в том числе с наделянием их полити-

ческими коннотациями (например, «советское поколение»); ассоциированием возраста с ценностно-нагруженными оппозициями (например, «прошлое – будущее», «старое – новое», «традиции – новаторство» и др.).

Потенциал возрастного дискурса как ресурса политики определяется возможностью использовать его для различения и оценивания, то есть для проведения символических границ между сообществами и внутри них, а также для легитимации социальных иерархий.

Оценочность – это черта, которая имеет особое значение в политическом дискурсе: возрастные характеристики могут быть использованы для обозначения и оправдания социального неравенства. Первая власть, с которой сталкивается человеческое существо при появлении на свет – это власть взрослых. В связи с этим уподобление политических акторов ребенку означает надделение их эмоциональностью, беспомощностью, безответственностью, мечтательностью, а также обоснование необходимости контроля за ними [30]. Репрезентации старости как дряхлости также могут быть использованы для делегитимации политических акторов. Атрибутирование политическим акторам качеств, ассоциируемых с детством или старостью, или же прямое уподобление их детям или старикам рассматриваются в качестве приемов символической борьбы и обозначаются как соответственно «символическая инфантилизация» и «символическая сенилизация» [28, p. 125].

Что касается различения, то, прежде всего напомним, что, например, по оценке К. Шмитта, разделение на «друзей» и «врагов» выражает саму сущность политического [18]. Среди отмечаемых в современных работах важнейших черт идентичности, помимо динамичности и гетерогенности, особого внимания в контексте нашего исследования заслуживает реляционность: реляционная концепция идентичности исходит из того, что необходимым условием «мы»-образа являются представления о «других» [25]. По оценке Д. Кэмпбелла, подобно тому как идентичность конституируется по отношению к различию между «я» и «другим», так и различия конституируются по отношению к идентичности [23, p. 8–9]. В связи с этим в качестве важнейшего компонента коллективной идентичности следует рассматривать символические границы, отделяющие «своих» от «чужих», которые создаются при помощи символических пограничников; к последним можно отнести любые семиотические средства, с помощью которых проводятся такие границы. Политическая деятельность связана с проблемой границ неразрывно; проведение границ, как отмечает один из ведущих исследователей данной проблемы А. Пааси, это

манифестация власти [26]; воздействие же на символические границы выступает составляющей многих форм символической политики [12].

При этом поскольку символическая политика предполагает конкуренцию различных способов интерпретации политическими акторами социальной реальности, то проведение границ становится предметом острого соперничества, связанного с проблемой власти, на что обратил внимание еще Ф. Барт; борьба ведется за право их проведения, за выбор пограничников и за то, где, собственно, они проходят [21, р. 35]. Для того, чтобы укрепить одни символические границы, требуется ослабить альтернативные; иными словами, создание символических границ включает в себя практики легитимации и делегитимации.

Таким образом, для создания конкурентоспособных границ символические пограничники должны, во-первых, быть узнаваемыми, способными однозначно определять границу; во-вторых, «охранять» ее, делать «непреодолимой», легитимировать ее, наделять ее свойствами законности, вечности, «естественности»; в-третьих, акцентировать различные черты двух сообществ и игнорировать сходные. При обосновании правильности собственного варианта проведения символических границ акторы политики идентичности особенно охотно привлекают те маркеры, которые ассоциируются с природными характеристиками человека: расой, этничностью, полом; к их числу можно отнести и возраст.

Так может быть представлен потенциал для политики коллективной идентичности, который заключен в возрастном дискурсе. Этот потенциал используется акторами символической политики на протяжении, вероятно, всей человеческой истории. Обращает на себя внимание инструментальный характер эксплуатации возрастных маркеров: в позиционирование «своих» и «чужих» привлекаются как их позитивные, так и негативные значения. Так, ценность молодости, ассоциируемой с обновлением, акцентируется в революционных движениях, оспаривающих статус-кво. Скажем, позиционирование СССР в качестве, говоря словами В. Маяковского, «земли молодости» («а моя / страна – / подросток – / твори, / выдумывай, / пробуй!») было важным для советской идентичности, особенно в первые десятилетия советской власти. Вот характерный пример оценок «своих» и «чужих» из статьи 1950 года, утверждающей, что будущее принадлежит социализму, между тем как капитализм – продукт уходящей эпохи: «дельцы, бизнесмены, бандиты капиталистического мира <...> не хотят подобра-поздорову убраться с

арены истории, уступить место более совершенному и молодому обществу, новому гармоничному человеку»¹.

Апелляция к молодости и обвинения оппонентов в старости, в вырождении характерны и для риторики национальных движений. В частности, это находит отражение в репрезентациях национальных аллегорий. Например, финское национальное движение конца XIX в., по оценке Л. Эдмондсон, продвигало в качестве символа нации образ Девы Финляндии, чья молодость контрастировала со старостью и заостренностью образа России-матушки – признанной аллегорией Российской империи [19, с. 423].

Использование возрастных маркеров акторами политики идентичности нередко встречается во внешнеполитической риторике. Скажем, антисоветский дискурс Холодной войны привлекал различные ресурсы для разрушения СССР, в том числе репрезентации возраста. С одной стороны, подчеркивалась инфантильность советского человека, проявляющаяся в его безответственности и безынициативности, порожденными отсутствием частной собственности, уравниловкой социалистической системы, превращением человека в «винтик», тотальным контролем со стороны государства – именно так был представлен «Хо-мо советикус» в многочисленных произведениях, издаваемых на Западе (например, в книге А. Зиновьева [7]). В интервью западным журналистам другого критика советской системы, А. Солженицына, прозвучал следующий комментарий по поводу глушения западных радиопередач в СССР: «Это низведение взрослых до младенцев – глотай только пережеванное мамой»². В период перестройки в одном американском издании появляется карикатура, на которой «Россия-матушка» в образе женщины внушительного телосложения заслоняет собой сына от М.С. Горбачева. Сын, здоровенный «бугай» с бутылкой водки в кармане, испуганно смотрит на генсека-реформатора и говорит ему: «Папа Горбачев, я еще слишком молод, чтобы рассчитывать на свои собственные силы. Ты же знаешь, как я безынициативен. Кто позаботится обо мне? Я же буду голодать, папа!» [29, р. 69]. Таким образом, желание советского человека «повзрослеть» в социальном плане использовалось в качестве одного из приемов политической мобилизации сторонников слома социалистической системы³. С

¹ Самойлов Д. Значок молодых патриотов // Физкультура и спорт. 1950. №9. С. 12–13.

² Интервью Александра Солженицына Associated Press и Le Monde. 1973. 23 августа. URL: <https://clck.ru/3Bh5Rh>.

³ Аналогичным образом для деконструкции советскости эксплуатировался гендерный дискурс, стремление стать «настоящим мужчиной» – создавались

другой стороны, предметом насмешек была власть «кремлевских старцев»; образы власти как геронтократии символизировали «одряхлевший Советский Союз» и служили приемом дискредитации советской политической системы [24].

Возрастной дискурс как ресурс современной политики российской идентичности

Среди направлений политики идентичности выделяют, во-первых, создание позитивной идентичности, то есть производство привлекательных образов «своих» и формирование чувства принадлежности к сообществу; во-вторых, обеспечение единства за счет ослабления внутренних символических границ: этнических, конфессиональных, региональных, классовых, культурных и др.; в-третьих, создание негативной идентичности за счет укрепления внешних символических границ и конструирования образов «чужих» [11]. Рассмотрим, как возрастной дискурс становится ресурсом современной политики российской идентичности в каждом из этих направлений.

Формирование позитивной идентичности

Создание позитивного образа «своих» включает в себя конструирование образа сообщества, определение качеств, которыми наделяются его члены, репрезентации его истории и выдающихся представителей, а также формирование гордости за принадлежность к нему. В постсоветской истории России выделяются несколько дискурсов российской идентичности, в той или иной степени конкурирующих между собой за определение «своих» и «чужих»; в их числе «российская нация», «Россия как государство-цивилизация», «евразийство», «Русский мир», «Россия как подлинная Европа» и «западничество» в различных модификациях.

Для «молодых реформаторов» начала 1990-х гг. было характерно критическое отношение ко всей истории России, которая трактовалась как попытка противопоставить себя западным ценностям, рассматриваемым в качестве универсальных, общечеловеческих. Новая демократическая Россия, как они полагали, этих ошибок избежит. Запад, прежде всего, Америка – учитель и образец; Россия же позиционировалась как ученик и как ребенок, только появившийся на свет. Советской геронтократии противопоставлялись молодость и устремленность в будущее новой России.

демаскулинизированные образы советского мужчины как элемент негативной идентичности противников социализма [13].

Ситуация меняется с начала XXI века, когда в выступлениях политиков, в том числе первых лиц государства, акцентируется, что у России тысячелетняя история. Показательно, что эта идея с самого начала оказывается непосредственно связанной с концепцией суверенитета России. В Мюнхенской речи 2007 года президент В.В. Путин обосновывает право страны на самостоятельную политику в том числе ее возрастом: «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику»¹. С тех пор в выступлениях президента нередко право России на суверенную политику получает дополнительную легитимность за счет обращения к теме «возраста» страны (например, «Мы боремся за жизнь и безопасность наших людей, за наш суверенитет и независимость, за право быть и оставаться Россией - государством с тысячелетней историей»)².

Еще один важный компонент сегодняшнего образа России связан с идеей о том, что ее аксиологической основой являются традиционные ценности – те, которые отвергаются «коллективным Западом», что создает опасность уничтожения человека как такового. Показательно, что их легитимность также обосновывается глубокими историческими корнями, укорененностью в прошлом страны; в выступлении по случаю Дня России в 2022 году президент Российской Федерации отметил, что эти ценности «рождались и крепили на протяжении всей тысячелетней истории России и сегодня объединяют наш многонациональный народ...»³.

Наконец, за счет обращения к тысячелетней истории страны легитимируется еще один важный концепт сегодняшней политики российской идентичности – образ России как государства-цивилизации. Впервые идея о России как уникальной цивилизации была высказана в официальном дискурсе еще в 2007 году в предвыборном документе «Единой России», озаглавленном «План Путина» и с тех пор, особенно в «послекрымский период», воспроизводилась неоднократно [9, с. 60]. О многовековой истории, легитимирующей уникальный статус России как государства-цивилизации, речь идет в утвержденной 31 марта 2023 года новой редакции Концепции внешней политики: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной госу-

¹ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.

² Ильина В. Путин: Россия борется за право оставаться государством с тысячелетней историей / Российская газета. 2023 URL: <https://clck.ru/3Bh5Uk>.

³ Путин заявил, что россиян объединяют патриотизм и нравственные ценности / ТАСС. 2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14891073>.

дарственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации...»¹.

Таким образом, для легитимации важнейших составляющих позитивной идентичности привлекается тезис об их глубоких исторических корнях. Исследователи уже обращали внимание на то, что такой прием, как удревнение применяется с целью «объяснения и оправдания» тех или иных явлений социальной реальности – например, в феномене «мобилизованного Средневековья», привлечения средневековой истории для легитимации наций, возникающих в XIX – начале XX вв. в Центрально-Восточной Европе и на Балканах [2; 15]. Другой прием символической политики – использование маркера взрослости, позиционируемой в качестве нормы, золотой середины между детством и старостью. Один из символов современной России – президент страны, в связи с чем заслуживает упоминания регулярное тиражирование российскими СМИ высказываний зарубежных политиков и экспертов, в которых речь идет о том, что В.В. Путина можно охарактеризовать как «взрослого» (или даже «единственного взрослого») современного политика. Например, экс-глава МИД Австрии К. Кнайсль заявила, что в ходе переговоров с президентом В.В. Путиным и главой МИД С.В. Лавровым чувствовала себя в обществе «взрослых людей», в отличие от коллег-мужчин из Евросоюза – по ее оценке, «тинейджеров», которые «постоянно взволнованы, постоянно в позиции морального превосходства»². Другой пример – это привлечение внимания к высказываниям о президенте России, сделанным С. Риттером, бывшим американским разведчиком, а ныне известным блогером: «Путин – единственный, кто ведет себя по-взрослому. Та зрелость, которая присуща ему как лидеру, уравновешенность, которую он демонстрирует как дипломат, – все это очевидно»³.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru>.

² Кнайсль объяснила превосходство Путина над коллегами из ЕС / Взгляд. 2022. URL: <https://vz.ru/news/2022/8/21/1173674.html>.

³ «Путин — единственный взрослый в комнате»: Риттер о панике Байдена на фоне спокойствия лидера РФ / Правда. 2023. URL: <https://clck.ru/3BsSku>.

Ослабление внутренних символических границ

Другим направлением политики коллективной идентичности является обоснование единства общества; в иерархии границ внешним символическим границам отводится приоритетное место, в то время как внутренние ослабляются.

Возрастные маркеры привлекаются в демонстрацию единства национального и гармонию межэтнических отношений в России. Длительный опыт совместного проживания различных народов страны трактуется как показатель жизнеспособности и успешности российской цивилизации; «почтенный возраст» внешних границ используется в их легитимации. Еще в 2012 году в статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин писал: «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. И этот выбор русский народ подтверждал раз за разом – и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей»¹. После этого он неоднократно возвращался к данной идее – например, на Санкт-Петербургском культурном форуме осенью 2023 г².

Кроме того, апелляция к возрастным маркерам включается в символическую политику, направленную на ослабление идеологических разногласий в российском обществе. Непрерывность отечественной истории – значимый элемент официальной политики российской идентичности [20]. Так, в июне 2023 года, когда в Санкт-Петербурге были подняты три флага – Российской империи, СССР и РФ – пресс-секретарь президента Д.С. Песков охарактеризовал это событие как «символ преемственности российской государственности» с ее древней историей³. То есть, тем самым демонстрировалось преодоление разрыва в прошлом страны и объединение сторонников тех ценностей, которые символизируют различные периоды отечественной истории.

Наконец, возрастные маркеры привлекаются для ослабления границ между различными поколениями. Тысячелетняя история страны трактуется как история сменяющих друг друга поколений – то есть, родственников. Так, в президентском послании 2023 года было отмечено, что Россия – это самобытная цивилизация, которую «нам передали предки, а мы должны сохранить ее для

¹ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос / Независимая газета. 2012. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

² Пленарное заседание Форума объединённых культур 17 ноября 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72757>.

³ Герейханова А. Песков заявил, что поднятый флаг СССР в Петербурге – это символ преемственности государственности / Российская газета. 2023. URL: <https://clck.ru/3BsSsv>

наших потомков и передать дальше»¹. Показательно, что и Конституция РФ в 2020 году была дополнена статьей 67.1, в которой подчеркивается: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»². При этом необходимо отметить, что в последние годы утверждается идея о том, что связь поколений, основанная на уважении к традиции, является одним из признаков, отличающих Россию от значимых Других – то есть, «коллективного Запада», для которого, как утверждается, все более свойственна атомизация общества и распад социальности.

Укрепление внешних символических границ

Действительно, формирование негативной идентичности за счет укрепления внешних символических границ является еще одним направлением исследуемой политики: оборотной стороной позиционирования России как рациональной, ответственной, сильной – иными словами, «взрослой» страны – выступают репрезентации «чужих».

Прежде всего, это касается Запада, который в гегемонном дискурсе перестает быть моральным авторитетом для России с конца 2000-х гг. [13]. Те образы Запада, которые были популярны во время перестройки и постперестройки, утрачивают притягательность и в глазах российских граждан. Противопоставление евроатлантическим странам принимает различные формы: от отрицания принадлежности России к европейской цивилизации до позиционирования ее как подлинной Европы (так, в опубликованном в 2017 г. докладе российских «мозговых центров», посвященных политике В.В. Путина, было подчеркнуто, что «Россия стала единственной страной, отстаивающей традиционные ценности европейской культуры» [4, с. 24]).

Это изменение отношения к Западу нашло отражение и в возрастном дискурсе. Вначале взгляд на современный Запад как «носителя неструктурированного, ювенильного начала» формируется в текстах авторов, придерживающихся правоконсервативных позиций [13, с. 252–254]. В статье А. Дугина инфантилизация общества трактуется в качестве глубинной проблемы постмодер-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>.

² Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. С изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.

на. «Если раньше, еще лет сто назад, образцом выступал зрелый человек, то в XX веке – уже юноша, в наше время – подросток. <...> Инфантилизм, ювенильность... стали нормой общества <...> Старость становится отрицательным понятием, а молодость и даже подростковость – положительным». Особенно, по мнению автора, это характерно для США: «Американское общество – общество подростков. Оно исторически незрелое. Оно состоит из агрессивных юных дебилов, у которых ничего не получается, они все проваливают ... Американцы начинают войны, проигрывают, и, тем не менее, ничего»¹.

Со временем и в гегемонном дискурсе тема инфантилизма стала одним из важных пунктов критики Запада, что отражается в высказываниях политиков. В частности, примечательным является ответ В.В. Путина на вопрос журналиста о том, почему президент предпочитает не рассказывать о том, как живут его дети и внуки: «Я знаю, что западная политическая культура связана с представительством членов семьи, но мне кажется, что мы не в таком состоянии находимся, чтобы заниматься этим театром. У нас должно быть по-взрослому, по-серьезному»². Евросоюзу и его лидерам отказывают в обладании теми качествами, которые закреплены за взрослыми – самостоятельностью, ответственностью, рациональностью, реализмом, в последнее время тема инфантилизма Европы становится еще более востребованной. Например, в телеграмм-канале заместителя председателя Совета безопасности РФ Д.А. Медведева европейские элиты характеризуются как инфантильные достаточно регулярно. В статьях журналистов эта тема получает концептуальное обоснование: причину ее видят в отказе стран Евросоюза от суверенитета в пользу США. Вот характерный пример такого рода рассуждений: «они привыкли, что за них все решит “папочка” из-за океана». Их инфантилизм проявляется в полном отказе от ответственности («Так ведут себя дети в детском саду»)³.

Еще один значимый Другой, создание образов которого является частью формирования российской идентичности – постсоветские страны: когда те проводят недружественную политику, то также используется прием символической инфантилизации. Например, после ухудшения российско-армянских отношений осенью 2023 г. в издании «Взгляд» появляется статья, в которой утверждается, что «вся политическая жизнь Армении пре-

¹ Дугин А. «Хорошо умереть молодым» / Взгляд. 2011. URL: <https://vz.ru/opinions/2011/7/21/508970.html>.

² Назарова А. Путин рассказал о счастье общения с внуками / Взгляд. 2020. URL: <https://vz.ru/news/2020/10/7/1064080.html>.

³ Инфантилизм западного общества. 2023. URL: <https://clck.ru/3BsT6R>.

вратилась в инфантильный пафос»¹. Как уже было показано в исследованиях, возрастные маркеры привлекались для репрезентаций руководства (а нередко и населения) послемайданной Украины [27].

Кроме того, частью политики коллективной идентичности являются репрезентации внутренних «чужих» – тех, кто не соответствует нормам и требованиям, предъявляемым «своим», или же оспаривает существующие символические границы с внешними «чужими». Здесь также используется возрастной дискурс – как, например, в отношении т.н. релокантов периода СВО (вот один из примеров символической инфантилизации: «Реакция антивоенная была наиболее эмоциональной, местами истеричной: не хотим жить в такой стране, нам стыдно, мы душой с Украиной. Патриотический отклик был куда более сдержанным, в барабаны никто не бил, большинство патриотов понимало, что происходит трагедия, из которой нам придется долго выбираться. Но есть долг, который велит нам быть солидарными с нашей страной. Можно сказать, что первые реагировали инфантильно, а вторые – как ответственные граждане»²).

Другая форма позиционирования «чужих» – подчеркивание их дряхлости: символическая сенилизация также становится оборотной стороной создания позитивной российской идентичности. Это нередко обусловлено особенностями лидеров некоторых стран Запада (так, в телеграмм-канале Д.А. Медведева неоднократно высмеивались политические ошибки, связанные с возрастом президента США и других представителей американской политической элиты). Однако в немалой степени старость Дж. Байдена расценивается как символ упадка, одряхления США.

Еще более определенно по поводу «возраста» «коллективного Запада» в июне 2023 года высказался В.В. Путин, назвав европейцев и американцев «затухающими нациями»: «И труба пониже, и дым пожиже у них. Нет пассионарности, это затухающие нации. <...> А у нас есть, мы будем бороться за свои интересы и будем добиваться своих целей»³.

¹ Андреева О. Армения спустя 30 лет независимости ощущает себя ребенком России / Взгляд. 2023. URL: <https://vz.ru/opinions/2023/9/17/1229529.html>.

² Спецоперация меняет российскую культуру / Взгляд. 2023. URL: <https://vz.ru/culture/2023/1/9/1192476.html>.

³ Путин заявил, что на Западе «нет пассионарности, это затухающие нации» / ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/politika/17998985>.

Возраст и российская идентичность в социальных представлениях

В какой степени использование возрастного дискурса в политике российской идентичности коррелирует с социальными представлениями россиян? Об этом позволяет судить, в частности, анализ результатов интервью, проведенных в 2023 г. в трех российских городах: Санкт-Петербурге, Махачкале и Иванове (характеристика выборки исследования см. в статье Т.Б. Рябовой из данного выпуска журнала).

Вопрос о том, с каким возрастом ассоциируется та или иная страна (или регион мира) вызвал определенные затруднения у респондентов («не понимаю вопроса», «не знаю, что ответить» – такая реакция редкостью не была). Тем не менее получено достаточное количество аргументированных ответов, анализ которых позволяет выявить определенные тенденции.

Мы анализировали, как респонденты характеризуют с точки зрения «возраста» Россию, как – значимых Других (США, ЕС, Украину) и как ответы на эти вопросы варьируются в зависимости от политических предпочтений, возраста, региона проживания и пола участников интервью.

Отвечая на вопрос «Если описывать Россию в категориях возраста, то она: молодая, взрослая, пожилая, инфантильная?», респонденты в большинстве случаев характеризуют Россию как «взрослую страну». Наиболее часто данной позиции придерживаются те, кто свои политические предпочтения обозначают как «за Путина». Аргументируя свою точку зрения, они отмечают зрелость политики России, ее силу и способность к развитию; например, *Зрелая. Россия сейчас проводит особенно взвешенную зрелую политику: на международной арене и внутри страны тоже. То, как Россия справляется с вызовами, например, с экономическими вызовами, санкциями, показывает, что она зрелая, опытная* (Арина, 59 лет, «лоялист», Санкт-Петербург).

Последнее время мне кажется, что молодеет. А раньше казалось, что была совсем такая ... старая <...> Появилось какое-то... развитие. Наверное, сейчас Россия – это, все-таки, средний возраст (Елена, 35 лет, «лоялист», Санкт-Петербург).

Приверженцы иных точек зрения, как правило, являются сторонниками других политических сил; они объясняли свою позицию следующим образом: *Россия ассоциируется со старым возрастом... Те ключевые политики, которые представляют страну, сами старшего возраста* (Олег, 27 лет, «либеральные взгляды», Санкт-Петербург).

Весь чиновничий аппарат старшего возраста и дряхлого, они как бы представляют Россию (Алексей, 33 года, «либеральные взгляды», Санкт-Петербург).

То есть, в глазах этой части респондентов «старость» России – это возраст политиков и государственных служащих, играющих ключевую роль в жизни страны. Другой вариант ответов – постулирование, что Россия проводит архаичную политику и игнорирует сегодняшние тенденции мирового развития; «старость» страны – это ее обращенность в прошлое:

Конечно, она старая. Из-за несменяемости власти, из-за застоя во всех сферах. И еще это страна, которая хочет уничтожить свою молодежь – посадить в тюрьмы, выгнать из страны или зомбировать. Страна стариков, которые душат молодежь, вот так скажу (Ксения, 32 года, «левые взгляды», Санкт-Петербург).

Характеристика России как молодой в ряде случаев обосновывается нынешними темпами ее развития, например: *«Молодая! Россия молодая, так как она еще только недавно начала развиваться»* (Илона, 72 года, «лоялист», Санкт-Петербург). Негативные коннотации молодости связаны с неудовлетворительной оценкой ее нынешнего состояния и утратой тех позитивных моментов, которые были в советском прошлом: *«Молодая. От той России, которая была, ничего не осталось»* (Иса, 61 год, «левые взгляды», Дагестан).

Таким образом, корреляция между политической позицией и оценкой России с точки зрения ее «возраста» достаточно заметна. Закономерностей, связанных с полом и регионом проживания, в этих интервью выявить не удалось (пожалуй, кроме той, что респонденты из Дагестан чуть чаще характеризовали Россию как «старую»).

Что касается поколенческих различий, то информанты молодого возраста несколько чаще и эмоциональнее связывали старость с негативными характеристиками.

Ответы на вопросы о других странах были менее консолидированными. Наверное, только Украину характеризовало как инфантильную подавляющее число информантов. Это относится и к «лоялистам» (например: *«Украина – ребенок, без папы сделать ничего не может, орет, а что толку?»* (Денис, 44 года, «лоялист», Иваново); *«Поступки, которые совершаются там политиками, не всегда продуманные... больше похожи на импульсивные»* (Виктория, 18 лет, «лоялист», Санкт-Петербург), и к тем, кто не идентифицирует себя с

провластным большинством (например: «они подвержены чужому влиянию, у них нет никакого своего мнения»; Надирбек, 22 года, «индиф.», Дагестан).

Евросоюз характеризуется респондентами и как инфантильный, и как дряхлый. Инфантильность ЕС видят в его несамостоятельности, зависимости от США (например: «инфантилизм у этих у европейцев, как у детей к родителю по отношению к США» (Микаил, 31 год, «либеральные взгляды», Дагестан); «ими руководит Америка, то есть это не независимое поведение» (Айшат, 63 года, «лоялист», Дагестан). Кроме того, обращается внимание на импульсивность и эмоциональность принимаемых лидерами ЕС решений (например: «Политики Европы принимают странные, детские, не взвешенные решения; обидчивые они еще» (Ксения, 19 лет, «индиф.», Иваново). Вместе с тем применительно к ЕС используют и маркер старости («они и инфантильные, и дряхлые»; Андрей, 37 лет, «лоялист», Иваново).

Что касается США, то ответы были самыми различными. Их маркировали как «доживающих свой век» (Иса, 61 год, «левые взгляды», Дагестан). Дряхлость упоминалась нередко в контексте возраста американского лидера («Ну, старичье у них, судя по их власти»; Денис, 44 года, «лоялист», Иваново). В то же время в ответах встречаются и оговорки, что эта характеристика обусловлена возрастом именно нынешнего президента (например: «Ну, понятно, что старая сейчас. Но, например, когда был Обама, я бы ее такой не назвал»; Сергей, 67 лет, «лоялист», Иваново).

Таким образом, отмеченное соответствие социальных представлений россиян основным тенденциям политики российской идентичности позволяет судить о потенциале последней. В то же время, завершая анализ ответов, обратим внимание на еще один аспект – важный для понимания того, насколько эффективным может быть использование маркеров возраста в символической политике в целом и политике российской идентичности, в частности. Многие респонденты на вопрос, зачем СМИ привлекают тему возраста для репрезентаций политиков, отмечали, что это является приемом политтехнологий (например: «с целью повысить авторитет представителей нашей власти и показать, что нынешняя политика нашей страны, как внутренняя так и внешняя – верная, эти решения были приняты взвешенно, в отличии от Запада, который принимает решения не взвешенно и на эмоциях» (Ксения, 19 лет, «индиф.», Иваново)).

Подводя итоги, отметим, что, во-первых, возрастной дискурс является одним из ресурсов (хотя, разумеется, далеко не основным) политики кол-

лективной идентичности, будучи используемым для проведения символических границ между сообществами и внутри них, а также для легитимации социальных иерархий. Возрастные маркеры выполняют функцию символических пограничников; их использование помогает создавать соответствующие смыслы и генерировать определенное эмоциональное отношение к явлениям социальной реальности.

Во-вторых, возрастной дискурс используется во всех направлениях политики российской идентичности, что способствует созданию позитивного образа России и россиян, ослаблению внутренних символических границ и продуцированию требуемых образов «чужих». Взрослость как норма приписывается «своим», в то время как «чужие», внешние или внутренние, подвергаются символической инфантилизации или символической сенилизации. Позиционирование России в качестве «взрослой» страны связано с ключевым концептом суверенитета.

В-третьих, социальные представления россиян в целом коррелируют с данными тенденциями. Большинство респондентов ассоциировали Россию, в отличие от значимых Других, со взрослостью, объясняя это ее ответственностью, рациональностью и способностью к развитию. Чаще всего этой позиции придерживались сторонники власти.

Вместе с тем среди ответов респондентов встречались и точки зрения, не совпадающие с теми трактовками, которые были рассмотрены в данном исследовании – поскольку, в силу ограниченности объема статьи, мы анализировали только гегемонный дискурс политики российской идентичности. Между тем состязательность – это неотъемлемый признак политики коллективной идентичности [17, с. 70]; другие акторы создают и продвигают собственные варианты российской идентичности, и в них наблюдается иная картина использования возрастных маркеров.

Так, в либеральном дискурсе Россия объявляется архаичной, несвоевременной, обращенной в прошлое; в такой России у молодежи нет никакого будущего [27].

Примером включения возрастных маркеров в правоконсервативный дискурс может служить статья «Вызвать русских отцов» А. Дугина, опубликованная в июле 2023 г. А. Дугин нередко выступает с критикой существующей в России системы (несмотря на близость тех или иных положений современного гегемонного дискурса к идеям, отстаиваемым им на протяжении многих лет). Статья постулирует необходимость «стремительной ротации элиты» –

«инфантильной, насквозь либеральной, то есть западо-зависимой». Ее инфантилизм обнаруживает себя не только в «патологическом расцвете коррупции» («так безгранично и произвольно относится к предметам и пище еще невоспитанный младенец, тянет себе в рот, все что попадает под руку») – на нее возлагается также ответственность за то, что до сих пор Россия воспринимает себя как ребенка по отношению к Западу, ее «родителю». И даже «нынешнее восстание России против Запада» оказалось в чем-то на удивление детским. Дугин подчеркивает: «Мы воюем со взрослым врагом. Цивилизационно взрослым, хотя он натравил на нас армию зомби. <...> ...Война дело взрослых людей. Малыши пошли на фронт, и теперь у них нет иной перспективы, как... резко стать старше. Кое-кто это уже прошел. Но в целом именно прозападный инфантилизм системы остается нетронутым». Автор призывает «стремительно взрослеть», опираясь на опыт «русских взрослых», которые, в отличие от «детей из созданной в 1991 году так и не состоявшейся до конца Российской Федерации», «осознавали себя субъектами особой, отдельной от Запада цивилизации – православно-имперской или советской»¹. То есть, Дугин также связывает взрослость с суверенностью, в том числе духовной и мировоззренческой, в которой, однако, сегодняшней России отказывает. Таким образом, в исследовании позиции других акторов политики российской идентичности мы видим перспективы изучения данной проблемы.

Литература

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 31–37.
2. Алимов Д.Е., Дилигул Е.С., Колосков Е.А., Копанева Д.Д., Мутья Н.Н., Сиренов А.В., Филюшкин А.И., Черных Т.Г. Мобилизованное Средневековье: в 2 тт. Т. 1: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах. СПб.: СПбГУ, 2021. 476 с.
3. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 4. С. 71–77.
4. Владимир Путин: Президентство и лидерство. Доклад Центра политического анализа и Экспертного института социальных исследований. Москва, 2017. 82 с.
5. Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 100-115.

¹ Дугин Александр: Вызвать русских отцов. 2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24543>.

6. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. №3. С. 25–39.

7. Зиновьев А.А. Гомо советикус // Зиновьев А.А. Гомо советикус. Пара беллум. М.: Московский рабочий, 1991.

8. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. №6. С. 139–158.

9. Мальченков С.А. Цивилизационный дискурс в высказываниях В.В. Путина // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. №2. С. 53–71.

10. Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. №4. С. 13–35.

11. Рябов Д.О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 173 с.

12. Рябов О.В. Политика идентичности и символические границы // Символическая политика. Вып. 5: Политика идентичности / под ред. О.Ю. Малиновой. Москва: ИНИОН РАН, 2017. С. 41–60.

13. Рябов О.В., Рябова Т.Б. «Россия поднимается с колен»? Ремаскулинизация и новая российская идентичность // Личность. Культура. Общество. 2008. №3/4. С. 250–257.

14. Семененко И.С. Политика идентичности // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. Москва: Весь мир, 2017. С. 647–655.

15. Сиренов А.В. О феномене удревления городов в России постсоветского периода // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 185–193.

16. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. № 4. С. 408–412.

17. Фадеева Л.А. Идентичность как «состязательный концепт» в проблемном поле политологии // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 70–76.

18. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. №1. С. 35–67.

19. Эдмондсон Л. Гендер, миф и нация в Европе: Образ матушки России в европейском контексте // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып 3. М : РГГУ, 2003. С. 135–162.

20. Яхшиян О.Ю., Омельченко Н.А. Политика идентичности в официальном дискурсе Российской Федерации // PolitBook. 2020. №4. С. 59–77.

21. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / F. Barth (ed.). Bergen: Universitetsforlaget, 1969. P. 9–38.

22. Blakkisrud H. Russkii as the New Rossiiskii? Nation-Building in Russia After 1991 // Nationalities Papers. 2023. №51(1). P. 64–79.

23. Campbell D. Writing security: United States foreign policy and the politics of identity. Minneapolis: University of Minnesota press, 1992. 269 p.

24. Cavanaugh C. Soviet Gerontocracy: Stability and Change (Book Review) // Review of Politics. 1981. V. 43. № 2. P. 316–317.

25. Jenkins R. Social Identity. London; New York: Routledge, 1996. 206 p.

26. Paasi A. Political boundaries // International Encyclopedia of Human Geography / Kitchin R., Thrift N. (Eds.). Vol.8. Oxford: Elsevier, 2009. P. 217–227.

27. Riabov O., Riabova T., Kleshchenko L. "Save the Children!": The Symbol of Childhood and (De)Legitimation of Power in Russian Protests, 2017–21 // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2022. Vol. 11. No 2. P. 235–252.

28. Riabova T., Riabov D. Infantilising the Other: The Metaphor of Childhood in Russia's Media Discourse on International Relations // Australian Slavonic & East European Studies. 2020. Vol. 34. P. 125–149.

29. Trager O. Gorbachev's Glasnost: Red Star Rising. New York: Facts on File, 1989. 215 p.

References

1. Avksent'ev V.A., Aksyumov B.V. Rossiya: ot grazhdanskoi k tsivilizatsionnoi identichnosti. Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2013. № 4. S. 31–37.

2. Alimov D.E., Diligul E.S., Koloskov E.A., Kopaneva D.D., Mut'ya N.N., Sirenov A.V., Filyushkin A.I., Chernykh T.G. Mobilizovannoe Srednevekov'e: v 2 tt. T. 1: Medievalizm i natsional'naya ideologiya v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope i na Balkanakh. SPb.: SPbGU, 2021. 476 s.

3. Achkasov V.A. Politika identichnosti v sovremennom mire. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. № 4. S. 71–77.

4. Vladimir Putin: Prezidentstvo i liderstvo. Doklad Tsentra politicheskogo analiza i Ekspertnogo instituta sotsial'nykh issledovaniy. M., 2017. 82 s.

5. Drobizheva L.M. Rossiiskaya identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniya. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. №5. S. 100–115.

6. Evgen'eva T.V., Selezneva A.V. Sovetskoe proshloe v tsennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossiiskoi identichnosti. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. №3. C. 25–39.

7. Zinov'ev A.A. Gomo sovetikus. Zinov'ev A.A. Gomo sovetikus. Para bellum. M.: Moskovskii rabochii, 1991.

8. Malinova O.Yu. Ofitsial'nyi istoricheskii narrativ kak element politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-kh k 2010-m godam. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. №6. S. 139–158.

9. Mal'chenkov S.A. Tsivilizatsionnyi diskurs v vyskazyvaniyakh V.V. Putina. Diskurs-Pi. 2022. T. 19. №2. S. 53–71.

10. Mchedlova M.M., Kazarinova D.B. Politika identichnosti: konkurentsia novykh teoreticheskikh smyslov i politicheskikh strategii. Politicheskaya nauka. 2020. №4. S. 13–35.

11. Riabov D.O. *Obraz Rossii v politike evropeiskoi identichnosti ES: dis. ... kand. polit. nauk.* SPb., 2016. 173 s.
12. Riabov O.V. *Politika identichnosti i simvolicheskie granitsy. Simvolicheskaya politika. Vyp. 5: Politika identichnosti / pod red. O.Yu. Malinvoi.* Moskva: INION RAN, 2017. S. 41–60.
13. Riabov O.V., Riabova T.B. «Rossiya podnimaetsya s kolen»? Remaskulinizatsiya i novaya rossiiskaya identichnost'. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo.* 2008. №3/4. S. 250–257.
14. Semenenko I.S. *Politika identichnosti. Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie. pod red. I.S. Semenenko.* Moskva: Ves' mir, 2017. S. 647–655.
15. Sirenov A.V. *O fenomene udrevneniya gorodov v Rossii postsovetskogo perioda. Istoricheskaya ekspertiza.* 2018. № 4. S. 185–193.
16. Tishkov V.A. *Rossiiskaya identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy. Vestnik Rossiiskoi akademii nauk.* 2019. № 4. S. 408–412.
17. Fadeeva L.A. *Identichnost' kak «sostyazatel'nyi kontsept» v problemnom pole politologii. Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie / pod red. I.S. Semenenko. M.: Ves' mir, 2017. S. 70–76.*
18. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo. Voprosy sotsiologii.* 1992. №1. S. 35–67.
19. Edmondson L. *Gender, mif i natsiya v Evrope: Obraz matushki Rossii v evropeiskom kontekste. Pol. Gender. Kul'tura: Nemetskie i russkie issledovaniya / Pod red. E. Shore, K. Khaider. Vyp 3. Moskva: RGGU, 2003. S. 135–162.*
20. Yakhshiyani O.Yu., Omel'chenko N.A. *Politika identichnosti v ofitsial'nom diskurse Rossiiskoi Federatsii. PolitBook.* 2020. №4. S. 59–77.
21. Barth F. *Introduction. Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / F. Barth (ed.). Bergen: Universitetsforlaget, 1969. P. 9–38.*
22. Blakkisrud H. *Russkii as the New Rossiiskii? Nation-Building in Russia After 1991. Nationalities Papers.* 2023. №51(1). P. 64–79.
23. Campbell D. *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity. Minneapolis: University of Minnesota press, 1992. 269 r.*
24. Cavanaugh C. *Soviet Gerontocracy: Stability and Change (Book Review). Review of Politics.* 1981. V. 43. № 2. P. 316–317.
25. Jenkins R. *Social Identity. London; New York: Routledge, 1996. 206 p.*
26. Paasi A. *Political boundaries. International Encyclopedia of Human Geography / Kitchin R., Thrift N. (Eds.). Vol.8. Oxford: Elsevier, 2009. P. 217–227.*
27. Riabov O., Riabova T., Kleshchenko L. "Save the Children!": The Symbol of Childhood and (De)Legitimation of Power in Russian Protests, 2017–21. *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia.* 2022. Vol. 11. No 2. P. 235–252.
28. Riabova T., Riabov D. *Infantilising the Other: The Metaphor of Childhood in Russia's Media Discourse on International Relations. Australian Slavonic & East European Studies.* 2020. Vol. 34. P. 125–149.
29. Trager O. *Gorbachev's Glasnost: Red Star Rising. New York: Facts on File, 1989. 215 p.*

**Н.Н. Козлова,
С.В. Рассадин**

**N. Kozlova,
S. Rassadin**

**КОНСТРУИРОВАНИЕ
ДЕТСТВА И ЮНОСТИ
В МЕМУАРАХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЛИДЕРОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ
АВТОБИОГРАФИЙ
М. ТЭТЧЕР И
М.С. ГОРБАЧЕВА)**

**CONSTRUCTION OF
CHILDHOOD AND YOUTH
IN THE MEMOIRS OF
POLITICAL LEADERS
(BASED ON THE
AUTOBIOGRAPHIES OF
M. THATCHER AND
M. GORBACHEV)**

Аннотация

Показаны на материалах автобиографий способы конструирования и репрезентации детства и ранней юности премьер-министра Великобритании в 1979–1990 гг. М. Тэтчер и главы СССР в 1985–1991 гг. М.С. Горбачева. Детство и юность Тэтчер и Горбачев представляют как периоды их интеллектуального, социального становления, в течение которых были заложены принципы мировоззрения, сформировались интерес к политике, установки на активизм, служение обществу, заботы об общем благе, необходимые для дальнейшего карьерного роста в публичной сфере. Основная стратегия проектирования лидерами автобиографии заключается в том, чтобы одновременно продемонстрировать субъективные факторы и объективные обстоятельства, которые обусловили достижение политиками вершин политического Олимпа. В нарративах политиков конструируется многогранность детства и ранней юности: отношения с родителями, школьные занятия, активизм. Ключевая роль в становлении политического мировоззрения лидеров принадлежит их семьям в целом и отцам в частности. В обоих случаях в нарративе политиков отсутствует «конфликт поколений», благодаря чему происходит успешная интериоризация доминирующих в окружающей среде ценностей. Большое значение в конструировании детства и ранней юности принадлежит воспоминаниям о Второй мировой

Abstract

The ways of constructing and representing the childhood and early youth of the Prime Minister of the United Kingdom from 1979 to 1990, M. Thatcher, and the head of the USSR from 1985 to 1991, M.S. Gorbachev, are shown through autobiographical materials. The childhood and youth of Thatcher and Gorbachev are presented as periods of their intellectual and social development, during which their worldviews were shaped, interests in politics formed, and commitments to activism, public service, and the common good established, all essential for their further career advancement in the public sphere.

The primary strategy of constructing autobiographies for these leaders is to simultaneously demonstrate the subjective factors and objective circumstances that led to their ascent to the pinnacle of the political Olympus. The politicians' narratives construct the multifaceted nature of their childhood and early youth: relationships with parents, school activities, and activism. The families, particularly the fathers, played a crucial role in shaping the political worldview of the leaders. In both cases, the politicians' narratives lack a "generation gap," enabling the successful internalization of the dominant values in their environment.

Memories of World War II/The Great Patriotic War play a significant role in con-

войне/Великой Отечественной войне. Суть социализации на данных этапах биографии – формирование национальной идентичности, чувства сопричастности к судьбам своей страны, переживание опыта общегражданской солидарности. В текстах М.С. Горбачева тема Родины окрашена с более глубоких личностных позиций, чем у М. Тэтчер, но при этом желание предпринять какие-либо усилия, направленные на недопущение повторения войны, укрепление национальной безопасности являются общим выводом их военного детства и юности. Лидеры демонстрируют, что успешно преодолели испытание в доверии к системе, скорректировали взгляды на политику своих государств. В их недетских историях военного времени отсутствует информация об игрушках, мечтах, дружбе и подростковой влюбленности, создавая впечатление серьезных с детства людей, целеустремленных, трудолюбивых, одаренных и успешных детей-подростков.

Ключевые слова:

детство, ранняя юность, семья, политическая социализация, политическое лидерство, национальная идентичность, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, М.С Горбачев, М. Тэтчер.

structuring their childhood and early youth. The essence of socialization during these stages of their biographies is the formation of national identity, a sense of involvement in their country's fate, and the experience of civic solidarity. In Gorbachev's texts, the theme of the Motherland is colored with deeper personal undertones than in Thatcher's, yet both share a common conclusion from their wartime childhood and youth: a desire to make efforts to prevent the recurrence of war and to strengthen national security. The leaders demonstrate that they successfully overcame the test of trust in the system and adjusted their views on the politics of their countries. Their wartime stories lack information about toys, dreams, friendships, and teenage infatuations, creating the impression of serious-minded individuals from childhood, who were goal-oriented, hardworking, gifted, and successful as children and adolescents.

Key words:

childhood, early youth, family, political socialization, political leadership, national identity, World War II/Great Patriotic War.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-60-82>

Актуальность исследования конструирования детства и юности в мемуарах политических деятелей определяется значимостью процессов и механизмов социализации, влияющих на продвижение политических лидеров к политическому Олимпу. Тема «детства» и «юности» рассматривается на основе теоретико-методологических подходов исследования возраста (age studies) и считается междисциплинарной, являясь объектом изучения различных наук, включая социологию, психологию, педагогику, культурологию, демографию, биологию и др. Данные этапы жизненного цикла рассматривается психологами и педагогами (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, И.С. Кон и др.) в различных ракурсах, представляя интерес для социально-политических наук тщательным изучением роли общественных факторов психического развития ребенка. Эксперты ставят вопрос о границах возраста, отмечая, что «любой возраст обладает способностью к расширению/сужению собственных границ, и эти расширения/сужения всегда происходят на фоне конкретного и

притом изменчивого социокультурного ландшафта» [11]. Различные возрастные когорты, взаимоотношения между ними (проблема «отцов и детей»), являются объектом пристального анализа в социологии [23]. В политических науках в силу возрастного ценза основной акцент делается на молодежи, представителях зрелого и пенсионного возраста (хотя есть отдельные исследования и на тему детства, в частности, Д. Истона и Дж. Денниса «Дети в политической системе» [21]; исследуется взаимосвязь возраста и партийной принадлежности, голосование [20; 24; 30], эйджизм [19; 25], когортные изменения [16; 22; 27], направленность государственной политики [26], влияние возраста на процесс принятия решений [8; 28]. Результаты исследования процессов символической репрезентации, идентификации, молодежи отражены в ряде трудов зарубежных и российских исследователей [7; 18]. Т.Б. Рябова считает, возрастной фактор служит одним из ресурсов власти, а образы, связанные с возрастом, широко привлекаются в символическую политику, влияют на легитимацию и делегитимацию власти, политику памяти и т.д. [13; 14]. Для нашего исследования актуальным является тезис К.Ф. Завершинского, что «структурное сопряжение феноменов детства и политики очевиднее всего проявляется в предметной области исследований политической социализации» [4, с. 309]. В данной статье объект исследования – детство и ранняя юность (до периода поступления в вуз) – рассматривается как этап политической социализации, представляющий собой важную стадию политического развития индивида. Авторы статьи придерживаются позиции, что сформировавшиеся в детстве и юности представления о политике и власти влияют на выработку индивидуальных политических ценностей, предпочтений, моделей поведения и т.д.

Предметом исследования выступают способы и механизмы конструирования детства и юности национальными лидерами Великобритании (М. Тэтчер) и СССР (М.С. Горбачева). Источниками исследования являются мемуары указанных политических деятелей [2; 17]. Как известно, автобиографии относятся к эго-документам, отличаются ярко выраженным личностным измерением, субъективизмом, связаны с антропоцентризмом современной культуры, «пишутся умудрёнными жизнью авторами» [15, с. 54]. В рамках исторических исследований мемуары актуальны, поскольку рассказы авторов «о самих себе содержат уникальные свидетельства, которые мы не найдем в других типах исторических документов» [6, с. 6]. Мемуары дают возможность изложить собственную историю о политическом процессе, что в

условиях противоречивости оценок деятельности М. Тэтчер и М.С. Горбачева для политических лидеров крайне важно. В автобиографиях раскрываются мотивы и механизмы принятия важных политических решений, представляя «взгляд изнутри» политического Олимпа. С нашей точки зрения, главными задачами мемуаров выступают самолегитимация национальных лидеров и создание истории успеха, поэтому конструирование этапов своей политической биографии и их характеристика представляет осознанную стратегию автонарратива. По выражению одного из авторов книг о М. Тэтчер Н.П. Палицевой, британский премьер-министр в своих книгах объяснила «КАК и ЧЕМ нужно восхищаться» [9, с. 10]. Методология исторических исследований нацелена на разбор автобиографического источника в его пространственно-временном контексте, анализе связи «время рассказа» и «время рассказчика» [1]. В нашем исследовании исторический контекст («время» и «локация») рассматривается как конструкт, созданный через осмысление собственного опыта политиков. При этом индивидуальное изложение биографии автором вписывается в определенные выработанные обществом правила «рассказов о себе», включающий использование определенного словаря, рассчитанным на определенную аудиторию. По мнению исследователей, «автобиография – удивительный жанр, в котором соединяется автор повествования и его герой, исследователь и наблюдатель, исповедник и исповедуемый, прокурор, адвокат, незнакомый прохожий и другие собеседники и читатели» [3, с. 28]. Поскольку в нашем исследовании конструирование детства и юности осуществляется самими авторами по окончании их политической жизни, то в нем применяется генеалогический метод, позволяющий понять, какие идеи, практики, установки и пр. указанных политиков с их точки зрения родом из детства, как детство повлияло на становление их политического мышления, как они оценивают детство в структуре жизненного пути и т.д. И, завершая раздел о методологии, стоит заметить, что постмодернизм научил нас внимательно относиться к умолчаниям, чтобы уловить, о чем наши герои не пишут.

Цель статьи – показать на материалах автобиографий способы/механизмы конструирования и репрезентации детства и ранней юности М. Тэтчер и М.С. Горбачева. Выбор мемуаров данных политиков определяется рядом факторов – они принадлежат к одному поколению (М. Тэтчер родилась в 1925 году, М.С. Горбачев в 1931 году), их карьерные траектории развивались с молодости, лидеры достигли вершин политической карьеры и

ушли с политического Олимпа практически одновременно в начале 1990-х гг. При этом важно проанализировать репрезентацию детства и юности в мемуарах национальных лидеров, социализировавшихся в различных социально-политических системах. Один из авторов книг об указанных лидерах, Л.М. Замятин, в книге «Горби и Мэгги: записки посла о двух известных политиках, Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер» обосновывает свой выбор значимостью диалога для выстраивания европейской политики второй пол. 1980 – нач. 1990-х гг., основанной на общечеловеческих ценностях [5].

Истоки

В абсолютном большинстве случаев микромир, семья определяют бытие детства. Однако повествование о детстве у двух политиков разворачивается в различных стратегиях. М. Тэтчер начинает свои мемуары с первых детских впечатлений, презентации личного «полуосознанного» погружения во внешний мир: «Мое первое детское воспоминание связано с тем, что в солнечный день мою детскую коляску везут по направлению к городскому парку, и на пути я знакоюсь с грэнтемской суетой» [17, с. 27]. Урожденная Маргарет Хильда Робертс подчёркивает позитивный характер своих первых воспоминаний о детстве. «Солнечная» атмосфера безопасности, беззаботности, защищенности формировалась социальным окружением М. Тэтчер – она вспоминает лицо матери, сестры, служащих магазина: «Со мной рядом всегда кто-нибудь был, чтобы обнять меня или побаловать сладостями» [17, с. 27]. В отличие от британского премьера генсек СССР в разделе «Кто я и откуда» углубляется в истоки формирования общества на Ставрополье, начиная с первого тысячелетия до нашей эры. Если Тэтчер начинает свой нарратив с себя и своей семьи, постепенно расширяя социальные горизонты, в которых она росла, то М.С. Горбачев конструирует биографию с макро-социальных факторов, спускаясь на уровень семьи: «История моей семьи, микромир которой, ее искания, испытания и потери вполне отразили макромир человеческой драмы, “большой истории”» [2, с. 37]. Лидер СССР стремится вплести свой рассказ в ткань общеисторического контекста, показать себя неразрывной частью целого, которое составлял народ и государство, поведать историю «не столько о себе, сколько об условиях, в которых формировалось наше поколение, о людях, с кем я постигал жизненные и политические премудрости, общение с которыми оказало влияние на формирование моих убеждений, характера» [2, с. 9–10]. На наш взгляд, используемый

М.С. Горбачевым подход, а также формулировки (частое использование лингвистических конструкций с пассивным залогом – «выбор пал на меня», «мне пришлось произнести свою первую митинговую речь» и др.) являются типичными для советской мемуаристики и в целом социокультурной среды, согласно ценностям которой человека-лидера формирует коллектив, оказывающий ему в дальнейшем доверие как руководителю.

Лидеры ничего не сообщает читателю о своем внешнем облике, вскользь обозначают некоторые черты своего характера. М. Тэтчер пишет, что «согласно семейной истории, я была спокойным ребенком», хотя родилась в «неспокойной семье» [17, с. 27]. М.С. Горбачев сообщает о сложившейся на Ставрополье мультикультурной среде с присущими ей «многоязычием, многообличием и многонародием», которая, с точки зрения советского лидера, отличалась бунтарским характером, который передавался «по наследству из поколения в поколение» [2, с. 35], и, видимо, намекая собственный бунтарский/реформаторский нрав. М. Тэтчер указывает на свое социальное происхождение, апеллируя к статусу отца и его фамилии: к моменту рождения Маргарет отец занимался бакалейным бизнесом, владея несколькими небольшими магазинами. Протестантская этика родителей, их бережливость, трудолюбие, «практицизм, серьёзность» позволили им купить собственный магазин и в дальнейшем расширить свой бизнес, поэтому М. Тэтчер называет своего отца ведущим бизнесменом Грэнтема [17, с. 38]. Она пишет: «В нашем доме всегда много трудились, отчасти потому, что праздность считалась грехом, отчасти потому, что всегда было много работы» [17, с. 34]. По мнению С.П. Перегудова, психологию мелкого бизнеса «юная Маргарет Робертс впитала, что называется, с молоком матери», фасуя чай, сахар и печенье [10, с. 7]. Премьер-министр полагает, что благодаря тому, что «мы всегда жили строго по средствам», «мы были привычны к экономному режиму» и благосостояние семьи было крепким: баронесса пишет, что «заманчивые ароматы специй, кофе и копченой ветчины распространялись по всему дому». Кроме того, семья могла себе позволить поездки на местный морской курорт Скегнесс, в разные периоды держала наемную рабочую силу – горничную, помощницу [17, с. 29, 35, 37].

М. Тэтчер считала, что в семье она была желанным, любимым ребенком; никто из ее семьи не мог нанести ей психотравму, воспитать в ней чувство неполноценности. Таким образом, будущий политик, согласно ключевым принципам психоанализа, была лишена такого карьерного мотива как

стремление доказать свою состоятельность/полноценность. И тем не менее описание М. Тэтчер благополучной бесконфликтной семейной обстановки детства находит оппонентов среди биографов премьера – Н. Палищева отмечает, что Тэтчер «боролась за внимание и одобрение отца, потому что была дочерью, а не сыном» [9, с. 11]. Апеллируя к оппонентам, премьер-министр подчеркивает свое неаристократическое происхождение, стремясь показать, что истоки ее уверенности, утонченный деловой стиль, ораторское искусство и другие качества «железной леди» были ей выработаны в течение жизни и являются ее собственной заслугой.

Углубляясь в генеалогию семьи Горбачевых, лидер СССР первым в своем роду упоминает прадеда Моисея Горбачева, который вместе с близкими и дальними родственниками жили дружно, «по порядку», представляя целое поселение, получившее в народе название «Горбачевщина» [2, с. 33]. В разделе «Прошлое во мне» генсек указывает, что прошлое было частью окружавшего его жизненного уклада, и он «постоянно ощущал свою сопричастность с теми далекими событиями, которые происходили на ставропольской земле» [2, с. 33]. «Жизнь в многонациональной среде приучала к терпимости, деликатному, уважительному отношению друг к другу», – пишет он, что привело М.С. Горбачева к выводу, что агрессия, насилие не могут быть универсальным средством решения проблем, в том числе политических [2, с. 35]. На политику толерантности будущего реформатора указывает и описание имеющихся в доме икон и лампад, т. е. «мирного сосуществования» двух миров – политики и религии [2, с. 38].

В отличие от М. Тэтчер, генсек родился в типичной бедняцкой крестьянской семье, что в СССР считалось «чистой анкетой» для карьерного роста. С беднотой М.С. Горбачев связывает безоговорочное принятие дедом революции («Землю нам дали Советы» [2, с. 37]), его вступление в компартию, организацию и руководство колхозом «Хлебобор», что обусловило его «колоссальный авторитет в деревне». Именно в доме деда и бабушки, у которых жил Михаил в детстве, согласно воспоминаниям генсека, он впервые познакомился с брошюрами классиков марксизма-ленинизма; также дед выписывал газету «Правда». Так же, как и в случае с М. Тэтчер, внука любили «беззаветно» («там для меня вольница была полная», «чувствовал я себя у них главным» [2, с. 38]). Таким образом, уважающий своих предков Михаил принял и их социально-политический выбор в лице советской власти, пошел по пути преемственности социалистических ценностей. Даже арест деда в

1937–1938 гг., заведовавшего районным земельным отделом, не смог подорвать доверие к советской системе. Генсек отмечает, что дед был убежден, что «Сталин не знает, что творят органы НКВД» [2, с. 41], поэтому не возлагал вину на советскую власть. Возращение деда домой сняло потенциальный конфликт молодого Михаила, пережившего, по его словам, первое потрясение, сохранившееся на всю жизнь, с советским порядком [2, с. 38].

М.С. Горбачёв постоянно подчеркивает свою гордость за принадлежность к «работягам» и уважение к людям труда. Генсек акцентирует внимание на изнурительном труде, невероятной бедности («саманные хаты, земляной пол, никаких кроватей – спали на полатах или на печи», «семья от мала до велика денно и нощно трудилась в хозяйстве» [2, с. 38]), используя данные воспоминания не только для описания своего детства, но и в политических целях. «О каком “золотом веке” российской деревни говорят наши современные борцы за крестьянское счастье, я не понимаю?», – вопрошает М.С. Горбачев, намекая на свой дальнейший интерес к аграрной политике [2, с. 38]. Лидер СССР отмечает улучшение крестьянского быта перед войной – «колхоз начал выдавать зерно на трудодни», «появились в широкой продаже патефоны» [2, с. 42], поэтому семья деда выбилась в середняки. Таким образом, семьи и М. Тэтчер, и М.С. Горбачева выступают в определенной степени бенефициарами социальной системы.

Отец

Отношение с отцом практически все биографы М. Тэтчер называют ключевым в жизни премьер-министра [12; 29]. Она с уважением рассказывает о своем отце как человеке, занимающем лидерскую позицию в семье, высокое положение в местном сообществе благодаря своим принципам. М. Тэтчер пишет об отце как стремящемся расширить профессиональные/социальные горизонты: «Четыре поколения семьи Робертс были сапожниками. Мой отец мечтал стать учителем, но вынужден был оставить школу в 13 лет, поскольку семья не могла обеспечить его учебу» [17, с. 27]. В автобиографии будущий премьер-министр выражает гордость за своего отца, поскольку он смог отказаться от сапожного промысла, которым занималось несколько поколений его семьи, и заняться торговлей. М. Тэтчер отмечает глубокие патриотические установки отца, его многочисленные, но безуспешные попытки поступить на военную службу во время Первой мировой войны,

его интерес к истории, политике, его активную работу в местном комьюнити, позволившие ему в 1945–1946 гг. занять пост мэра города Грэнтем.

Политик показывает, что ее отец был разносторонней личностью: «профессиональным бакалейщиком и всегда стремился поставлять товары лучшего качества», «выполнял обязанности проповедника в Грэнтеме и его округе», «был ярким оратором, его проповеди были интеллектуально насыщенные», участвовал в турнирах по боулингу [17, с. 29]. Баронесса особенно выделяет проповеди отца, которые, видимо, служили ей примером для подражания в собственных публичных выступлениях. Характеризуя отца, М. Тэтчер отмечает, что суть его жизни емко выражена девизом клуба «Ротари», членом которого он был, – «Служба превыше всего». Принцип службы как главный принцип своей жизни формулирует и М. Тэтчер. Она пишет, что с ранних лет работала с другими членами семьи в магазине: *«Прежде всего, ты всегда на службе. Люди могли постучать в дверь в любое время дня и ночи или в выходной»* [17, с. 28]. Таким образом, согласно автобиографии премьер-министра, служба как профессия и призвание были лишь актуализированы в ее дальнейшей политической карьере.

Описывая отца, М. Тэтчер стремится показать, какие ценности, стратегии, принципы она усвоила от него в детстве. Характеризуя отца как человека твердых принципов, политик показывает его способность отстаивать свою позицию так, чтобы не причинить зла другим: «сохранял мягкость и умение сострадать другим» [17, с. 30]. «Никогда не делай ничего просто потому, что другие это делают» – данный принцип отца, и другие советы, направленные на стойкость и умение сохранять верность своим убеждениям, по словам М. Тэтчер, были привиты ей с ранних лет. С высоты накопленного политического опыта М. Тэтчер отдает должное способности отца уступать, если того требовали обстоятельства, а также достойно переживать поражение («хоть я и упал, я упал на ноги» [2, с. 43]). Интерес к общественным делам баронесса связывает с отцом. Именно от отца, который был в разные годы членом совета местного управления, председателем городского комитета по финансам, олдерменом, мэром, Тэтчер многое знала о городских делах. «Политика была частью городской жизни», – отмечает она [2, с. 42]. Политический стиль своего отца она характеризует то, как «старомодный либерализм», опирающийся на сочинение Дж.Ст. Милля «О свободе», педалирующего идею личной ответственности, то, как стойкий консерватизм [2, с. 43].

Баронесса показывает, как много отец уделял ей времени, несмотря на свою занятость. В частности, отец всегда обсуждал с дочерьми книги, которые они читали в школе, подбирая классическую английскую литературу. «Каждую неделю отец доставал из домашней библиотеки две книги: «серьезную» для себя (и меня) и роман для моей матери. В результате я читала книги, которые девочки моего возраста обычно не читают», – пишет М. Тэтчер [17, с. 49]. По мнению Тэтчер, находясь под влиянием отца, она читала больше своих одноклассников. В частности, юная Маргарет читала книги по идеологии и практике коммунизма и фашизма, формируя свое убеждение, что свободное общество является лучшей альтернативой обоим режимов. Тэтчер пишет, что отец брал ее с собой слушать лекции Ноттингемского университета о текущих международных событиях, которые регулярно читались в Грэнтеме, и на которых выступали политики, в том числе, сторонники У. Черчилля. Именно с отцом М. Тэтчер связывает возможность получения ею хорошего образования, а также приобретения первого политического опыта. «Железная леди» во время парламентских выборов 1935 г. помогала отцу: «Я складывала ярко-красные выборные листовки, прославляющие достоинства кандидата от консерваторов сэра Виктора Уоррендера» [17, с. 46].

М.С. Горбачев в главе «Рядом с отцом» также раскрывает важнейшую роль отца в его жизни – роль наставника. В послевоенный период юный Михаил работал вместе с отцом на комбайне вдали от дома, что дало возможность сблизиться отцу и сыну, стать соратниками, занятыми общим делом, и, по выражению Горбачева, стать «настоящими друзьями» [2, с. 53]. Генсек пишет об отце как о нравственном образце, жизнь и поступки которого оказывали на Михаила огромное влияние. М.С. Горбачев пишет: «В отце, простом человеке из деревни, было заложено самой природой столько интеллигентности, пытливости, ума, человечности, много других добрых качеств... Меня в нем поражал неугасающий интерес к жизни. Его волновали проблемы собственной страны и далеких государств» [2, с. 57]. Особенно генсек выделяет его сдержанное, простое и теплое отношение к матери. Благодаря отцу генсек получил свои первые профессиональные навыки, освоил работу на комбайне.

Роли матери и других членов семьи в нарративах лидеров уделяется меньше места. М. Тэтчер указывает, что «моя мать была профессиональной швеей», «зарабатывала тем, что шила на заказ» [17, с. 28]. «Железная ле-

ди» стремится подчеркнуть, что в лице матери она имела прекрасный образец для становления жены, домохозяйки как обязательной части имиджа женщины-политика консервативного толка. «Благодаря моей матери, я узнала, что значит управляться с домашним хозяйством так, чтобы все работало как часы», – пишет М. Тэтчер. О сестре Мюриэль М. Тэтчер практически не упоминает, ссылаясь только на то, что они вместе помогли родителям работать в магазине, «мы с мамой и сестрой ездили вместе на каникулы», но, например, отдыхать баронесса предпочитала во время долгих прогулок в одиночестве [17, с. 37].

Роль матери в воспоминаниях генсека вписана в героических тонах. М.С. Горбачев называет мать решительной женщиной, которая спасла его от голода [2, с. 47]. Советский лидер вписывает судьбу матери в судьбу всех советских женщин, подчеркивает их подвиги в мирное и военное время. Немногословен же М.С. Горбачев в отношении родившегося в 1947 г. младшего брата Александра. Генсек подчеркивает разницу в условиях становления его личности: «У Александра все было иначе. Мне кажется, проще и легче». Юный Михаил не скрывает, что ему «это не очень нравилось», поэтому он пытался подогнать жизненные установки брата под свои [2, с. 56–57].

Оба политика стремились показать крепкие семейные узы, отсутствие семейных неурядиц, взаимовыручку и поддержку членов семьи. И М. Тэтчер, и М.С. Горбачёв демонстрируют, что в жизни их семей была не только работа, но мир искусства, политики. Объединяет семьи лидеров и трезвый образ жизни. Оба политика выражают благодарность своим родителям, которые с детства преподнесли им урок важности семьи в жизни человека. Таким образом, ценность сплоченной, дружной семьи лидеры усвоили из детского опыта. Авторы биографий показывают, что в семье нет проблемы во взаимоотношениях между поколениями, что семья выполняет важные функции, прежде всего, эмоциональной связи и повседневной взаимопомощи, которые в итоге повышают уровень доверия к политической системе в целом.

Школьные годы

Школа стала одним центром жизни баронессы, которая указывает, что ей «нравилось учиться» [17, с. 39]. Для М. Тэтчер важно подчеркнуть тот факт, что начальная школа «Хантингтауэр Роуд» обладала хорошей репутацией. Характеризуя обучение в женской школе «Кестивен и Грэнтем», британский политик выделяет отдельные предметы, учителей, которые, по ее

мнению, повлияли на становление ее кредо – «кто колеблется, тот проигрывает». Премьер позитивно воспринимала традиции школы, обучение домашнему хозяйству. Видимо, истоки элегантного стиля в одежде, характеризующего М. Тэтчер, следует искать в образе носившей шелковые костюмы директора школы мисс Уильямс, правилом которой было «всегда стремиться к качеству, доступному в рамках собственного дохода» [17, с. 40]. Баронесса дает высшую оценку своим учителям, называя их «учителями по призванию» [17, с. 40]. Именно в средней школе баронесса сделала свой профессиональный выбор – стать химиком. Свою мотивацию Тэтчер объясняет так: «Мой интерес к научному знанию подстегивали сообщения о научных достижениях в сфере расщепления атома и разработки пластмассы. Я хотела стать частью большого научного мира. Кроме того, я знала, что мне нужно будет самой зарабатывать себе на жизнь, мне казалось увлекательным работать в этой сфере» [17, с. 41]. Таким образом, М. Тэтчер следовала своим родителям в выборе практикоориентированной сферы, работа в которой давала возможность иметь хороший доход.

Рассказ советского лидера о школе резко контрастирует с отражением системы образования в мемуарах Тэтчер: если британский премьер восхищалась шелковыми костюмами директрисы, то генсек ЦК КПСС подчеркивает, что трудно жили «учителя в годы войны: холодно, голодно, тоскливо» [2, с. 51] – вместе с другими учениками и учителя обеспечивали здания топливом, делали чернила, спасали от голода лошадей. В связи с этим М.С. Горбачев отмечает подвиг учителей, которые «старались быть верными своему долгу и делали все, что могли» [2, с. 51]. Согласно мемуарам, в конце войны Михаил вернулся на занятия в школу, но после всего пережитого в годы войны учеба казалась ему «несерьезным» делом. Однако по описаниям генсека, отец, мать и дед не дали ему возможности бросить школу – купили книги, одежду и т.д. Результатом чтения книг, как пишет советский лидер, «что-то в моей голове произошло», поэтому учебный год и в итоге школу он закончил с «отличием» [2, с. 51]. Учеба в старшей школе, которая располагалась в районном центре в 20 км от родного села, окончательно сформировала генсека как самостоятельного человека. М.С. Горбачев описывает себя как азартного ученика, стремившегося «до всего докопаться», увлекавшегося «до самозабвения, литературой» [2, с. 52]. Предпочтениями генсека являлись труды В.Г. Белинского, которые он называет своей «библией» [2, с. 52], а также творчество отечественных классиков – Пушкина, Лермонтова, Гоголя,

Маяковского. Поиск в книгах философской критики, философских обобщений свидетельствует о широких горизонтах его мировоззренческих запросов, ответы на которые нельзя было получить из обыденного опыта.

Желанием общения со сверстниками и стремлением реализовать себя М.С. Горбачев объясняет активизм. В школе генсек увлекался художественной самодеятельностью и спортом, будучи комсомольским секретарем был организатором/участником выступлений и соревнований. Советский лидер подчеркивает, что творческие и спортивные мероприятия не были пустой забавой – на собранные от концертов деньги покупались необходимые вещи для «ребят, которым не в чем было идти в школу» [2, с. 53]. Таким образом, установка на общественный активизм, истоки заботы об общем благе, организации взаимопомощи, поддержки, сотрудничества М.С. Горбачев относит к детству и ранней юности.

Обучение в школе и для М. Тэтчер совпало с открытием мира художественной литературы. Помимо «Ежегодника Бибби», который она впоследствии активно использовала в публичных речах, баронесса с восхищением пишет о книгах Киплинга. Увлечение поэзией привело юную Маргарет на конкурсы чтецов и наградам, которые присоединились к ее музыкальным достижениям. Тэтчер пишет о многочисленных конкурсах и в целом о конкурентной среде в сообществе благодаря активной позиции различных местных религиозных общин, которая способствовала выработке у баронессы навыков декламации и ораторского искусства. При этом М. Тэтчер игнорировала другие занятия, проникнутые агональным духом, например, спорт. «Я не была спортивным ребенком, хотя научилась плавать и в школе несколько эксцентрично играла в хоккей», – пишет М. Тэтчер [17, с. 36]. Помимо книг британский премьер в своем стремлении узнать больше о политике читала много газет («Дэйли Телеграф», «Методист Рекордер», «Пикчер Пост», «Таймс»), а также слушала новостные передачи по радио. Выступления короля, аналитические программы национального уровня расширяли горизонты политического мышления у М. Тэтчер; благодаря им она осмысливала события, связанные Великой депрессией, деятельностью Гитлера и др.

Формирование политических лидеров в обществах с различным уровнем научно-технического прогресса обусловил такой важный фактор политической социализации Тэтчер как кинематограф. По словам британского политика, для девочки из маленького провинциального городка мир кино дал возможность «соприкоснуться с таким диапазоном таланта, драматиче-

ской формы, человеческих эмоций, сексуальной притягательности, зрелищности и стиля» [17, с. 37]. В детстве и отрочестве баронесса смогла ознакомиться с классикой кинематографа разных жанров, которые помогли будущему премьер-министру сформировать политические позиции. В частности, Тэтчер в фильмах про революции находила подтверждение своих консервативных взглядов, с удовольствием смотрела фильмы, в которых «осмеивается советский коммунизм» [17, с. 37].

Линией разлома в мемуарах советского и британского лидеров является тема религии. М. Тэтчер описывает глубокие религиозные установки отца и матери, которые соблюдали все необходимые религиозные практики, т.е. «жизнь семьи была тесно связана с методизмом» [17, с. 29]. Она отмечает, что «богослужения, посещаемые каждое воскресенье, оказывали огромное влияние на меня» [17, с. 34]. М. Тэтчер вспоминала темы некоторых проповедей, из которых она черпала вдохновение. В частности, тезис «рожденные в бурю будут готовы справиться и с грядущими бурями» премьер-министр восприняла как основание «для веры в будущее, как бы тяжело ни было сегодня» [17, с. 34].

М. Тэтчер подробно останавливалась на описании особенностей методизма как религиозного течения, подчеркивает высокое эстетическое значение музыки в методизме («По случаю годовщины воскресной школы мы пели специальные гимны», «В нашей церкви был великолепный хор» [17, с. 32]). Учитывая важность музыкальной культуры в методизме, родители обучали М. Тэтчер с пяти лет игре на фортепиано. Для М. Тэтчер методизм – не просто один из принципов ее консервативной политической позиции, но и ее источник. М. Тэтчер квалифицирует методизм как социально ориентированное и интеллектуальное учение. Благодаря разговорам взрослых в религиозной общине, которые «касались и национальной, и международной политики», юная М. Маргарет приобщалась к темам, выходящим за пределы ее повседневного опыта. Некоторые идеи и действия методистов баронесса критикует с высоты политического Олимпа. Она отрицательно отзывалась о близости методистов «к левому крылу и даже пацифизму», называя организованный ими в Грэнтеме референдум в 1935 году «нелепой затеей», по итогам которого большинство жителей проголосовало «за мир» [17, с. 33–34]. М. Тэтчер сожалела, что пацифистская позиция привела к отставанию национального перевооружения, поэтому полагает, что именно консерватизм предлагает адекватную точку зрения, являясь политически трезвым взгля-

дом на стабильность международных отношений. Эти и другие разногласия с методизмом, упомянутые баронессой в автобиографии, демонстрируют ее движение в консервативный спектр политической жизни.

Школьные годы лидеры представляют, как расширение горизонтов своего сознания: для М. Тэтчер школа – это, прежде всего, институт для усвоения знаний, для выбора профессии, для М.С. Горбачева школа преимущественно – это время и место начала активной общественной деятельности.

Война

Тема войны в воспоминаниях лидеров является одним из триггеров их политической социализации, хотя военный период британский и советский политики отражают по-разному. М.С. Горбачев пережил оккупацию, поэтому «события военных лет врезались в память навсегда» [2, с. 42]. Война представлена в мемуарах М.С. Горбачева крайне эмоционально – горечь, боль утраты, тяготы пронизывают каждую строчку текста о военном времени: похороны безымянных солдат в братской могиле, получение похоронки на отца, который впоследствии оказался жив, «новый порядок» в условиях оккупации и многое другое. Героизм, подвиг, жертвы, народ-триумфатор, народ-победитель являются для общественных лидеров основой формирования символической политики памяти. На личном житейском опыте военного времени у генсека сформировалось восприятие войны как «страшной трагедии для всей страны» [2, с. 50], перед этим поколением мужчин и женщин в долгу люди Земли. Как представитель поколения детей войны, получившего травмирующий опыт, М.С. Горбачев пишет о войне: «Она опалила нас, наложила свой отпечаток и на наши характеры, на все наше мировосприятие». Генсек описывает повседневные подвиги мирных жителей, которые неустанно трудились, в условиях тотального дефицита заботились о других. Также, как и М. Тэтчер, М.С. Горбачев отмечает, что военные тяготы смогли преодолеть благодаря сплоченности общества, взаимопомощи.

Лично для генсека война в корне изменила его роль в семье. «С уходом на фронт отца многое по дому пришлось делать и мне», – пишет он. Таким образом, этап взросления начался в жизни М.С. Горбачева уже в отрочестве: заботы по огороду, заготовка сена для коровы и топлива для дома вытеснили детские мечты и фантазии. Жизнь на оккупированной территории в течение четырех с половиной месяцев для семьи Горбачёвых, глава которой – коммунист и председатель колхоза, была связана с постоянными угро-

зами. Тяготами и невзгодами был насыщен и период после ухода немцев: «Все разрушено, ни техники, ни скота, ни семян». Генсек отмечает, что ему «всему пришлось научиться», и делал он «это в совершенстве» [2, с. 48].

Для М. Тэтчер война выразилась в ухудшении экономического положения страны и семьи («не выбрасывали шитые нитки» [17, с. 36]). В отличие от многих сограждан, сделавших вывод, что государство должно занять ведущую позицию в общественной жизни, Тэтчер извлекла другие «уроки» войны. Она пришла к выводу, что именно потакание диктаторам привело к войне, а цивилизацию нужно воспитывать, поэтому «хорошие люди должны защищать то, во что они верят» [17, с. 29]. Образцом такого «хорошего человека», по мнению М. Тэтчер, являлся У. Черчилль, который в публичной повестке будировал проблемы национальной безопасности [17, с. 51].

Война для политиков – это время извлечения уроков для социально-политической системы, этап обретения ими образов настоящих героев, понимания, что нельзя предать память павших в войне сограждан, выработки стратегий борьбы с «врагами».

Пенаты

Одной из ключевых тем в изложении детства и юности является тема места, в котором выросли герои. В случае с М. Тэтчер – это маленький провинциальный город Грэнтем, в случае с Горбачевым – это село Привольное Ставропольского края. Воспоминания баронессы о жизни в Грэнтеме выстроены в позитивном ключе. Политик отмечает как архитектурные достоинства городка («Самой внушительной постройкой в нашем городе была башня церкви Святого Вольфрама», «самыми характерными и значительными для нас оставались восхитительная викторианская ратуша и статуя самого знаменитого сына Грэнтема сэра Исаака Ньютона») [17, с. 42], так и особенности местного комьюнити («городская община сохраняла единство» [17, с. 45]). Для М. Тэтчер как политика-консерватора важно подчеркнуть, что ценности города Грэнтема «были сформированы скорее обществом, нежели правительством», поэтому ее взгляды формировались в той среде, для которой характерны такие важные консервативные принципы, как невмешательство государства в частную жизнь граждан, отсутствие установок у горожан на патернализм и иждивение и др. Тэтчер выделяет «столпы» местной общественной жизни – мэрия, церковные общины, Ротари-клуб, благотворительные сообщества и школы. Она стремится показать насыщенную обществен-

ную жизнь местного сообщества: вспоминает детские рождественские вечеринки, организуемые Лигой сострадания, шествия в День Памяти, празднование серебряного юбилея короля Георга и др. М. Тэтчер практически не упоминает социальных конфликтов в общине, демонстрируя взаимоуважение представителей разных классов, партий и религий. Единственным исключением в нарративе М. Тэтчер является описание ситуации на выборах в местные органы управления 1952 года, непосредственно отразившаяся на судьбе семьи юной Маргарет, когда получившие большинство мандатов в совете лейбористы не включили ее отца в состав олдерменов. В примерах М. Тэтчер демонстрируется как местный, так и национальный патриотизм – знание жителями истории и традиций города, гордость за Британскую империю. «Мы верили, что она (империя. – Прим. авт.) принесла закон, хорошее управление и порядок в страны, которые иначе никогда бы их не узнали», – пишет М. Тэтчер, сообщая, что в детстве даже планировала работать в Индии [17, с. 45]. Среди скреп нации баронесса особенно выделяет монархию. При этом конструирование характеристик местного комьюнити как колыбели гражданской жизни («со временем, я особенно остро осознаю, каким же достойным местом был Грэнтем» [17, с. 45]) несколько диссонирует с ее описанием Лондона, который юная Маргарет первый раз посетила вместе со своей семьей в 12 лет. «Лондон меня ошеломил», – сообщает Тэтчер, ощутив себя в «ослепительной торговой столице империи», «в центре мира», ставшем центром притяжения для юной Маргарет [17, с. 33].

М.С. Горбачев не описывает внешний облик села, делая ставку на характеристику общества, исторически сложившегося как многонационального, бунтарского. Для него локация – это прежде всего, люди, отношения между которыми строятся на основе взаимного уважения и помощи. Как он показывает в мемуарах, его самооценка складывалась на основе оценки земляков, которые «по известным им одним критериям, определяют, чего ты на самом деле стоишь» [2, с. 55]. Советский лидер показывает, что он стал «настоящим человеком», поскольку соответствовал образцу общества, в котором вырос. М.С. Горбачеву важно продемонстрировать в автобиографии, что он оправдывал доверие односельчан. Подробно генсек останавливается на своем трудовом подвиге, когда в 1948 году вместе с отцом намолотил более 8 тысяч центнеров зерна и получил орден Трудового Красного Знамени. «Я был очень смущен, но, конечно, рад. Тогда мне пришлось произнести свою митинговую речь», – так выражает генсек свое отношение ко всему

происходящему, подчеркивая свою скромность [2, с. 56]. Он более эмоционален, чем Тэтчер в выражении привязанности к своей малой родине, не стесняется признаваться «в любви» к Ставрополю, считая, что «восприятие “большой Родины” через судьбу свою, своих предков, своего края – это и есть не книжный, а подлинный, уходящий корнями в родную почву патриотизм» [2, с. 34–35].

Горбачев затрагивает тему больших городов, но не в контексте стремления жить в них, а в демонстрации их восстановления после войны, когда «страна поднималась из развалин». В этих условиях, когда «инженеров, агрономов, медиков, учителей не хватало», М.С. Горбачев решил, что «должен поступать не иначе как в самый главный университет – Московский государственный университет им. Ломоносова на юридический факультет» [2, с. 59]. Из нарратива сложно понять, почему юный Михаил пришел к данному судьбоносному решению, так как по его собственному признанию, «что такое юриспруденция и право, я представлял себе тогда довольно туманно», но «положение судьи или прокурора мне импонировало» [2, с. 59]. Видимо, в данной идее проявился уже сложившийся характер будущего общественного деятеля, горизонт его мысли, осознание престижа профессий и их статуса в социальной системе, проникновение в суть государственной политики в области образования. Расчет М.С. Горбачева на «оптимизацию» социального состава студенчества и учет высокой правительственной награды себя оправдал, и будущий генсек подчеркивает, что он был первым из сельчан, поступившим в МГУ.

Таким образом, малая Родина важна для политиков как призма, через которую они рассматривают проблемы целого, создают картину исторического прошлого. Благодаря обращению к данной теме авторы биографий раскрывают истоки своих патриотических убеждений.

Детство и юность Тэтчер и Горбачев представляли, как периоды их интеллектуального, социального становления, в которые были заложены принципы мировоззрения, сформировались интерес к политике, установки на активизм, служение обществу, заботы об общем благе, необходимые для дальнейшего карьерного роста в публичной сфере. Детство и юность конструируются как этапы обретения важных истин, полученным через собственный опыт. Основная стратегия проектирования лидерами автобиографии заключается в том, чтобы одновременно продемонстрировать субъективные факторы и объективные обстоятельства, которые обусловили дости-

жение политиками политических вершин. В частности, к объективным обстоятельствам относится благоприятная семейная обстановка, высокий статус семьи в местном обществе, относительный экономический достаток. Среди ключевых назидательных фигур, помогающих формировать этические принципы, британский и советский политики называют членов семей, в первую очередь, отца, учителей, авторов художественных произведений. М. Тэтчер упоминает Черчилля, журналистов, ведущих аналитические программы, киноактрис. В дискурсе М.С. Горбачева в большей степени выражено коллективистское начало – земляки, бригада, народ. Политики показывают, что в обществе в общих чертах сложилась система политического воспитания и образования, – книги, занятия в школе, коллективные практики, связанные с памятливыми датами. Суть социализации на данных этапах биографии – формирование национальной идентичности, чувства сопричастности с судьбами своей страны, переживание опыта общегражданской солидарности. В каждой строчке мемуаров, описывающих 1940-х гг., подчеркиваются тяготы войны и послевоенного времени для всего коллектива сограждан. В текстах М.С. Горбачева тема Родины окрашена с более глубоких личностных позиций, чем у М. Тэтчер, но при этом желание предпринять какие-либо усилия, направленные на недопущение повторения войны являются общим выводом их военного детства и юности. Оба политика считают свои страны победителями во Второй мировой войне, выражают чувство гордости за свой народ-победитель. В обоих случаях в нарративе политиков отсутствует «конфликт поколений», благодаря чему происходит успешная интериоризация доминирующих в окружающей среде ценностей. Если у М. Тэтчер была возможность выбора между различными идеологиями в условиях политического плюрализма, то для М.С. Горбачева коммунизм представляется политический выбор народа, которому он не может не следовать. Оба лидера успешно преодолели испытание в доверии к системе, когда дед Горбачева был обвинен в создании «подпольной правотроцкистской контрреволюционной организации», отец Тэтчер и Черчилль потеряли свои посты, а сама Тэтчер не сразу была зачислена в Оксфорд. Однако преодолевшие психологическое потрясение будущие общественные деятели скорректировали свои взгляды на социальное устройство. Детство и юность представляется истоком персонализации политиков. Оба деятеля в мемуарах показывают, что они не просто адаптируются к социально-политическим условиям, но активно выбирают, отчасти оспаривают политические взгляды взрослых. Лидеры показывают, что в

контексте их «недетских историй» вызревали идеи реформ. За изложением отдельных кейсов можно подспудно увидеть тему судьбы, которая дала им возможность проявить себя. Возвращение деда М.С. Горбачева из застенка НКВД, зачисление в Оксфорд и МГУ имени М.В. Ломоносова и другие примеры можно рассматривать как знамения, свидетельствующие о благосклонности судьбы, об избранничестве лидеров.

В рамках генеральной линии мемуаров выстраивания своей национальной идентичности отдельными штрихами затрагиваются и гендерные аспекты. Текст М. Тэтчер нельзя назвать классическим женским письмом; к женским темам относятся лишь ведение домохозяйства и интерес к стилю в одежде. В противовес большинству женщин-политиков, которые жалуются в своих текстах на факт малочисленности женщин в политике, на сексизм со стороны коллег, британский премьер отмечает, что женщины в политике уже присутствовали. При этом кумирами для подражания, ориентирами для выработки ее политической позиции женщины-политики не стали; для М. Тэтчер «женский вопрос» не стал приоритетным на фоне артикулируемых ею проблем национальной безопасности, налогообложения и пр. Таким образом, в тексте М. Тэтчер сконструирована необходимая для консервативного политика модель традиционной женственности, основными чертами которой являются умение вести хозяйство, иметь благопристойный внешний вид, обладать знаниями, умениями и навыками, необходимыми для воспитания детей. В трудах М.С. Горбачева тема «мужской культуры» представлена скупо, в рамках рассказа о трудовом коллективе, состоящим из мужчин-комбайнеров, о практиках потребления в мужских компаниях алкоголя, от которого юный Михаил отказался, отсылая к инициированной им антиалкогольной кампании.

В нарративах политиков конструируется многогранность детства и ранней юности: отношения с родителями, школьные занятия, активизм. Однако британский премьер и советский генсек умалчивают о своих детских играх и игрушках, мечтах, дружбе и подростковой влюбленности, романтических сюжетах, создавая впечатление серьезных с детства людей. Лидеры утверждают, что с детства являлись носителями социально одобряемых качеств – сострадания, милосердия, справедливости; они конструируют свой образ как целеустремленных, трудолюбивых, одаренных и успешных детей-подростков. В мемуарах Тэтчер и Горбачева присутствуют только те истории, которые свидетельствуют о широких мировоззренческих горизонтах буду-

щих политиков, интересе к общественным проблемам, их работоспособности, лидерских качествах. Педалирование установки труда как службы советским генсеком и британским премьером выстраивается в закрепление трудовой этики и этики ответственности. При этом никто из общественных деятелей не указывает, что хотел с детства быть национальным лидером, но прилагал все возможные усилия для достижения конкретных результатов. Не случайно на обложку мемуаров М. Тэтчер вынесена ее фраза: «Мне не повезло. Я заслужила это». Для Горбачева важен факт признания его успехов со стороны общества и государства. Таким образом, детство и ранняя юность в мемуарах советского и британского лидеров конструируются как этапы формирования политических ценностей и установок на общественную деятельность.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 809 с.
2. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 1. Москва: Изд-во «Новости». 600 с.
3. Детство в европейских автобиографиях: от Античности до Нового времени. Антология. СПб.: Издательство «Алетейя», 2001. 960 с.
4. Завершинский К.Ф. Политическая социализация детей как символическая репрезентация «политики детства» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16. №3. С. 308–328.
5. Замятин Л.М. Горби и Мэгги: записки посла о двух известных политиках, Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер. Люберцы: ПИК ВИНТИ, 1995. 182 с.
6. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего нового времени (III–XVI вв.) / В.Г. Безрогов. Москва: Издательство Университета Российской академии образования, 2001. 164 с.
7. Кирдяшкин И.В. Политическая социализация молодежи: эпистемологическое измерение // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. №4. С. 185–188.
8. Новиков К.Е., Быканова Д.А. Ценности пожилых и политические последствия глобального старения населения // Демографическое обозрение. 2017. №4(3). С. 153–180.
9. Павлищева Н.П. Железная леди. Тайны Маргарет Тэтчер. Москва: ООО: «Яуза-Пресс», 2023. 320 с.
10. Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. Москва: Наука, 1996. 301 с.
11. Подвойский Д.Г., Наумова Н.П. Детство как социально конструируемый феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. №2. С. 43–60.
12. Попов В.И. Маргарет Тэтчер. Человек и политик. М.: Прогресс, 1991, 438 с.
13. Рябова Т.Б. Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян // Комплексные исследования детства. 2021. Т. 3, № 1. С. 59–68.
14. Рябова Т.Б., Рябов О.В. «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике // Женщина в российском обществе. 2020. №4. С. 5–13.

15. Сапожникова Ю.Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. №2(43). С. 54–56.

16. Сергеева О.В. Социология старения и возрастного неравенства (обзор западных концепций) // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия: Филос. 2012. №2(17). С. 74–79.

17. Тэтчер М. Автобиография. Москва: АСТ, 2014. 800 с.

18. Щербинин А.И. Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родины) // АртМаркетинг. 2009. №4(28). С. 19–27.

19. Age and Structural Lag: Society's Failure to Provide Meaningful Opportunities in Work, Family, and Leisure / ed. by M.W. Riley, R.L. Kahn, A. Foner. New York: Wiley, 1994. 304 p.

20. Cutler N.E. Demographic, social psychological, and political factors in the politics of aging: a foundation for research in «political gerontology» // American political science review. 1977. № 71. P. 1011–1025.

21. Easton D., Dennis J. Children in the Political System. New York: McGraw-Hill, 1969. 638 p.

22. Erk J. Is age the new class? Economic crisis and demographics in European politics // Critical sociology. 2015. P. 1–13.

23. Estes C.L. Toward a Sociology of Political Gerontology // Sociological Symposium. 1979. Vol. 26. P. 1–25.

24. Fiorina Morris P. Retrospective Voting in American Elections. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.

25. Hagestad G., Uhlenberg P. Should we be concerned about age segregation? Some theoretical and empirical explorations // Research on aging. 2006. № 28(6). P. 638–653.

26. Harding F. «Family values» and conservative government policy: 1979–97 // Changing Family Values / G. Jagger, C. Wright, eds. London: Routledge, 1999. P. 119–135.

27. Hardy M.A., Willson A. E. Cohort Change // Encyclopedia of Aging / ed. by D.J. Ekerdt, R.A. Applebaum, K.C. Holden, S.G. Post, K. Rockwood, R. Schulz, R.L. Spratt, P. Uhlenberg. New York: Macmillan Reference, 2002. P. 235–270.

28. Johnson M.M.S., Riggle E.D.B. Age difference in political decision making: Strategies for evaluating political candidates // Political Behavior. 1996. I. 18, P. 99–118.

29. Jung H. One of US The Political Biography of Margaret Thatcher. London: Macmillan London, 1989. 655 p.

30. Redlawsk D.P. The role of memory in voter decision making a process tracing study of a presidential election campaign. New Brunswick: Rutgers University Department of Political Science, 1996. P. 1–30.

References

1. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Moskva: Khudozh. lit., 1975. 809 s.
2. Gorbachev M.S. Zhizn' i reformy. V dvukh knigakh. Kn. 1. M.: Izd-vo «Novosti». 600 s.

3. Detstvo v evropeiskikh avtobiografiyakh: ot Antichnosti do Novogo vremeni. Antologiya. SPb.: Izdatel'stvo «Aleteiya», 2001. 960 s.

4. Zavershinskii K.F. Politicheskaya sotsializatsiya detei kak simvolicheskaya reprezentatsiya «politiki detstva». Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2020. T. 16. №3. S. 308–328.

5. Zamyatin L.M. Gorbi i Meggi: zapiski posla o dvukh izvestnykh politikakh, Mikhaille Gorbacheve i Margaret Tetcher. Lyubertsy: PIK VINITI, 1995. 182 s.

6. Zapadnoevropeiskie vospominaniya o detstve ot pozdnei antichnosti do rannego novogo vremeni (III–XVI vv.) / V.G. Bezrogov. M.: Izdatel'stvo Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya, 2001. 164 s.
7. Kirdyashkin I.V. Politicheskaya sotsializatsiya molodezhi: epistemologicheskoe izmerenie. Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2013. №4. S. 185–188.
8. Novikov K.E., Bykanova D.A. Tsennosti pozhilykh i politicheskie posledstviya global'nogo stareniya naseleniya. Demograficheskoe obozrenie. 2017. №4(3). S. 153–180.
9. Pavlishcheva N.P. Zheleznaya ledi. Tainy Margaret Tetcher. M.: OOO: «Yauza-Press», 2023. 320 s.
10. Peregudov S.P. Tetcher i tetcherizm. M.: Nauka, 1996. 301 s.
11. Podvoiskii D.G., Naumova N.P. Detstvo kak sotsial'no konstruiuemiy fenomen. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2014. №2. S. 43–60.
12. Popov V.I. Margaret Tetcher. Chelovek i politik. M.: Progress, 1991, 438 s.
13. Riabova T.B. Vozrast vlasti? «Vobrazhaemye pokoleniya» i doverie k politikam v sotsial'nykh predstavleniyakh sovremennykh rossiyan. Kompleksnye issledovaniya detstva. 2021. T. 3, № 1. S. 59–68.
14. Riabova T.B., Riabov O.V. «...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha»: o gender-no-voznrastnykh stereotipakh v politike. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. №4. S. 5–13.
15. Sapozhnikova Yu.L. Zhanr avtobiografii: ponyatie i osobennosti. Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vos-tokovedenie. 2012. №2(43). S. 54–56.
16. Sergeeva O.V. Sotsiologiya stareniya i voznrastnogo neravenstva (obzor zapadnykh kontseptsii). Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Seriya: Filos. 2012. №2(17). S. 74–79.
17. Tetcher M. Avtobiografiya. M.: AST, 2014. 800 s.
18. Shcherbinin A.I. Konstruirovaniye obraza (na primere vystraivaniya kontsepta Rodiny). ArtMarketing. 2009. №4(28). S. 19–27.
19. Age and Structural Lag: Society's Failure to Provide Meaningful Opportunities in Work, Family, and Leisure. ed. by M.W. Riley, R.L. Kahn, A. Foner. New York: Wiley, 1994. 304 p.
20. Cutler N.E. Demographic, social psychological, and political factors in the politics of aging: a foundation for research in «political gerontology». American political science review. 1977. №71. P. 1011–1025.
21. Easton D., Dennis J. Children in the Political System. New York: McGraw-Hill, 1969. 638 p.
22. Erk J. Is age the new class? Economic crisis and demographics in European politics. Critical sociology. 2015. P. 1–13.
23. Estes C.L. Toward a Sociology of Political Gerontology. Sociological Symposium. 1979. Vol. 26. P. 1–25.
24. Fiorina Morris P. Retrospective Voting in American Elections. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.
25. Hagestad G., Uhlenberg P. Should we be concerned about age segregation? Some theoretical and empirical explorations. Research on aging. 2006. №28(6). P. 638–653.
26. Harding F. «Family values» and conservative government policy: 1979–97. Changing Family Values. G. Jagger, C. Wright, eds. London: Routledge, 1999. P. 119–135.
27. Hardy M.A., Willson A. E. Cohort Change. Encyclopedia of Aging. ed. by D.J. Ekerdt, R.A. Applebaum, K.C. Holden, S.G. Post, K. Rockwood, R. Schulz, R.L. Spratt, P. Uhlenberg. New York: Macmillan Reference, 2002. P. 235–270.
28. Johnson M.M.S., Riggle E.D.B. Age difference in political decision making: Strategies for evaluating political candidates. Political Behavior. 1996. I. 18, P. 99–118.
29. Jung N. One of US The Political Biography of Margaret Thatcher. London: Macmillan London, 1989. 655 p.
30. Redlawsk D.P. The role of memory in voter decision making a process tracing study of a presidential election campaign. New Brunswick: Rutgers University Department of Political Science, 1996. P. 1–30.

Е.О. Цалко**E. Tsalko****ВОЗРАСТНАЯ
СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ
ЦЕННОСТЕЙ
ПОКОЛЕНИЙ *****AGE STEREOTYPING
OF VALUES OF
GENERATIONS****Аннотация**

Проблему ценностной трансмиссии в современном российском обществе необходимо изучать не с позиции фиксации «поколенческого разрыва» ценностей, а через исследование представлений о ценностях поколений. Поколение в данном случае трактуется, как некая совокупность людей, рожденных в один временной период, проживающих и переживающих одни и те же исторические события в примерно одинаковом возрасте, имеющих общие ценности и модели поведения, а также чувство идентичности с данным поколением. В статье проанализировано как функционирующие в обыденном сознании возрастные стереотипы находят отражение в оценках ценностных ориентаций поколений. Эмпирической базой исследования стала серия интервью, проведенных осенью 2023 года в Санкт-Петербурге, Махачкале, Иваново. К ценностям, которые в большей степени будет защищать молодежь, информанты отнесли – свободу, защиту природной окружающей среды, свободное предпринимательство, равенство для женщин. Традиционные ценности (семья, религия), социальную справедливость, защиту уязвимых слоев населения чаще приписывали старшему и среднему поколениям. При этом традиционные ценности в структуре ценностей молодежи не исчезают, а переосмысливаются. Подобные процессы «дрейфования» сейчас происходят, например, с ценностью патриотизма. В целом по результатам исследования делается вывод о том, что в настоящий момент говорить о ценностном поколенческом разрыве корректнее с позиций не замещения ценностей, а их переосмысливания и семантического изменения. Представления о поколениях строятся скорее на стереотипном видении того/иного возраста, его ценностях. Межпоколенческие различия в

Abstract

The problem of value transmission in contemporary Russian society should be studied not from the position of fixing the “generational gap” of values, but through the study of attitudes to ideas about the values of generations. A generation in this case is interpreted as a certain set of people born in the same time period, living and experiencing the same historical events at approximately the same age, having common values and behavior patterns, as well as a sense of identity with this generation. The article analyzes how age stereotypes functioning in everyday consciousness are reflected in assessments of the value orientations of generations. The empirical basis of the study was a series of interviews conducted in the fall of 2023 in St. Petersburg, Makhachkala, and Ivanovo. The informants identified the values that young people would be more likely to defend as freedom, protection of the natural environment, free enterprise, and equality for women. Traditional values (family, religion), social justice, and protection of vulnerable segments of the population were more often attributed to the older and middle generations. At the same time, traditional values in the structure of values of young people do not disappear but are rethought. Similar processes of “drift” are now occurring, for example, with the value of patriotism. Based on the results of this the article concluded that it is more correct to talk about the generational value gap not from the standpoint of not replacing values, but from point of their rethinking and semantic change. Attitudes to generations are built rather on a stereotypical vision of a particular age and its values. Intergenerational differences in value orientations are not

ценностных ориентациях не связаны с эффектом жизненного цикла, они отражают в целом процесс изменения ценностного поля социума. Учет наличия возрастной стереотипизации ценностей поколений позволяет взглянуть на проблему трансмиссии ценностей под другим углом - анализа ценностной преемственности поколений через призму борьбы различных политических акторов за процесс содержательного перенаполнения ценностей.

associated with the life cycle effect; they generally reflect the process of changing the value field of society. Taking into consideration the age-related stereotyping of generational values allows us to look at the problem of value transmission from a different angle - to analyze the value continuity of generations through the prism of the struggle of various political actors for the process of meaningful refilling of values.

Ключевые слова:

поколение, поколенческий разрыв, ценности, возрастные стереотипы, возрастные метафоры.

Key words:

generation, generational gap, values, age stereotypes, age metaphors.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-83-95>

Все чаще в социологических и политологических исследованиях поднимается вопрос о «поколенческом разрыве» в ценностях, несет ли он в себе риски для национальной идентичности или же является естественным для современных обществ. Проблема ценностной трансмиссии между поколениями особо обострилась на фоне появления новых внешних угроз для национальной безопасности и идентичности.

Деструктивное развитие межпоколенческих отношений как угроза внутренней национальной безопасности и целостности общества зафиксирована в ряде стратегических документов – Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Стратегии государственной национальной политике Российской Федерации на период до 2025 года, Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Консолидация поколений возможна только на основе обще разделяемых ценностей и формирования общего мифосимволического комплекса нации.

Проблема преемственности поколений традиционно исследуется в рамках социологии молодежи, социологии старения и собственно социологии поколений (Б. Дубин [2], Г. Зборовский [1], В. Лисовский [9], В. Радаев [13], В. Семенова [15; 16], Т. Шанин [20]). На современном этапе «поколенческая» проблематика изучается в исследованиях ценностных установок молодежи и факторов, влияющих на преемственность

ценностей [6; 16], на прикладном уровне в рамках лонгитюдных исследований (например, исследовательский проект «Как живешь, Москва?» [12]); проблематика взаимоотношений поколений, структуры ценностных ориентаций поколений, межпоколенная статусная мобильность также исследуется крупными социологическими центрами – ВЦИОМ, Институт социологии РАН, НИУ ВШЭ, ФНИСЦ РАН.

Например, П.М. Козырева и А.И. Смирнов (Институт социологии ФНИСЦ РАН) на основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» исследовали эволюцию представлений россиян о возможности взаимопонимания и сотрудничества между молодежью и старшим поколением и факторы, влияющие на их формирование [7]. По результатам лонгитюдных исследований были сделаны неожиданные выводы. «Взгляды на поколенческие связи, безусловно, менялись, но в целом сохранили устойчивость: в 1994 году потенциал взаимопонимания и сотрудничества поколений позитивно оценивали 54,6% россиян, в 2020-м – 52,7%, негативно – соответственно 12,2% и 5,5%. Доля «негативщиков», сократившись за четверть века в 2,2 раза, уменьшалась на протяжении всех лет. При этом молодежь, привычно назначаемая главным источником противостояния, оказалась более склонна к диалогу, чем пожилые, а в селах, где сильнее традиционные ценности, «конфликт поколений ощущается глубже и острее, чем в городах». Наиболее толерантными названы только что «пережившие подростковый и ранний юношеский период», наименее – граждане 60+, у которых «накопилось больше всего претензий к молодежи, к их «непонятному», «невразумительному» образу жизни».

ВЦИОМ, начиная с начала 2000-х гг. проводит исследования, посвященные проблеме «отцов и детей», фиксируя изменения во взаимоотношениях поколений и их ценностных ориентациях¹. Кроме этого, центр традиционно исследует ценности молодежи и в целом всего российского общества. Например, исследование ценностных ориентаций и жизненных ориентиров молодежи в 2022 году зафиксировало, что в структуре ценностных ориентаций российской молодежи первое место занимают ценности семейные, далее идут материальные ценности, участие в общественной, политической жизни, волонтерство и помощь другим людям². А данные опроса 2023 года показали топ-3 ценностей россиян разных возрастов. «Для молодежи 18-24 лет – это крепкая семья (57%), самореализа-

¹ Отцы и дети: на пути к взаимопониманию (2004). ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otczy-i-deti-molodezh-v-rossii>.

² Наши дети будут лучше, чем мы? (2022). ВЦИОМ. URL: <https://clck.ru/3Bh8v2>.

ция (50%) и дружба (40%). У старшей молодежи 25-34 лет – крепкая семья (74%), самореализация (43%) и жизнь, достоинство, права и свободы человека (38%). Самоопределившиеся 35-44-летние – крепкая семья (77%), жизнь, достоинство, права и свободы человека (36%), историческая память и преемственность поколений (35%). Состоявшиеся 45-59-летние – крепкая семья (71%), гордость за страну (34%) и историческая память (33%). Зрелые от 60 лет – крепкая семья (58%), гордость за страну (35%), историческая память и единство народов России (по 32%). То есть по результатам опроса ВЦИОМ, общеразделяемой ценностью для всех россиян является именно семья»¹. Подобные результаты дают нам основания для оптимистичных выводов – ценности молодого поколения во многом совпадают с ценностями других поколений.

В целом в репертуаре исследований по данной проблеме мы можем зафиксировать несколько ключевых тем: подходы к пониманию феномена «поколение», динамика ценностных ориентаций поколений и факторы, на них влияющие, институциональные основы преемственности, стереотипы о поколениях, степень включенности поколений в социально-экономическую и политическую жизнь страны.

Мы пытаемся взглянуть на эту проблему не с точки зрения подтверждения или опровержения существования «поколенческого разрыва», а с позиции анализа отличий в представлениях о ценностях разных поколений и влияния на эти представления возрастных стереотипов.

Поскольку объектом данного исследования выступают ценности поколений и их возрастная стереотипизация, обозначим наши подходы к пониманию данных феноменов.

В трактовке термина «поколение» мы придерживаемся социокультурного подхода, согласно которому поколение – это как некая совокупность людей, рожденных в один временной период, проживающих и переживающих одни и те же исторические события в примерно одинаковом возрасте, имеющих общие ценности и модели поведения, а также чувство идентичности с данным поколением. Однако считаем важным учитывать, что на данный момент в поколенческом дискурсе значение поколений создается и пересоздается политическими акторами в зависимости от их политических целей [13, с. 61].

Поколение определяется через некую форму социальной связи и фокус символической солидарности. В категории и языке поколений со-

¹ Социологи оценили взаимопонимание поколений в постсоветской России. URL: <https://iq.hse.ru/news/786728329.html>.

единяются представления о границах одного поколения, подразумевающих общие для него социальные и культурные ценности, нормы, типовые реакции, а также общие символы, объединяющие одно или несколько соседних поколений. В поколениях можно выделить, помимо историко-политических характеристик, отличительные черты, присущие различным возрастным группам [4, с. 267]. Мы стоим на конструктивистском понимании возраста, в котором подчеркивается социально детерминированный, изменчивый, контекстуально обусловленный характер представлений о возрасте. Таким образом, релевантными политике выступают не столько реальные, сколько «воображаемые» поколения. Объективные различия, которые лежат в основе социальных границ между поколениями, в политике могут преувеличиваться или приуменьшаться [14, с. 6]. Поэтому мы сосредотачиваем свое внимание на возрастных стереотипах, с помощью которых происходит репрезентация и «воображение» поколений.

Важно зафиксировать оценку поколений через их ценностные установки, приоритизацию ценностей с точки зрения именно своего возраста и стереотипного представления о других поколениях. Но сделаем важное замечание. В теории межгенерационных изменений ценностей превалирует идея о замене одних ценностей другими в разных поколениях, мы же склонны согласиться с идеей И.М. Кузнецова о наличии ценностного дрейфа - растянутого во времени изменения, смещения от одного полюса к другому содержательного наполнения, смысла одних и тех же ценностей, не теряющих при этом своей значимости в общественном сознании; это процесс замещения не самих ценностей, а смыслов, сопряженных с одними и теми же ценностями [8, с. 48]. При этом, мы считаем, что такой ценностный дрейф может происходить естественно, в результате объективных исторически-культурных изменений, а может происходить в результате влияния неких политических акторов, в чьих интересах актуализация или переосмысление определенных ценностей (например, через реконструкцию семантических пространств).

Эмпирической базой исследования выступили данные интервью, осуществленного в рамках проекта РФФИ. Исследование проводилось в форме полустандартизированных интервью в городах, различающихся размером, уровнем политической активности, степенью поддержки власти и оппозиции, этнокультурными особенностями (N=48, осень 2023 года, Санкт-Петербург, Махачкала, Иваново). Информанты дифференцировались по полу, возрасту (группы «18-35», «36-55», «56 и старше») и политическим предпочтениям (сторонники действующей власти, сторонники левых сил / приверженцы коммунистической и социалистической идеологии, сторонники либеральной

идеологии, граждане, не поддерживающие существующие политические партии, и политически индифферентные граждане).

В ходе интервью информантам изначально предлагалось оперировать терминами «молодое поколение», «люди среднего возраста», «старшее поколение», самостоятельно определив их возрастные границы. Легче всего назывались границы именно старшего поколения, в большинстве ответов это от 50-55 лет и старше, только три раза озвучили нижнюю границу в 70 лет. Средний возраст или возраст зрелости обозначался в границах от 30 до 50-55 лет. И наибольшие трудности возникали с определением возраста молодости, диапазон которой оказался от 14-15 до 35-36 лет, что сейчас в современной социальной психологии объясняется отсутствием общего трека взросления или диверсификацией моделей взросления (гетерохронностью событий, характеризующих переход к «взрослости»).

Характерная особенность – информанты юного возраста (18-20 лет) считают, что молодость заканчивается в 25-27 лет и соответственно старость начинается практически с 40 лет. При этом информанты в возрасте 50 лет и старше пытались, наоборот, максимально отодвинуть начало старости к 65-70 годам, продлевая период молодости до 40 лет.

Вариативность в оценках возрастных границ поколений подтверждает, что сейчас возрастные границы, характеризующие поколения, стали крайне расплывчатыми и диффузными. Не отказываясь совершенно от возрастных границ в определении поколения, необходимо признать, что это понятие не отражает полностью современную ситуацию, так как временные границы поколений изменяются. И для определения поколений (и отграничения одного поколения от другого) используются смысловые и ценностные параметры [10].

Мы взяли за основу анализа типологию ценностей Р. Иглхарта, который разделяет ценностные ориентации на традиционные (представления о «должном», «само собой разумеющимся») и секулярно-рациональные (представления об эффективных способах приспособления к конкретной ситуации), а также на «ценности выживания» и «ценности самовыражения» [5].

В серии своих интервью мы спрашивали информантов о том, можно ли в принципе говорить о различии ценностей у людей разных поколений? Большинство отмечало, что, действительно, у каждого поколения в приоритете свои ценности, но, есть и те, которых придерживаются все – среди них назывались свобода и мир во всем мире. Однако, если представители старшего поколения высказывались о свободе, скорее, как о

«ценности выживания» (например, «независимость от захватчиков»), то молодые информанты как о «ценности самовыражения» («как возможность осуществлять больше действий с меньшей ответственностью», «свобода действий», «слова», «выбора профессии, образования»).

Характеризуя разницу в ценностях поколений, чаще сравнивали между собой ценности молодежи и старшего поколения, указывая на их полярность. Представим несколько типичных высказываний: «Для старшего поколения более важна стабильность» (Олег, 27 лет, СПб, сторонник либеральной идеологии); «Для молодого – прогресс» (Ксения, 32 года, СПб, сторонник коммунистической идеологии); «молодые люди больше ценят свободу, люди старшего возраста больше ценят стабильность, благополучие...» (Ксения, 19 лет, Иваново, политически индифферентная); «Старшему поколению нужна стабильность, патриотизм только у стариков... молодёжь - свобода, справедливость (Ольга, 57 лет, Иваново, сторонник либеральной идеологии); «Для молодых важна свобода, для среднего и старшего – стабильность, спокойствие. Для всех важен мир во всем мире» (Юлия, 44 года, Иваново, лоялист); «Что касается свободы и справедливости – это для всех одинаково, а если говорить о традиционных ценностях (семейных, моральных), то это больше для старшего поколения, у молодежи в этом плане все динамичнее» (Ярослав, 21 год, Иваново, сторонник либеральной идеологии); «У молодёжи главное это карьера своя, что политическая, что обычная карьера, получение каких-то для себя благ. Заработать...а в старшем возрасте уже в основном все сделано и, естественно, активность тоже меньше (Айшат, 63 года, Махачкала, лоялист).

Такая полярность в представлениях о ценностях поколений не просто отражает ее возрастную стереотипизацию, а демонстрирует межпоколенческий сдвиг от акцента на экономической и физической защищенности («стабильность», «спокойствие», «мир») к возрастающему значению самовыражения, субъективного благополучия и качества жизни («прогресс», «карьера») [5, с. 86].

Кроме свободных высказываний о приверженности тем или иным ценностям людьми разных поколений, мы предлагали и закрытый перечень ценностей, где присутствуют как «ценности выживания», так и «ценности самовыражения»: Свобода, Независимость государства / страны, Социальная справедливость, Защита окружающей природной среды, Международный престиж, Свободное предпринимательство, хорошие условия для бизнеса, Защита социально уязвимых слоев населения, Ра-

венство для женщин, Традиционные ценности (семья, религия, традиции), Межнациональное согласие в России.

В целом, гипотеза о том, что молодое поколение будет характеризоваться в основном через «ценности самовыражения» и секулярно-рациональные, а старшее – через традиционные и «ценности выживания» подтвердилась лишь частично.

К ценностям, которые в большей степени будет защищать молодежь, отнесли - свободу, защиту природной окружающей среды, свободное предпринимательство, равенство для женщин. Но отметим, что мнения информантов отличались в зависимости от места проживания. Опрашиваемые из городов Иваново и Санкт-Петербурга в равной степени называли свободу значимой ценностью для молодежи и для всех поколений в принципе, информанты из Махачкалы (причем всех возрастов) – только для молодого и среднего поколения. И это говорит о том, что разница в представлениях о ценностях поколений присутствует даже в обществах с высокой культурной преемственностью.

Поддержку такой ценности, как межнациональное согласие в России, информанты из Санкт-Петербурга посчитали не зависящей от возраста, а значимой для молодежи ее назвали только три информанта; Ирина (56 лет, лоялист) из города Иваново посетовала, что «вообще хотелось бы, чтобы молодёжь это понимала». Совсем другое отношение к межнациональному согласию у опрашиваемых из Махачкалы, они посчитали межнациональное согласие ценностью только для старшего поколения, что, на наш взгляд, может косвенно говорить о приоритете для молодых и взрослых дагестанцев собственной этнической идентичности перед идентичностью гражданской.

Традиционные ценности (семья, религия), равно как и защиту социально уязвимых слоев населения, чаще приписывали старшему и среднему поколениям. Это несколько идет вразрез с теми общероссийскими данными ВЦИОМ, которые мы приводили в начале. Однако оговоримся, сам термин «традиционные ценности» в настоящее время политически переосмысливается. Мы считаем, что в рамках социологического анализа традиционные ценности вернее понимать, как «ориентацию на ставшие обычными, общепринятыми жизненные цели и стратегии их достижения. Это означает, что фактически поведенческие сценарии и практики могут быть признаны «традиционными», если они являются общепризнанными и доминирующими в данном обществе» [8, с. 48]. Например, в рамках общероссийских опросов о ценностях не разъясняется, что вкладывается в понимание такой ценности, как «крепкая семья», а, если посмотреть результаты социологи-

ческих исследований на эту тему, то будет видно, что семья, например, для молодежи становится секулярно-рациональной ценностью (источником благополучия, способом самореализации, выстраивания стилей жизни и воспроизводства статусных различий [19, с. 17]).

Поскольку в нашем исследовании мы просили информантов охарактеризовать поколения по их ценностям, а не спрашивали, каких ценностей придерживаются они сами, мы не можем судить о степени приверженности старшего поколения традиционным ценностям, мы можем только зафиксировать стереотипность восприятия старшего поколения как сторонников всего устоявшегося и «нежелающих перемен» («Главное, чтоб ничего не менялось, и, главное, чтоб еще хуже не было» (Ирина, 59 лет, СПб). В равной степени мы не можем судить о «нетрадиционности» ценностей современной российской молодежи.

Стереотипность в представлениях о ценностях поколений проявилась также в отношении такой ценности, как «независимость государства / страны» - ее посчитали одинаково важной только для среднего и старшего поколений. Ни один из опрашиваемых (во всех городах) не посчитал «независимость государства» значимой для молодого поколения. При этом в ходе бесед часто звучало объяснение – молодое поколение описывали как «эгоистичное», «нацеленное на решение только своих проблем».

Такая ценность, как «международный престиж» примерно в равной степени приписывалась всем трем поколениям. Прозвучали мнения, что «международный престиж» уже в принципе не рассматривается как ценность: «Мы уже забыли про эту ценность. Мы не знаем, что творится за нашими границами, даже не знаем, что творится в городах, где мы живём» (Зелимхан, 53 года, Махачкала, не поддерживает существующие политические партии); «как будто бы в 2023 году всем на это глубоко и давно...не интересно» (Сергей, 35 лет, Иваново, приверженец социалистической идеологии).

Наиболее показательна в плане стереотипности восприятия оказалась такая ценность, как «равенство для женщин». Часть посчитала, что эта ценность, собственно, важна именно для женщин («Оно больше важно для женщин, независимо от возраста. Тут только по половому признаку могу выделить, а не по возрастному (Лиза, 19 лет, СПб, политически индифферентна); часть посчитали важной только для молодежи («Это смотря, как формулировать. Если как равенство для женщин, то молодой возраст. Если равенство полов, то – средний» (Евгений, 19 лет, СПб, сторонник либеральной идеологии). При этом эмоциональный окрас высказываний явно зависел от политических взглядов информантов. Молодые

информанты из Санкт-Петербурга и Иванова с либеральными взглядами рассуждали об этой ценности серьезно, в то время как сторонники действующей власти из числа среднего поколения рассуждали о ней в шуточной форме: «В этом возрасте женщины начинают права качать. Где-то до 30, пока гормоны не утихнут» (Елена, 35 лет, СПб, лоялист), «она важна для женщин всех возрастов» [смеясь] (Денис, 44 года, Иваново, лоялист). Такой разброс в отношении к данной ценности вполне объясним с точки зрения Р. Инглхарта – культурный сдвиг от традиционных ценностей к поддержке «ценностей самовыражения» возникает в возрастной когорте, выросшей в условиях гарантированного выживания, то есть в современном поколении молодых. При этом традиционные ценности в структуре ценностей индивида не исчезают, а переосмысливаются. Подобные процессы «дрейфования» сейчас происходят с ценностью патриотизма. С одной стороны, это универсальная ценность, лежащая в основе национальной идентичности, с другой – ее смысловое наполнение от поколения к поколению может меняться, как меняются и оценки степени патриотичности самих поколений.

В беседах с нашими интервьюерами мы интересовались считают ли они патриотичной современную молодежь. Мы посчитали необходимым спросить именно о патриотизме молодежи, поскольку в последние два года в публичном дискурсе присутствуют полярные точки зрения о степени ее патриотичности.

Мнения наших информантов по этому вопросу также разделились. Одна часть уверена, что молодежь России столь же патриотична, как и другие поколения: «Молодежь так же патриотична, просто не понятно, за что воевать» (Адам, 19 лет, Махачкала, политически индифферентен); «Когда мы были молодые – то же самое про нас говорили. И ничего!» (Арина, 59 лет, СПб, лоялист); «Молодежь во все времена одинакова, совершенно, есть и хорошие, и плохие. Не надо сваливать, что молодёжь у нас сейчас не такая, как была раньше» (Анна, 57 лет, Иваново, сторонник либеральной идеологии). Оспорить тезис о непатриотичности молодежи пытались, в первую очередь, молодые информанты, не поддерживающие существующую власть. Показательны два высказывания Ксении и Ивана из Санкт-Петербурга: «Молодежь очень патриотично настроена и не хочет, чтобы за Родину было стыдно... патриотизм — это не бояться, в том числе, сказать, что Родиной управляют сейчас те, кто ей вредят, и интересы их могут прямо Родине вредить. Считать, что все, кто уехал не патриоты, - как минимум, это глупо» (Ксения, 32 года, сторонник коммунистической идеологии); «Это смотря какое определение дать патриотичности! В случае, если сохранение существующей власти не является су-

щественным аспектом патриотичности, то тогда, конечно, нет, не согласен. Много патриотично настроенных молодых людей! Я думаю, не меньше... не меньшинство точно. Может даже абсолютное большинство» (Иван, 19 лет, сторонник либеральной идеологии).

Другая часть опрошенных склонна считать, что патриотизм скорее характерен для среднего и старшего поколений, а непатриотичность молодежи при этом объясняется по-разному: «Мы в таком времени живём, когда каждый больше заботится о себе, нет активной пропаганды, нет установки, что нужно делать для государства, у нас сейчас всё для себя... вот и выросла такая молодежь, которая в первую очередь ставит свой комфорт» (Анна, 28 лет, Иваново, сторонник действующей власти); «Думаю, причина этого в том, что молодежь не осознает угроз, которые идут от Запада» (Арина, 59 лет, Санкт-Петербург, сторонник действующей власти), «Они не хотели погибать, да, наверное, те кто уехал непатриотичны, но многие, наоборот, остались» (Самира, 22 года, Махачкала, политически индифферентна).

В целом, в оценках уровня патриотичности молодежи мы не увидели корреляций с полом и возрастом информантов, скорее политические взгляды определяют отношение к данной ценности.

Таким образом, межпоколенческие различия в ценностных ориентациях не связаны с эффектом жизненного цикла, они отражают в целом процесс изменения ценностного поля социума – переход от традиционных к постматериалистическим ценностям «самовыражения». В настоящий момент говорить о ценностном поколенческом разрыве корректнее с позиций не замещения ценностей, а их переосмысления, семантического изменения.

Представления о поколениях строятся скорее на стереотипном видении того/иного возраста. Стереотипное представление о традиционности, консервативности ценностей старшего поколения и, например, непатриотичности молодежи вовсе не означает, что в действительности мы можем зафиксировать эти различия в стратегиях поведения этих поколений. Возрастная стереотипизация в представлениях о ценностях поколений зачастую носит форму возрастных метафор. Например, «средний возраст – уже когда всего достиг, а в старшем возрасте уже в основном все сделано», «среднее поколение уже меньше генерирует идеи, то есть, менее креативно, чем молодежь», «молодежь креативнее, активнее и энергичнее, но уступает в опыте и разуме».

Учет наличия возрастной стереотипизации ценностей поколений позволяет взглянуть на проблему трансмиссии ценностей под другим уг-

лом. Стереотипы и метафоры структурируют восприятие, мышление и действия человека, упорядочивают его повседневную деятельность. Она выражается в словах, которые выступают как конвенциональные знаки и выполняют часто не только собственно семиотическую, но и символическую функции, фиксируя вектор интереса и интерпретации. При этом концептуальная метафора может быть незамеченной, а может лоббироваться теми или иными институтами [3].

Это важное свойство возрастных стереотипов и метафор позволяет использовать их как инструмент в символической политике или ресурс власти. И открывает возможность анализа ценностной преемственности поколений через призму борьбы различных политических акторов за процесс содержательного перенаполнения ценностей.

Литература

1. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. *Время социальной общности: монография.* Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. 347 с.
2. Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // *Мониторинг общественного мнения.* 2002. №2. С. 11-15.
3. Елютина М.Э. Концептуальная метафора старости // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2023. №26(2). С. 231–248.
4. Исаева М.А. Поколение // *Знание. Понимание. Умение.* 2011. №1. С. 265-268.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития.* Москва: Новое издательство, 2011. 464 с.
6. Клещенко Л.Л. «Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа // *Комплексные исследования детства.* 2021. №1. С. 23-37.
7. Козырева П.М., Смирнов А.И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // *Социологические исследования.* 2021. №11. С. 49-60.
8. Кузнецов И.М. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // *Социологические исследования.* 2017. №1. С. 47-55.
9. Лисовский В.Т. «Отцы» и «Дети»: за диалог в отношениях (Размышление социолога о преемственности поколений) // *Социологические исследования.* 2002. №7. С. 111-116.
10. Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // *Мир психологии.* 2017. №1(89). С. 24-37.
11. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования.* 2018. №3. С.15-33.
12. *Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году /* Н.В. Березина, И.Я. Богданов, Н.М. Великая и др. Москва: ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с.
13. Рябова Т.Б. Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян // *Комплексные исследования детства.* 2021. Т. 3. №1. С. 59-68.
14. Рябова Т.Б., Рябов О.В. «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике // *Женщина в российском обществе.* 2020. №4. С. 5-13.
15. Семенова В.В. *Социальная динамика поколений: проблема и реальность.* Москва: РОССПЭН, 2009. 271 с.
16. Семенова В.В. *Социальный портрет поколений // Россия реформирующаяся /* Под ред. Л.М. Дробижевой. Москва: Academia. 2002. С. 184–212.

17. Соколов А.В. Особенности транслирования политических ценностей в молодёжных сообществах социальной сети «ВКонтакте» // PolitBook. 2023. №1. С. 6-45.
18. Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Том 19. №2. С. 209–232.
19. Чернова Ж., Шпаковская Л. Социодиггер. 2020. Т. 1. Вып. 2: Семья и родительство. 37 с.
20. Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Сообщество. Управление. 2005. №3. С. 6-25.

References

1. Ambarova P.A., Zborovskii G.E. Vremya sotsial'noi obshchnosti: monografiya. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2017. 347 s.
2. Dubin B. Pokolenie: sotsiologicheskie granitsy ponyatiya. Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2002. №2. S. 11-15.
3. Elyutina M.E. Kontseptual'naya metafora starosti. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2023. №26(2). S. 231–248.
4. Isaeva M.A. Pokolenie. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. №1. S. 265-268.
5. Ingkharth R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 s.
6. Kleshchenko L.L. «Pokolencheskii razryv» v diskurse sovremennykh rossiiskikh liberal'nykh media. Kompleksnye issledovaniya detstva. 2021. №1. S. 23-37.
7. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Vzaimodeistvie pokolenii v sovremennoi Ros-sii: evolyutsiya sblizheniya. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2021. №11. S. 49-60.
8. Kuznetsov I.M. Tsennostnye orientiry i sotsial'no-politicheskie ustanovki rossiyan. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. №1. S. 47-55.
9. Lisovskii V.T. "Ottsy" i "Deti": za dialog v otnosheniyakh (Razmyshlenie sotsiologa o preemstvennosti pokolenii). Sotsiologicheskie issledovaniya. 2002. №7. S. 111-116.
10. Martsinkovskaya T.D., Poleva N.S. Pokoleniya epokhi tranzitivnosti: tsennosti, identichnost', obshchenie. Mir psikhologii. 2017. №1(89). S. 24-37.
11. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokolenii: empiricheskii analiz. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2018. №3. S. 15-33.
12. Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh global'noi mnogopolyarnosti. Sotsial'no-politicheskoe polozhenie Rossii v 2022 godu. N.V. Berezina, I.Ya. Bogdanov, N.M. Velikaya i dr. Moskva: FNISTS RAN, 2023. 549 s.
13. Riabova T.B. Vozrast vlasti? «Voobrazhaemye pokoleniya» i doverie k politikam v sotsial'nykh predstavleniyakh sovremennykh rossiyan. Kompleksnye issledovaniya detstva. 2021. T. 3. №1. S. 59-68.
14. Riabova T.B., Riabov O.V. «...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha»: o gender-no-voznrastnykh stereotipakh v politike. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. №4. S. 5-13.
15. Semenova V.V. Sotsial'naya dinamika pokolenii: problema i real'nost'. Moskva: ROSSPEN, 2009. 271 s.
16. Semenova V.V. Sotsial'nyi portret pokolenii. Rossiya reformiruyushchayasya. Pod red. L.M. Drobizhevoi. Moskva: Academia. 2002. S. 184–212.
17. Sokolov A.V. Osobennosti translirovaniya politicheskikh tsennostei v molodezhnykh soobshchestvakh sotsial'noi seti «Vkontakte». PolitBook. 2023. №1. S. 6-45.
18. Tikhomandritskaya O.A., Rikel' A.M. (Ne)vzrosloe pokolenie: model' issledovaniya pokolencheskoi otnositel'nosti otsenki vzroslosti. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2022. Tom 19. №2. S. 209–232.
19. Chernova Zh., Shpakovskaya L. SotsioDigger. 2020. Т. 1. Vyp. 2: Sem'ya i roditel'stvo. 37 s.
20. Shanin T. Istoriya pokolenii i pokolencheskaya istoriya Rossii. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2005. №3. S. 6-25.

А.В. Шевченко

ТРИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЗРАСТА «ЧЕЛОВЕКА ПОЛИТИЧЕСКОГО»

Аннотация

Актуальность обращения к теме обусловлена необходимостью определения степени активности субъектов политической деятельности в информационном пространстве политического. Методологической основой исследования являются когнитивные схемы информационной антропологии и социальной информатологии, позволяющие выявить особенности участия в политической жизни представителей разных поколенческих страт посредством установления динамики процессов информационного метаболизма в зависимости от их информационного возраста. В социальной информатологии информация понимается как универсальная реалья, проявляющаяся в сферах материального и идеального как процесс, функция, мера и свойство в виде динамической семиосемантической целенаправленной системы. Информационная антропология опирается на теорию информации как объясняющую теорию отражения. Взаимодополняемость теорий информации и отражения обогащается теорией функциональных систем, объясняющей устойчивость процессов информационного обмена и адаптации «человека информационного» к социальным и политическим явлениям: совместимости кодов передачи и восприятия информации, преобразования объективной информации в субъективные образы сознания как высшей формы отражения. Управляющим параметром «забора» объективной информации выступает информационная потребность индивида, активизируемая метаболическими процессами его организма, меняющимися в разные возрастные периоды. Вследствие неравновесного состояния объективной и субъективной сфер процессы взаимодействия динамически нестабильны, что приводит к противоречиям между информационными и метаболическими потребностями человека. Нелинейная динамика определяет интенсивность когнитивной активности

A. Shevchenko

THREE INFORMATION AGES OF THE "POLITICAL MAN"

Abstract

The relevance of addressing the topic is due to the need to determine the degree of activity of political actors in the information space of the political. The methodological basis of the research is the cognitive schemes of information anthropology and social informology, which allow to identify the features of participation in political life of representatives of different generational strata by establishing the dynamics of information metabolism processes depending on their information age. In social informationology, information is understood as a universal reality, manifested in the spheres of the material and ideal as a process, function, measure and property in the form of a dynamic semiosemantic goal-oriented system. Information anthropology relies on information theory as an explanatory theory of reflection. The complementarity of the theories of information and reflection is enriched by the theory of functional systems, which explains the stability of the processes of information exchange and adaptation of the "information man" to social and political phenomena: the compatibility of codes for the transmission and perception of information, the transformation of objective information into subjective images of consciousness as the highest form of reflection. The controlling parameter of the "intake" of objective information is the information need of an individual, activated by the metabolic processes of his body, changing at different age periods. Due to the non-equilibrium state of the objective and subjective spheres, the interaction processes are dynamically unstable, which leads to contradictions between the informational and metabolic needs of a person. Nonlinear dynamics determines the intensity of cognitive activity of the subject of political relations. Knowledge of

субъекта политических отношений. Знание особенностей состояний и поведения «человека информационного» в каждом периоде его биологического возраста позволяет эффективно организовывать политические коммуникации и сохранить продуктивность политической жизни индивида.

the peculiarities of the states and behavior of the "information man" in each period of his biological age makes it possible to effectively organize political communications and preserve the productivity of an individual's political life.

Ключевые слова:

информационная антропология, информационный возраст, информационный метаболизм, когнитивные процессы, социальный возраст, политическая зрелость, политическая культура, «человек информационный».

Key words:

information anthropology, information age, information metabolism, cognitive processes, social age, political maturity, political culture, "information man".

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-96-110>

Интенсивность внедрения информационных технологий во все сферы бытования человека и объективное стремление социума к информационной формации означает переход от энергетической основы жизнедеятельности, адаптацию к необходимому информационному взаимодействию и появление «человека информационного» как его персонификации [26]. Социально-информациологический подход к познанию информационно-коммуникативных зависимостей современного человека позволяет определять его биологические, психические, социальные, психологические свойства и характеристики в онтологической целостности [3; 18; 19]. основополагающий подход сформулирован или основан на постулате теории информации, которая рассматривает информацию как неотъемлемое свойство всего сущего, наряду с веществом и энергией [8; 13]. Информация выступает универсальным субстратом общественных отношений и объясняет политику как специфическую форму информационно-коммуникационных процессов, формирующихся при распределении общественных ресурсов и статусов посредством государственной власти [26]. Информационность является атрибутивным свойством индивида, а, следовательно, и «политического человека» – особого общественно-исторического субъекта, который переносит решение социальных проблем из сферы гражданских отношений в сферу государственно-политических [17].

Согласно психофизиологической теории функциональных систем [1] и системоквантовой концепции динамического стереотипа [22], информационность человека определяется его природно-индивидуальной целостностью. Эта целостность обеспечивает информационный метаболизм субъекта, который проявляется в способности адаптировать внутренний мир к внешним условиям в процессе коммуникации, при этом сохраняя свою индивидуаль-

ность и идентичность [12]. В процессе восприятия информации выделяется несколько этапов информационного метаболизма: 1) непосредственный, происходящий в момент времени взаимодействия с источником информации; 2) обработка полученной информации, длящаяся некоторое количество времени, обусловленное индивидуальными свойствами человека; 3) усвоение, длящееся неограниченное время.

Совокупность результатов информационной деятельности различных функциональных систем организма, каждая из которых осуществляет обмен информацией на основе своих специфических информационных эквивалентов, формирует общую информационную среду индивида. В этой среде постоянно циркулирует информация о различных потребностях и их удовлетворении, а аппарат акцептора результата действия непрерывно оценивает количество достигнутых полезных приспособительных результатов в каждой функциональной системе [22].

Основываясь на принципах информационного метаболизма, профессор социологии Т.М. Дридзе выделила социопсихологический тип «человека живущего» – *homo vivens*. Она описала феномен информационного метаболизма в рамках экоантропоцентрической социологии, рассматривающей способности самоорганизации и воспроизводства вещества и форм социальности, как «никогда не прекращающийся человеко-средовой метаболизм, в котором заложены истоки поддержания и обновления всех форм естественной и социокультурной жизни» [9].

В этой парадигме единицей коммуникации выступает контент, или текст, представляющий собой «иерархию коммуникативно-познавательных программ, цементируемую общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) партнеров по общению, а текстовая деятельность оказывается одним из ключевых механизмов социокультурной регуляции, обеспечивающих (через включение в диалог «субъектности», т.е. сознания и интеллекта, интенции, воли и эмоций субъекта общения) саму возможность обмена деятельностью и ее продуктами между людьми» [10, с. 64]. Успешная коммуникация, по мнению ученого, предстает не только в виде механизма социального взаимодействия, но и в виде смыслового контакта. «Последний достигается лишь тогда, когда взаимная ситуационная идентификация партнеров по общению приводит к совмещению в их сознании «смысловых фокусов» (коммуникативных доминант) порождаемого и интерпретируемого текста» [10, с. 65].

«Партнеры по коммуникации» в информационной антропологии определяются как информационные субъекты, обладающие способностью превращать информационные сигналы в смыслы и знаки. Это автономная само-

развивающаяся информационная структура, которая осознала свою ценность и самодостаточность.

Состояние информационной субъектности индивида обеспечивается способностью информации сохранять скрытые смыслы и «распаковывать» их в зависимости от информационных потребностей, обусловленных индивидуальными свойствами субъекта. Эти свойства проявляются, прежде всего, в психосемантическом пространстве его когнитивной активности, связанной с пониманием и усвоением политических смыслов. Порождение смыслов для нервной системы человека «так же естественно, как и выделение пота потовыми железами» [30]. Таким образом, человеку как носителю сознания априори приписывается свойство субъектности в информационных отношениях.

Дифференцирующее сущностное свойство субъекта – рефлексия, представляющая собой способность выделить себя из окружающего мира, фиксировать и оценивать свои внутренние состояния и внешние условия с позиций удовлетворения потребностей и обеспечения безопасного существования. Рефлексия является информационным свойством субъекта, включающим информационное восприятие, анализ и оценку внешней среды; информационное восприятие и оценку внутренних состояний самого субъекта, а также оценку собственных потребностей и возможностей их удовлетворения; команду на реакцию и действие. Индивид как информационный субъект развивается на протяжении всей жизни, повторяя конфигурацию процесса социализации на основе накопленного индивидуального, группового и коллективного опыта [28].

Г.В. Пушкарева выделяет четыре вида когнитивных структур (когниций), содержащихся в памяти индивида: образы с конкретным смысловым значением; обобщенные образы-стереотипы; сценарии – отражение свойств типичных политических ситуаций. Политическое сознание зрелого субъекта стремится к созданию целостной картины политического, вследствие чего когниции komponуются в более сложные, устойчивые конструкции: мифы, идеологии, научные концепции [21, с. 63]. Очевидна вторичность политической ипостаси человека относительно социальной, имманентно ему присущей, поскольку политические свойства он обретает в процессе деятельности по обмену представлениями, идеями, чувствами, установками, связанными с организацией и осуществлением политической власти.

Формирование «человека политического», проявление индивидуальных дифференциаций проходит в процессе политической социализации. К.Ф. Завершинский определяет последнюю как «процесс символического структурирования горизонтов политических ожиданий членов политического

сообщества, которые категоризируются и репрезентируются в «символических фигурах» политической памяти сообществ» [11, с. 134].

Единицей определения динамики политической социализации, ее управляющим параметром выступает политическое время, конституированное в объективном смысле как вид и составная часть времени социального и как «сложный конструкт, синтезирующий в себе события и явления не только настоящего и прошедшего, но и вероятные их последствия в будущем» [16, с. 72]. Мы не акцентируем внимание на сути современной научной полемики относительно атрибуции понятия «политическое время», признавая непревзойденный авторитет открытий свойств времени Анри Бергсона. Являясь маркером, механизмом фиксации политического факта, время характеризует его последовательность и порядок смены состояний объектов и процессов, длительность его бытования в памяти субъекта как «продолжение прошлого в настоящем». То есть, сознание, оперирующее – по А. Бергсону – механизмами интеллекта, интуиции и инстинкта, информационно изменяется во времени, развивая или утрачивая способность адекватной временной ориентации в политической жизни. Философ признает приоритет за интуицией, в способности раскрытия реальности, превосходящей одновременно и интеллект, и инстинкт. «Интеллект, сосредоточенный только на том, что повторяется, занятый лишь тем, чтобы сплавить подобное с подобным, – отворачивается от видения времени. Он противится текучести: все, к чему он прикоснется, затвердевает. Мы не мыслим реального времени, но проживаем его, ибо жизнь преодолевает границы интеллекта. ...Так же безразличен ко времени инстинкт как врожденное безусловное знание: «В то время как интеллект рассматривает все с механистической точки зрения, инстинкт действует... органически» [5, с. 77, 165, 177].

Интуиция, «то есть инстинкт, ставший бескорыстным, осознающим самого себя, способным размышлять о своем предмете и расширять его бесконечно», могла бы ввести нас внутрь самой жизни» [5, с. 186].

«Человек политический» использует интуицию как врожденную способность познавать политическую реальность посредством ощущений, без обращения к теоретическим знаниям или эмпирическому опыту. Результативность этой деятельности обусловлена ресурсными возможностями его когнитивных структур, зависящих от физического состояния индивида, соответствующего определенному биологическому (отражающему биологическую эволюцию и состояние организма), психологическому (способность осознания внутреннего «я» в социальных и политических реалиях) и выделяемому нами на основе вышеизложенного информационному возрасту. К этому выводу подводит и определение функций и ха-

рактера информационного обеспечения концепции социального и политического времени [2, с. 186; 20, с. 70-73].

По мнению ряда ученых, именно возраст субъекта является доминирующим фактором изменения когнитивных структур, а, следовательно, - политического восприятия и поведения. Так, К.Ф. Завершинский приводит вывод западных исследователей проблем возрастной стратификации о том, что политическое общество можно изучать как «совокупность возрастных групп и таким образом отразить обусловленные возрастом различия в способностях, ролевых функциях, правах и привилегиях. Основанием для такой стратификации служит хронологический возраст» [11].

При этом чем большим запасом политических когнитивных структур обладает человек, тем сложнее ему представляется политическая реальность. «Скудная система обобщенных образов и сценариев порождает невосприимчивость человека к требованиям статусно-ролевых взаимодействий, он вынужден ... использовать более общие когнитивные структуры для интерпретации ожиданий в конкретной ситуации. Различия между людьми по уровню когнитивной сложности системы знаний о политике неизбежны» [21, с. 63].

Теория возрастной стратификации используется в исследовании характерных особенностей различных поколений, включая старшие и младшие, и при большом разнообразии критериев разделения социальных субъектов ее метрики можно рассматривать как интегральные для определения возрастных информационных свойств и характеристик «человека политического».

Политическая социализация информационного субъекта происходит до 25-35 лет, что соответствует социальной страте «молодежь», включая подростковость (отрочество) и юношество (первый этап зрелого биологического возраста). А.С. Панарин, характеризуя динамику информационного метаболизма, представляет такой портрет этого субъекта: «молодость представляет возраст, связанный с общим информационным накоплением и ориентацией на неспециализированное духовное производство. Период социализации – между концом детства и началом взрослости – есть период ускоренного усвоения элементов новейшей общественной среды путем повышения скорости приращения информации и расширения ее разнообразия (источников)» [17]. К.Ф. Завершинский представляет процесс политической социализации молодежи в виде динамичного социокультурных феномена, связанного с влиянием качественно новых коммуникативных феноменов, обусловленных ростом автономии политических коммуникаций [11].

Исследователь особенностей политической социализации молодежи С.В. Кузина выделяет в структуре этой возрастной страты не только четыре известных измерения (биологическое, психологическое, культурное, социальное) и три переходных (экономическое, педагогическое, интеллектуальное), но вводит два дополнительных - информационное и политическое [14]. Информационный возраст определяет степень информационной зрелости человека, раскрывает меру информационной субъектности данной возрастной группы.

Критерием определения политического возраста «человека информационного» выступает уровень информационной культуры, обусловленный качеством когнитивных структур индивида: способностью адекватно формулировать свою потребность в политической информации, ее поиске, селекции, переработке, оценке, создании качественно новой, усвоением политических ценностей, определением идеологических предпочтений и пр. [23]. При исследовании сенситивных способностей индивида осваивать информационные технологии, изучать языки программирования, создавать информационные продукты в детском и раннем зрелом возрастах, выявлены эффекты снижения активности когнитивных структур по мере увеличения биологического и педагогического возрастов.

Об этом можно судить хотя бы по времени, проводимом в сети «Интернет» представителями поколения молодых (зуммеры, или миллениалы, рожденные после 1980 года по 2000 год) и поколений зрелых (бумеры, родившиеся в 1946-1964 годы). Приведенные показатели выведены на основании сведений об аудитории российского сегмента всемирной сети, полученные «Яндексом», Adindex, Madiascope, Global Digital в 2021 году. Зуммеры, проводят в сети 215 минут в сутки; 25-ти - 34-летние – 197 минут; те, кому 35 лет – 44 года – 197 минут; 45-ти - 54-летние – 187 минут и менее всех – 165 минут – те, кому более 55 лет. Старшие поколения более приобщены к телевизионному пространству, в котором информационные процессы наилучшим образом приспособлены к гомеостатическим (восстановительным, гармонизирующим) реакциям организма на динамику смены медиаповестки в сетке вещания, размерности аудио-видеоряда и др.

При этом существенно разнятся информационные интересы разных возрастных страт: зуммеры потребляют в основном развлекательно-игровой и образовательный контент, социальные сети рассматривают как предпочтительную среду для коммуникаций; бумеры обоих периодов зрелости испытывают потребность в сведениях о путешествиях, экономике, статистике, политике, образованию; «младшие старшие» отдают предпочтения политике и управлению, экономике и финансам, социальному контенту, спорту и ту-

ризму; «старшие старшие» интересуются социально-услуговым контентом, интернет-торговлей, здравоохранением. В этой информационной среде формируются импульсы политических потребностей и интересов.

Особое значение для политической социализации имеет политический и социокультурный контекст исторического периода, в который достигаются определенные уровни политической зрелости. Среди возрастных групп, участвующих в политическом процессе в России, согласно политико-психологическим исследованиям Е.Б. Шестопаля [29], выделяются целые поколения, чей ранний политический возраст впитал социально-политическую специфику эпохи и во многом определил характер политической субъектности индивида в целом. Это ровесники революции и гражданской войны (1909-1929), дети войны, «шестидесятники» (1929-1939); послевоенное поколение (1939-1949); дети хрущевской оттепели (1949-1959); брежневская эпоха (1959-1969); поколение позднего застоя (1969-1977); дети перестройки (1977-1982); постсоветские дети (1982-...). Запечатленные в памяти политические события – в виде травмирующего (психотравмы) или вдохновляющего (жизненный порыв к творчеству) опыта, становятся управляющими параметрами политического поведения и активности на протяжении всего существования «человека живущего».

Политическая зрелость формируется в возрастном диапазоне от 36-ти до 60-ти лет и соответствует второму периоду зрелого биологического возраста (36–55 лет) и первому этапу пожилого возраста (так называемые «молодые старые» – от 65-ти до 74-х лет). Когнитивные процессы, обеспечивающие информационный метаболизм «человека политического», отнесенного к этим возрастным стратам, протекают наиболее интенсивно, что отражается в его способности выполнять функции политического субъекта в полном объеме как на низовом уровне бытования политики (массовые общественные движения, неформальные политические группы, политические партии и т.д.), так и на высшем – в структурах государственного и партийно-политического управления. Поэтому цель рекрутинговой политики массовых политических партий – привлечь в свои ряды как можно больше людей зрелого политического возраста, дабы создать надежный ресурс представительства в органах государственной власти. Средний возраст депутатов Государственной Думы VIII Созыва составил 53 года: депутатов-единороссов – 52,8 года; фракции КПРФ – 56,2 года; «Справедливой России – За правду» – 59,2 года; депутатов от ЛДПР чуть больше 48 лет. Самая молодая фракция

партии «Новые люди»: средний возраст ее депутатов 37,6 лет¹. На начало 2024 года средний возраст глав российских регионов составляет 52,6 года, глав городов-миллионников – 52,5 года². Это наиболее продуктивный возраст для решения сформированных ранее жизненных задач, обусловленных политическими целями – самореализацией индивида во власти.

Информационные субъекты, отнесенные к возрастной страте второго периода зрелого возраста, обладают способностью создавать когнитивные структуры, возникающие при синергии интеллекта и инстинкта. Они могут критически оценивать методологическую и методическую базу современных информационно-коммуникативных стратегий политических оппонентов и конкурентов, средств массовой информации и коммуникации, своевременно или проактивно реагировать на вызовы политической реальности.

Перечисленные компетенции можно свести к навыку создавать и управлять информационно-коммуникативными полями в пространстве политического. Понятие информационного поля по аналогии с полем физическим [15] описывается как сплошная коммуникативная среда, в которой осуществляется перенос психического, семантического и психологического взаимодействия политических субъектов. Движение информации происходит посредством связи между реципиентом и источником информации в информационном потоке, передающем инвариант отражения в виде семантического кода. Это жизненное пространство личности, «протенциальный ландшафт» сознания, настраиваемое и регулируемое когнитивными процессами коммуникаторов.

Информационное поле обладает рядом свойств: напряженности (способность создавать семантические потенциалы общения); плотности (способность аккумулировать смыслодержающие когнитивные конструкты); текучести (способность выравнивания информационных потребностей и интересов коммуникаторов в процессе общения); валентности (способность образовывать связи между когнитивными структурами) и другими.

Для субъектов, относящихся к первому периоду зрелого возраста (подростковость и юношество) и по возрастанию от пожилого (молодые старые) возраста к «старым старым» и старческому характерна неустойчивость когнитивных структур, что наблюдается, например, при исследовании эффектов информационной полезависимости/полenezависимости. Поведение

¹ Володин В. Средний возраст депутатов ГД восьмого созыва на год больше, чем седьмого / Государственная Дума ФС РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/52390/>.

² Партийный и возрастной разрез российских чиновников высшего звена на 1 января 2024 года / Русский Эксперт. URL: <https://clck.ru/3BkosK>.

полнезависимого субъекта характеризуется преимущественной ориентацией на его собственные, внутренние эталоны упорядочения внешних впечатлений, в то время как внешний источник навязывает ему неадекватные формы отражения мира. Полнезависимый реципиент импульсивно откликается на стимулы, предлагаемые коммуникатором, в том числе средствами массовой информации, которые являются для него побудительной силой независимо от заранее выбранной цели [27].

Эффект полнезависимости активно проявляется среди людей молодого и старшего возраста, нуждающихся в социальной и политической опеке некоего старшего в силу неустойчивости их личных когнитивных структур. В одном случае еще не возникает, а в другом – уже утрачивается возможность предвидеть - «проецировать в будущее то, что было воспринято в прошлом или представлять себе в дальнейшем новое соединение, в ином порядке уже воспринятых элементов» [5, с. 43]. Не зря политические психологи предупреждают об осторожности в привлечении тех и других к активным действиям: «Старость и молодость, как правило, являются предвестниками нетерпимого утопизма, с одной стороны, и нетерпимого нигилизма, с другой» (Д. Литовченко). Эту особенность учитывают при применении технологий политического инцидент-менеджмента при решении основных целей его предназначения – оперативного обнаружения и реагирования на возникающие проблемные ситуации в коммуникациях по поводу власти.

Страты «старые старые» (75 лет – 84 года) и «самые старые» (85 лет и свыше 90) объединяют социальных субъектов, в большинстве своем выключенных из процессов политической активности из-за неспособности создавать или воссоздавать политические смыслы и символы (в политической геронтологии это состояние называется «символической нищетой»). В когнитивных процессах преобладают рефлексивные – как отпечатки или информационно-психологические следы прежней интеллектуальной активности. Политические коммуникации обретают более статичные формы: ограничиваются возможности участие в массовых мероприятиях, сокращается число каналов получения информации. Усиливаются психосоматические симптомы социофобий, что объясняется снижением динамики информационного метаболизма.

Выступая на конференции «Старение населения как один из ключевых вызовов национальной системы здравоохранения» заместитель руководителя Росстата Сергей Окладников отметил настораживающую тенденцию: за последние 50 лет доля населения в возрасте 65 лет и старше увеличилась вдвое – с 8 до 16,5% и «...сейчас в России нет «молодых» регионов. На

начало 2023 года численность населения в категории "65+" в России насчитывает 24,1 млн жителей».

Будет ли эта демографическая тенденция влиять на политические процессы? Очевидно, да. Польский психиатр, автор концепции информационного метаболизма А. Кемпинский закрепил такую зависимость в медицинском диагнозе: от количества и качества потребленной информации зависит психическое здоровье человека [12]. Очевидно и другое: благодаря информационным технологиям, дополняющим и расширяющим психическую структуру индивида, «человек политический» может продлевать свой информационный век. Как показывают исследования, люди старшего возраста имеют весьма обоснованные мотивы к овладению компьютерными коммуникативными технологиями [4]. Так, более 70% тех, кто включен в программы «Активное долголетие», реализуемые в крупных городах, видят в этом поддержание умственной работоспособности; почти 77% хотят оставаться компетентными в современных социальных и политических изменениях; каждый второй опрошенный подтверждает улучшение физического самочувствия [7].

Поддержанию политической активности людей старшего возраста, составляющих солидную долю электората страны в целом, способствуют грамотно организованное информационно-коммуникативное пространство политических партий и движений [6]. Но, несмотря на показатели положительной динамики прироста пользователей интернет-ресурсов практически всех крупных партий, в том числе и за счет освоивших инфограмотность пожилых партийцев, в социальных сетях их аккаунты мало привлекательны для широких масс потенциальных сторонников [25].

Неумение управлять современными информационно-коммуникативными полями проявляется в неустойчивой обратной связи с политическими негодьями или стойкими оппонентами; перегруженности сайтов директивным контентом; идеологической одномерности информационной повестки дня; возникновением так называемых «коммуникативных ям» взаимного непонимания [24] и пр. О вызове «упущенной выгоде» политического рекрутинга свидетельствует и постоянно растущий интерес к перемещению выборных процедур в виртуальное политическое пространство. Так, по данным ЦИК РФ, на выборах президента страны в марте 2024 года более 8 млн избирателей предпочли дистанционное электронное голосование.

Эта тенденция явно проявляется в гибридизации технологий партийного строительства. В постиндустриальную эпоху, на фоне становления информационного общества, возникают новые организационные модели,

включающие элементы индивидуальной самоорганизации, такие как «картельная партия», «медиа-партия», «харизматическая» и «всеохватная». «Информационный человек» стремится именно к этим моделям, поскольку они предоставляют больше возможностей для реализации права на коммуникацию. Общественные движения представляют для него еще больший интерес. На базовом уровне коммуникации, наиболее массовом и социально насыщенном (в дискурсивной парадигме это можно назвать предконтекстным участием, то есть начальным осознанием сущности и потребности власти), реализуются пассивные формы политической субъектности – формируется интерес к власти при сохранении значительной доли самоопределения [27, с. 196-204].

На более высоких, контекстных уровнях коммуникации, эта доля самоопределения уменьшается из-за усиления влияния управляющих факторов (политической традиции, партийных норм, харизматического воздействия лидера и т.д.) и снятия коммуникативной оппозиционности в результате сближения политических интересов. Мера коммуникативности также уменьшается, уступая место специализированным дискурсам и активным деятельностным формам, реализуемым через целенаправленный интерес и конкретные политические действия. Здесь важную роль играет процесс информационного метаболизма индивида, поскольку система в целом переходит на более высокий интеллектуальный уровень, и требуются дополнительные усилия для поддержания информативного, смыслового климата в коммуникации, приемлемого для усвоения всеми или критически важной частью членов общественного движения. При продолжении мобилизационной коммуникативной деятельности со стороны управляющего субъекта коммуникативный субъект (индивид, группа) становится её элементом – членом политической партии.

Представление «человека политического» в информационном измерении объективно выводит политическую практику в область информационной антропологии и демографии. Знание особенностей состояний и поведения «человека информационного» в каждом периоде его биологического, социального и политического возраста позволяет поддерживать гомеостаз политической системы, регулируя ее человеко-размерные ресурсы.

Литература

1. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы Москва: Изд-во: «Наука», 1978. 399 с.
2. Артемов В.А., Новохацкая О.В. Социальное время: теоретические аспекты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2013. Т. 13, №4. С. 181-187.

3. Баранцев Р.Г. Синергетика в современном естествознании. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 144 с.
4. Белов С.В. Формирование информационно-медийной грамотности у людей третьего возраста: дисс. ... канд. пед. наук, 2018. 258 с.
5. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с франц. Москва: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 384 с.
6. Бродовская Е.В., Карзубов Д.Н., Лукушин В.А. Анализ эффективности цифровых коммуникаций КПРФ на старте избирательной кампании 2021 г. // Власть. 2021. Т. 29, №4. С. 61-66.
7. Бутуева З.А., Котоманова О.В., Бадонов А.М., Базарова Е.Б., Лагойда Н.Г. «Два клика – как это сложно» или Вхождение в мир информационных технологий старшего поколения // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №1-3(103). С. 93-98.
8. Винер Н. Человеческое использование человеческих существ. СПб.: «Питер», 2001. 288 с.
9. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Россия: трансформирующееся общество. Москва: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 222-243.
10. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. Москва: Издательство «Наука»; Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984. 232 с.
11. Завершинский К.Ф. "Поколения элит" vs "элита поколений": коммуникативные измерения социализации политических элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, №1. С. 123-147.
12. Кемпинский А. Экзистенциальная психиатрия / Пер. с пол. А.А. Боричев. Москва: «Совершенство»; СПб.: Унив. кн., 1998. 316 с.
13. Кефели И.Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с.
14. Кузина С.В. Влияние средств массовой информации на политическую социализацию учащейся молодежи: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2008. Москва: РАГС, 2008. 26 с.
15. Левин К. Теория поля в социальных науках. Москва: Академический проспект, 2023. 343 с.
16. Лукина Ю.А. Сущность политического времени // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. №24(96). С. 70-73.
17. Панарин А.С. Философия политики. Москва: Новая школа, 1996. 424 с.
18. Полонников Р.И. Феномен информации и информационного взаимодействия. (Введение в семантическую теорию информации). СПб.: «Анатолия», 2001. 189 с.
19. Попов В.Д. Информациология и информационная политика. Москва: Изд-во РАГС, 2002. 116 с.
20. Прологомены когнитивной безопасности: коллективная монография / Г.В. Алексеев, Н.В. Беломестнова, Н.А. Верзун. Санкт-Петербург: ИД Петрополис, 2023. 487 с.
21. Пушкарева Г.В. Когнитивные механизмы конструирования политической реальности // Полис. Политические исследования. 2015. №1. С. 55-70.
22. Судаков К.В. Доминирующая мотивация. Москва: Изд-во РАМН, 2004. 235 с.
23. Федотов Н.А. Информационная культура в системе информационной политики современного российского общества / Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2003. 27 с.
24. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. Москва: Издательский Дом ЯСК: языки славянской культуры, 2017. 448 с.
25. Чижов Д.В. Интернет-коммуникации политических партий: типологические черты и инструменты // Власть. №2-3. 2016. С. 159-175.
26. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. Москва: Изд-во «Граница», 2004. 256 с.

27. Шевченко А.В. Информационный метаболизм и информационный менталитет в теоретическом базисе информационной антропологии / Глобализация: на грани реального и виртуального / Отв. ред. Н.А. Баранов. СПб.: ООО «Геополитика и безопасность», ИД «Петрополис», 2020. С. 229-250.

28. Шевченко А.В. Управление безопасностью информационных процессов. Москва: Изд-во РАГС, 2011. 136 с.

29. Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, №2. С. 150-165.

30. Holt R.R. Drive or Wish? A Reconsideration of the Psychoanalytic Theory of Motivation. Psychology Versus Metapsychology: Psychoanalytic Essays in Memory of George S. Klein. N.Y., 1976. 376 p.

References

1. Anokhin P.K. Izbrannyye trudy. Filosofskie aspekty teorii funktsional'noi sistemy Moskva: Izd-vo: «Nauka», 1978. 399 s.

2. Artemov V.A., Novokhatskaya O.V. Sotsial'noe vremya: teoreticheskie aspekty. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2013. T. 13, №4. S. 181-187.

3. Barantsev R.G. Sinergetika v sovremennom estestvoznani. Moskva: Editorial URSS, 2003. 144 s.

4. Belov S.V. Formirovanie informatsionno-mediinoi gramotnosti u lyudei tret'ego vozrasta: diss. ... kand. ped. nauk, 2018. 258 s.

5. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya / Per. s frants. Moskva: «KANON-press», «Kuchkovo pole», 1998. 384 s.

6. Brodovskaya E.V., Karzubov D.N., Lukushin V.A. Analiz effektivnosti tsifrovyykh kommunikatsii KPRF na starte izbiratel'noi kampanii 2021 g. Vlast'. 2021. T. 29, №4. S. 61-66.

7. Butueva Z.A., Kotomanova O.V., Badonov A.M., Bazarova E.B., Lagoida N.G. «Dva klika – kak eto slozhno» ili Vkhozhdenie v mir informatsionnykh tekhnologii starshogo pokoleniya. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2021. №1-3(103). S. 93-98.

8. Viner N. Chelovecheskoe ispol'zovanie chelovecheskikh sushchestv. SPb.: «Piter», 2001. 288 s.

9. Dridze T.M. Dve novye paradigmy dlya sotsial'nogo poznaniya i sotsial'noi praktiki. Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo. Moskva: KANON-press-Ts, 2001. S. 222-243.

10. Dridze T.M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noi kommunikatsii. Problemy semiosotsiopsikhologii. Moskva: Izdatel'stvo «Nauka»; Akademiya nauk SSSR, Institut sotsiologicheskikh issledovaniy, 1984. 232 s.

11. Zavershinskii K.F. "Pokoleniya elit" vs "elita pokolenii": kommunikativnye izmeneniya sotsializatsii politicheskikh elit. Vlast' i elity. 2021. T. 8, №1. S. 123-147.

12. Kempinskii A. Ekzistentsial'naya psikhiaetriya / Per. s pol. A.A. Borichev. Moskva: «Sovershenstvo»; SPb.: Univ. kn., 1998. 316 s.

13. Kefeli I.F. Asfatronika: na puti k teorii global'noi bezopasnosti. SPb.: IPTs SZIU RANKhiGS, 2020. 228 s.

14. Kuzina S.V. Vliyanie sredstv massovoi informatsii na politicheskuyu sotsializatsiyu uchashcheysya molodezhi: avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. Moskva, 2008. Moskva: RAGS, 2008. 26 s.
15. Levin K. Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh. Moskva: Akademicheskii prospekt, 2023. 343 s.
16. Lukina Yu.A. Sushchnost' politicheskogo vremeni. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2007. №24(96). S. 70-73.
17. Panarin A.S. Filosofiya politiki. Moskva: Novaya shkola, 1996. 424 s.
18. Polonnikov R.I. Fenomen informatsii i informatsionnogo vzaimodeistviya. (Vvedenie v semanticheskuyu teoriyu informatsii). SPb.: «Anatoliya», 2001. 189 s.
19. Popov V.D. Informatsiologiya i informatsionnaya politika. Moskva: Izd-vo RAGS, 2002. 116 s.
20. Prolegomeny kognitivnoi bezopasnosti: kollektivnaya monografiya / G.V. Alekseev, N.V. Belomestnova, N.A. Verzun. Sankt-Peterburg: ID Petropolis, 2023. 487 s.
21. Pushkareva G.V. Kognitivnye mekhanizmy konstruirovaniya politicheskoi real'nosti. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. №1. S. 55-70.
22. Sudakov K.V. Dominiruyushchaya motivatsiya. Moskva: Izd-vo RAMN, 2004. 235 s.
23. Fedotov N.A. Informatsionnaya kul'tura v sisteme informatsionnoi politiki sovremennogo rossiiskogo obshchestva / Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. Moskva, 2003. 27 s.
24. Chernigovskaya T.V. Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie. Moskva: Izdatel'skii Dom YaSK: yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017. 448 s.
25. Chizhov D.V. Internet-kommunikatsii politicheskikh partii: tipologicheskie cherty i instrumenty. Vlast'. №2-3. 2016. S. 159-175.
26. Shevchenko A.V. Informatsionnaya ustoichivost' politicheskoi sistemy. Moskva: Izd-vo «Granitsa», 2004. 256 s.
27. Shevchenko A.V. Informatsionnyi metabolizm i informatsionnyi mentalitet v teoreticheskom bazise informatsionnoi antropologii / Globalizatsiya: na grani real'nogo i virtual'nogo / Otv. red. N.A. Baranov. SPb.: OOO «Geopolitika i bezopasnost'», ID «Petropolis», 2020. S. 229-250.
28. Shevchenko A.V. Upravlenie bezopasnost'yu informatsionnykh protsessov. Moskva: Izd-vo RAGS, 2011. 136 s.
29. Shestopal E.B., Rogach N.N. Etapy transformatsii psikhologicheskogo sostoyaniya rossiiskogo obshchestva: politiko-psikhologicheskii analiz. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2023. T. 19, №2. S. 150-165.
30. Holt R.R. Drive or Wish? A Reconsideration of the Psychoanalytic Theory of Motivation. – Psychology Versus Metapsychology: Psychoanalytic Essays in Memory of George S. Klein. N.Y., 1976. 376 r.

А.В. Скиперских

A. Skiperskikh

**ОТЦЫ И ДЕДЫ:
ПРАКТИКИ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
ВЛАСТИ
(РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ)**

**FATHERS AND
GRANDFATHERS:
PRACTICES OF
SUCCESSION OF POWER
(REGIONAL EXPERIENCE)**

Аннотация

Процесс элитного строительства в Липецкой области является зависимым от семейного фактора. Присутствие семейной политики в отборе кандидатов на те или иные политические позиции свидетельствует о сильном влиянии местных элит на политические процессы и их стремлении обеспечить максимальный контроль над политическим дискурсом.

Цель: выявить особенности семейной политики в Липецкой области и её влияние на преемственность власти, продемонстрировав её функциональность на различных примерах. Работа основана на институциональном подходе с привлечением ряда методов таких как биографический, экспертное интервью.

Выявлены наиболее популярные сценарии преемственности власти, связывающиеся с семейным фактором и влиятельными родственниками, выступающими в качестве последователей молодых публичных политиков.

Полученные результаты позволяют сформировать выводы о дальнейших тенденциях развития политического процесса в Липецкой области в контексте его обусловленности семейным фактором. Именно влиятельные семьи липецких политиков, вплоть до настоящего времени, являются активными поставщиками кадров для липецкой политики, что ставит под сомнение действенность демократических механизмов инкорпорации в региональную политическую элиту. Неформальные договоренности доминируют над формальными демократическими механизмами.

Ключевые слова:

власть, легитимация, Липецкая область, политические элиты, семья.

Abstract

The process of elites construction in the Lipetsk region is dependent on the family factor. The presence of family politics in the selection of candidates for public political positions indicates the strong influence of local elites on political processes and their desire to ensure maximum control over political discourse.

Goal: to identify the features of family policy in the Lipetsk region and its impact on the succession of power, demonstrating its functionality using various examples.

Methods: institutional, biographical, expert interviews.

Results: the most popular scenarios of succession of power were identified, associated with the family factor and influential relatives acting as followers of young public politicians.

Conclusions: the results obtained allow us to draw conclusions about further trends in the development of the political process in the Lipetsk region in the context of its conditionality by the family factor. It is the influential families of Lipetsk politicians, up to the present day, that are active suppliers of personnel for Lipetsk politics. Such cases casts doubt on the effectiveness of democratic mechanisms of incorporation into the regional political elite. Informal agreements dominate formal democratic mechanisms.

Key words:

power, legitimization, Lipetsk region, political elites, family.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-111-127>

Политическая власть не представляется настолько целостной и фундаментальной, чтобы не испытывать необходимость периодических изменений собственной структуры. Как правило, любые изменения носят вынужденный характер и связаны с необходимостью постоянной легитимации власти, с проблемой её воспроизводства. Подобные изменения не всегда приветствуются властью, и, как правило, встречаются ею с трудом, ввиду изначально высокой способности власти к максимально консервативному бытию.

Важной проблемой власти является проблема преемственности и воспроизводства, с наибольшей остротой актуализирующаяся в авторитарных дискурсах. Что-то подобное мы можем видеть сегодня и на примере современной России, когда в коридорах власти и близких к ней институциях стали часто появляться мысли о том, что преемниками нынешней политической элиты станут её непосредственные дети. Получив власть в начале 1990-х гг., многие представители политического класса новой России сегодня уже не могут активно присутствовать в ней. Многие из тех, кто получал власть в начале 1990-х гг. всё ещё сохраняли себя как часть советской номенклатуры, будучи комсомольцами и партийными работниками. Им было крайне сложно отказаться от искушений и ресурсов, которые предоставляла власть. В современной российской политической науке много для понимания подобных процессов дают исследования М. Восленского и А. Юрчака [1; 19]. Довольно подробный анализ качественного состава российского правящего класса делает О. Крыштановская в «Анатомии российской элиты» [10]. Развитие политического процесса демонстрирует тенденцию к сокращению в органах власти профессиональных политиков и чиновников. На этот момент, в частности, обращает внимание В. Рыжков, отмечая «сокращение активных публичных политиков в составе российского парламента» с каждым политическим циклом [14, с. 72].

В полной мере подобная проблема начинает актуализироваться в российских регионах. Как правило, во всех субъектах РФ, романтически настроенные представители демократической волны, назначенные главами субъектов РФ в начале 1990-х гг. Б. Ельциным, постепенно уступили позиции представителям консервативных сил. В тот момент времени для элит власть рассматривается как право контролировать то или иное вверенное им пространство. Появлялась научная и околонучная рефлексия по поводу

того, кто и в каких регионах представляет собственные интересы. Есть и работы, где элиты выступают, по сути дела, медиаторами, происходящего в низовых сферах политического [17].

В российской политической науке можно увидеть исследования, касающиеся особенностей элитного строительства в тех или иных регионах. В частности, к таким работам можно отнести исследование В. Дахина о Нижегородской области [6]. Состав элит и его конструирование исследуются и на примере особых территорий, и, в частности, моногородов Среднего Урала, что демонстрирует работа О. Рябовой и Т. Витковской [15]. Отмена выборов губернаторов и появление сильнейшей зависимости региональных элит от воли федерального центра вызвали к жизни пришествие в регионы губернаторов-варягов. Такие процессы были подробно исследованы О. Подвинцевым [13]. Уже позже последствия политической адаптации губернаторов, многие из которых продолжали ассоциироваться с «варягами», исследовали в своей работе Ю. Гайворонский и Ю. Баландин [2].

Что касается непосредственно интересующей нас ситуации в Липецкой области, то следует обратить внимание на исследования Е. Гончаровой, Е. Власовой и С. Климентова [3; 4; 9].

Полученные политические посты и должности необходимо кому-то передавать, и, поэтому, уже в начале 2020-х гг. мы могли видеть настоящий бум пришествия во власть в России представителей молодого поколения. Подобная ситуация в современной России присутствовала и в период президентских выборов 2024 года. При этом результаты президентской кампании привязываются к новому циклу реформ, которые должны произойти в российской власти в свете её обязательного обновления.

С того момента сменилось уже несколько циклов. В частности, следует вспомнить пришествие в региональную власть влиятельных силовиков в конце 1990-х гг., совпадавшее по времени с созданием федеральных округов и первым сроком президентства В.В. Путина. Были ещё и массовые смены губернаторов в ряде российских регионов, когда к власти пришло целое поколение губернаторов, родившихся в конце 1980-х гг. – А. Алиханов (Калининградская область), Д. Артюхов (Ямало-Ненецкий округ), В. Коновалов (Республика Хакассия) и т.д.

Исследования региональных элит, зачастую, отвечают на важные вопросы происхождения самих элит, и особенностей развития биографических треков их ярких представителей. Как правило, многие представители феде-

ральной элиты могли получить ещё «обкатку» в конкретном субъекте РФ, равно, как подавляющее большинство представителей регионального правящего класса могут быть ментально и экономически связаны со своим регионом, подчеркивая, тем самым, сущность династической или семейной политики.

Российский внутренний политический процесс – это не только следование определённому содержанию, идеологическая и стилистическая близость к российскому правящему классу. Очевидна преемственность и в вопросах его символического содержания, его феноменологии [16]. Наряду с этим, представляется важным и такой компонент, как возраст политика. Зачастую, в вопросах, связанных с конструированием элит, пожелания «верха» и федеральные тренды сталкиваются с достаточно активным сопротивлением «снизу». У региональных элит, по сути дела, являющихся едва ли не полноправными хозяевами жизни, может быть другое представление о том, как мог бы развиваться региональный политический процесс, наряду с собственными интересами.

В настоящем исследовании мы обратим внимание, как семейный фактор определяет конструирование политических элит в Липецкой области. На ряде кейсов мы постараемся показать, что подобные примеры не носят характер каких-то исключений, а является вполне себе симптоматичными, представляющими собой историю восхождения отдельных семей и групп к своему нынешнему политическому могуществу.

Жизненные циклы российской региональной элиты зависят от целого ряда обстоятельств. Наиболее очевидным способом максимального продления присутствия в правящем классе и доступа к власти является максимально конформная позиция по отношению к политическому курсу, которую могут занимать региональные игроки. В данном исследовании нами использовался институциональный метод, с помощью которого элита рассматривалась как необходимый институт политической системы, в структурах которого подготавливаются политические решения. Известная классификация Н. Хомского политических акторов на диссидентов и комиссаров, «защищающих государство и режим» [20, р. 164], являясь, в принципе, сюжетом государственной политики, может легко экстраполироваться и на региональные политические процессы. Отсюда, большая возможность закрепиться в политике и претендовать на долю в региональном пироге может быть у тех представителей политической элиты, кто мог бы повести себя максимально консервативно. В региональном политическом процессе (и Липецкая область не

является исключением) при инкорпорации в политическую элиту ставка делается на максимально предсказуемых политических акторов. Возможно, здесь можно обнаружить попытку бюрократизации и неудобной для новичков регламентации политического дискурса. Как верно отмечает Ю. Хабермас, именно в такой мере можно увидеть «попытку избежать кризиса» [21, р. 60]. Таким образом, «позитивные надежды, отношения и восприятие общества в отношении режима», как считает Д. Саймонс, остаются в силе [25, р. 132-133].

Нам интересно, как происходит взаимодействие внутри политических элит по вопросу передачи власти, и какие ограничения наступают в этом случае. Американский теоретик институционального подхода Д. Норт как-то отметил, что «институциональные рамки оказывают решающее влияние и на то, какие именно организации возникают, и на то, как они развиваются» [11, с. 20]. Именно семью, здесь не стоит сбрасывать со счетов. Именно в её рамках происходит необходимая политическая социализация претендентов на политическую легитимацию, наряду с воспитанием особых элитных черт. Американский политолог Ч. Мерриам отмечал особую роль семьи в воспроизводстве политической карьеры применительно к США, и, в частности, к кузнице республиканцев – штату Массачусетс [23].

В исследовании был использован и биографический метод, в рамках которого были рассмотрены биографические треки целого ряда представителей региональной политической элиты и локальных сообществ. С помощью данного метода, используя одновременно исследовательские тактики «путешественника» и шахтёра» по датскому исследователю С. Квале, была прослежена логика в успешном продвижении того или иного молодого политика [7]. Нам удалось выявить привязку политической биографии молодых публичных политиков к внушительной тени своих отцов и дедов (а где-то даже и матерей). Информаторами автора выступали некогда довольно освещённые представители липецкой публичной политики, порой раскрывавшие родственные связи там, где они не замечались со стороны.

Активная фаза формирования политической элиты происходила в начале 1990-х гг. Особый тон в то время задавали липецкие демократы, интеллектуальным центром которых стал Липецкий политехнический институт. С. Степанов – первый спикер горсовета Липецка признавался, что на первых собраниях демократов говорили о том, что «не должно быть людей исключительных, партийных льгот, партийного диктата. Партия не должна руково-

дить всем на свете. Нужно больше свободы мнений, свободы для людей, которые могут делать что-то своими руками».

Не собирались расставаться с властью и представители бывшей партийной номенклатуры, вовремя почувствовавшие смену политической конъюнктуры. В то время было важно эффектно распрощаться с ценностями КПСС и демонстративно заявить о своём выходе из партии. Многие для этого сделали и непосредственный запрет КПСС, которая возродилась в формате КПрФ только к первым выборам в Госдуму ФС РФ в декабре 1993 года. Политического участия стали сторониться – в первое время было не совсем понятно, как можно капитализировать свой политический статус в ранние 1990-е гг.

Отсюда, не должно вызывать удивления, что первые легислатуры в Липецкой области, формировавшиеся в демократический период, были достаточно мозаичны с точки зрения профессионального состава областных и городских депутатов. Политический класс оправдывал себя как неоднородное образование. Если говорить о возрастных характеристиках политической элиты Липецкой области, то осуществлённый нами анализ руководителей областных структур – Липецкого областного Совета депутатов, г. Липецка и Липецкого городского Совета депутатов показывает нам, что средний возраст политика-руководителя в Липецкой области составлял 43,4 года.

Таблица 1. Председатели Липецкого областного Совета депутатов

Председатель Липецкого областного Совета	Период присутствия в должности	Возраст на момент занятия должности
Топорков В.Ф.	1989-1990	49 лет
Донских В.В.	1990-1991	55 лет
Дячкин О.В.	1991-1992	36 лет
Королёв О.П.	1992-1998	40 лет
Савенков А.В.	1998-2005	45 лет
Путилин П.И.	2005-2021	47 лет
Аверов Д.Л.	2021-2023	47 лет
Сериков В.В.	2023-	28 лет

Политика скрепляла вокруг своих целей и задач достаточно разных людей. Интересно, что именно в это время заявляет о себе возрастной критерий, согласно которому инстанции власти и их представители могли обладать отличными характеристиками. Здесь, бюрократические структуры, которые по замечанию О. Крыштановской, составляли «оседлое население

государства», могли противопоставляться тем акторам, которые могли быть избраны на конкретный электоральный цикл [10, с. 69].

Возраст первых бюрократов мог не иметь большого значения, ведь на первое место выдвигались реальные компетенции или налаженные связи претендента, а что касается избранных представителей общества, их функциональность могла связываться с возрастом и следовавшими за ним физическими кондициями. Общественная деятельность всегда могла требовать достаточной отдачи, особенно в ранние 1990-е гг., когда кампании от «двери – к двери» и личность самого кандидата превалировали над его партийной и позиционной идентичностью.

Отсюда, в первых липецких легислатурах мы можем увидеть достаточное количество учителей и преподавателей вузов, врачей, рабочих и предпринимателей. На первых митингах в областном центре часто выступают представители липецких вузов, заявляют о себе общественники. Партийная идентичность на тот момент времени не обладала высоким капиталом, хотя наверняка, пытавшиеся инкорпорироваться во власть бывшие комсомольцы и члены КПСС могли понимать, как перспективы открывает доступ во власть, будучи знакомыми с номенклатурной прелестью, подробным образом описанной в исследовании М. Восленского [1]. В этой связи, по словам одного из информантов автора, занимавшего депутатское кресло в Липецком областном Совете в середине 1990-х гг., депутатский созыв был трудно управляем «сверху», и нужные власти решения не всегда удавалось проводить с первого раза. Ввиду высокой гендерной, возрастной и профессиональной фрагментарности областной парламент мог выглядеть более или менее демократично. В его структуре мы увидим ряд мини-групп и неформальных объединений в то время, как интересы больших и влиятельных групп, как ОАО НЛМК могли быть не такими уж и заметными.

Такая пёстрая картина политических интересов, безусловно, сказывается и на профессиональных и возрастных характеристиках первых липецких руководителей. Заметим, что со временем, ближе к 2000-м гг. возраст политиков, занимающих важные позиции в региональном политическом процессе, неизменно увеличивается. У власти фактически остаются одни и те же люди, которые медленно накапливают политический и капитал, но при этом неизменно стареют. Показателен пример первого Главы Липецка А. Савенкова, ставшего мэром в 36 лет. На момент ухода с должности Председателя Липецкого областного Совета депутатов ему было уже 52 года. Всё

это время он находился на руководящей работе, не говоря уже о партийной карьере в период СССР.

Таблица 2. Главы г. Липецка

Глава г. Липецка	Период присутствия в должности	Возраст на момент занятия должности
Савенков А.В.	1991-1998	36 лет
Коробейников А.С.	1998-2002	45 лет
Гулевский М.В.	2002-2015	54 года
Иванов С.В.	2015-2019	41 год
Уваркина Е.В.	2019-	45 лет

Как мы можем увидеть, средний возраст липецких мэров с момента начала истории прямых выборов градоначальника, и, вплоть до сегодняшнего момента, когда городской глава избирается горсоветом, составляет 44,2 года. Приблизительно в этом же возрастном диапазоне мы увидим истории легитимации и спикеров городского Совета депутатов г. Липецка. Средний возраст в этом случае составит 46,8 лет.

Таблица 3. Председатели городского Совета депутатов г. Липецка

Глава г. Липецка	Период присутствия в должности	Возраст на момент занятия должности
Савенков А.В.	1991-1998	36 лет
Коробейников А.С.	1998-2002	45 лет
Гулевский М.В.	2002-2015	54 года
Иванов С.В.	2015-2019	41 год
Уваркина Е.В.	2019-	45 лет

Следует обратить внимание на тот факт, что достаточно демократическая избирательная практика могла по-своему отражаться на персональном составе политиков. Мы не увидим примеров какого-то завидного постоянства, с которым тот или иной претендент занимал конкретную политическую позицию. Всем нужно было проходить через процедуру выборов «снизу», где могли быть свои неожиданности, да и административный ресурс пока ещё не был таким эффективным. Так, обычный учитель смогла обыграть

спикера городского Совета депутатов г. Липецка С. Степанова в одном из округов на городских выборах в 1993 году. Показательны результаты ещё одной избирательной кампании в апреле 1999 года по выборам в Липецкий областной Совет депутатов. В одном из округов рабочая Липецкого тракторного завода В. Пересыпкина обыграла спикера горсовета А. Коробейникова¹.

Анализируя время 1990-х гг., наряду с бросающейся в глаза спецификой социального и профессионального состава политиков, легитимировавшихся на те или иные позиции в липецких легислатурах, и состоящих, преимущественно из довольно идеологизированных претендентов, особо стоит отметить их возраст. На тот момент это было советское поколение, находящееся в возрасте от 40 - до 50 лет. Очень большое количество претендентов имели комсомольский и партийный опыт. Участие в политике представлялось ими вполне осмысленно, выступая сферой реализации собственных представлений об оптимальном пути развития муниципалитетов и субъекта РФ. Следует отметить и тот факт, что бывшие липецкие комсомольцы всё ещё находятся в команде липецкого губернатора И. Артамонова, занимая видные позиции и демонстрируя отменную жизнеспособность. Большое количество бывших комсомольских работников до сих пор присутствует и в липецких муниципалитетах, практически находясь в бессменном режиме управления. Некоторые из них находятся в возрасте 50-60 лет, занимая посты директоров школ и училищ, руководителей различных околовластных и общественных структур. На фоне нарастающего «кадрового голода» у них есть все шансы подтвердить свою востребованность в липецком политикуме.

В конце 1990-х гг. и в 2000-х гг. липецкая политика становится ещё более мозаичной. В политику приходят журналисты и общественники, школьные учителя и директора школ, ректоры вузов и врачи. Особый интерес к процессам политической легитимации, с которым могла связываться капитализация конкретной деятельности, начинают испытывать предприниматели. Среди избранных депутатов различных уровней власти мы можем увидеть достаточное количество собственников каких-либо предприятий, представителей ОАО НЛМК. В липецкой политике появляются относительно молодые люди, появившиеся в ней благодаря собственной инициативе, а не представлявшие семейные или номенклатурные проекты.

¹ Железняк В. Липецкая область в апреле 1999 года. Политический мониторинг / ИГПИ. 1997. URL: <http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1997/0997/48.html>.

Один из информаторов автора, бывший депутатом Липецкого областного Совета одного из первых созывов, вспоминал, как сложно было найти общий язык в довольно пёстрой палитре депутатов и их профессиональных интересов. Консенсус всякий раз создавался с большим трудом, и модерация депутатского собрания отнимала много сил.

Уже впоследствии депутатский созыв становится в большей степени предсказуемым по причине легитимации в областную думу довольно зависимых от власти персоналий. Публичная политика становится уделом состоятельных людей, ведь организация политической кампании требует высоких затрат, равно, как формальных, так и неформальных договорённостей. Один информант автора – влиятельный липецкий бизнесмен – рассказывал, что получал предложение от спикера одного из муниципальных советов Липецкой области войти в проходную часть списка известной политической партии. Безусловно, отбор претендентов происходит и в зависимости от склонности того или иного претендента выступить сговорчивым спонсором тех или иных проектов власти.

Представители поколения «дедов» участвуют в создании корпорации региональной власти, наполнении её кошелька, открывающегося тогда, когда необходимо финансировать какие-либо внебюджетные политические проекты. Об этом говорят некоторые авторы, когда отмечают, что корпорация, зачастую, «вбирает капиталы своих создателей и членов» [10, с. 47]. Действительно, всё чаще и чаще в региональном политическом дискурсе являют себя примеры, когда тот или иной региональный олигарх финансировал какую-либо избирательную кампанию, либо участвовал в вертикальной мобильности какого-то представителя корпорации. В 1990-е гг. были часты ситуации, когда, скажем, приглашение в Липецкую область известных артистов и деятелей шоу-бизнеса целиком и полностью ложилось на плечи каких-либо местных олигархов.

Сценарии преемственности

Рассмотрим сценарии преемственности власти, применительно к политикам, занимающим политические посты на данный момент времени. Нас интересует, насколько неслучайно они могли оказаться у власти, и как их легитимация могла быть подготовлена на поколенческом уровне.

Биографический анализ некоторых липецких политиков демонстрирует, что политика для конкретной семьи является профессиональной сферой.

К политическому доминированию готовятся с детства, в политике складывается экономический капитал, и именно политическая сфера является оптимальным пространством для реализации честолюбивых замыслов детей и внуков. Соответственно, именно в семье могут формироваться особые психологические установления, позволяющие видеть преимущества собственного положения, его отличительность и открывающиеся властью возможности. Это именно то, что Д. Мейзел отметит в качестве одного из известных «с» - особого сознания собственного превосходства, присущего элите.

Нужно отметить, что секреты политической позиции некоторых представителей регионального политического класса восходят ещё ко времени СССР. Представители нынешних кланов имеют свою точку отсчёта в образе влиятельного представителя династии – держателя, по словам теоретика советской бюрократии М. Восленского, «номенклатурного лена» - «своего отведённого участка властвования» [1, с. 114]. Подобные истории служения советскому государству начинаются едва ли не с периода революции 1917 г. и Гражданской войны. В частности, такой порядок отсчёта сообщают нам некоторые семейные биографии, где самым влиятельным и судьбоносным принято считать некоего героического «деда». Такая история, в частности, раскрывается на примере Егора Гайдара – внука активного советского деятеля эпохи Гражданской войны – Аркадия Голикова в контексте гайдаровского «природного наследственного таланта» [5, с. 7].

Если говорить о ситуации в Липецкой области и её отдельных муниципалитетах, то мы так же можем обнаружить в ней практики наследования тех или иных политических позиций, будь то управленческая должность или депутатское кресло. Подобные практики являются крайне многочисленными и их можно увидеть на всех уровнях.

В первую очередь можно вспомнить историю липецкого губернатора М. Наролина (1993-1998). В случае с его сыном – А. Наролиным – мы можем увидеть длинный послужной список высоких должностей и статусов, начиная от директора ООО «Межрегионгаз» в Липецкой области и топ-менеджера в ОАО «ОЭЗ «Липецк», и заканчивая позиции заместителя главы администрации Липецкой области. Сын В. Топоркова - бывшего председателя Липецкого облисполкома (1989-1990) и проведшего два созыва в Госдумы ФС РФ от фракции КПРФ – А. Топорков несколько раз избирался в Липецкий областной Совет депутатов.

Показательна история нынешнего главы Елецкого района О. Семенихина, отец которого Н. Семенихин, начиная с 1990-х гг. возглавлял сельскую администрацию в Казаках - одном из важных сёл муниципального района. Семейный управленческий опыт в биографии главы района обнаруживается и у других родственников ещё в советский период.

Наконец, совсем частыми могут являться практики, когда происходит политическая легитимация детей известных политиков и руководителей на нижних уровнях власти. Практически на примере каждой территории можно увидеть, как влиятельные родители «вкладываются» в политическое будущее своих детей. Даже если предположить, что на данный момент времени уже и дети могут быть достаточно самостоятельными и вольными принимать политические решения, то всё равно, так или иначе, для помнящих поколение политиков и руководителей 1990-х и 2000-х гг. конкретные политики всё равно ещё довольно тесно связываются со своими родителями.

Некоторые депутаты – руководители предприятий довольно прочно ассоциируются с конкретными территориями. В частности, в с. Троекурово Лебедянского района к таковым можно отнести депутата областного Совета Д. Еремеева, владеющего крупнейшим яблочным хозяйством в Липецкой области. Отец Д. Еремеева. Отец Д. Еремеева – Н. Еремеева был прекрасный хозяйственник, к заслугам которого можно отнести развитие яблочных хозяйств липецкого края по современным технологиям. Другим примером может привести пос. Известкового завода в г. Ельце, где расположено ОАО «Елецизвесть». В течение нескольких последних созывов практически бессменным депутатом горсовета по избирательному округу посёлка был В. Козьяков. Сегодня депутатом является уже его дочь – И. Дядищева, выступающая при этом уже и новым директором предприятия. Есть и другие случаи, когда влиятельные «красные директора» уступают кресла руководителей своим детям, наряду с согласованным депутатским округом. Ещё одним ярким примером из Ельца может быть история И. Тинькова – бывшего спикера Липецкого городского совета депутатов. Секреты политического потенциала И. Тинькова, на наш взгляд, могут быть объяснены различными поворотами семейной биографии.

Характерной чертой липецкой политической элиты может быть её связь со строительным бизнесом. Многие влиятельные липецкие строители входили в ближайшее окружение бывшего губернатора О. Королёва, и даже вступали в родственные связи с липецкими чиновниками топ-уровня.

Отдельные примеры могут обнаружиться и на уровне липецких муниципалитетов. В частности, одно время депутатом Елецкого городского Совета был Владислав Лаухин, являвшийся сыном известного елецкого дорожника и строителя Вячеслава Лаухина (ранее депутата городского Совета).

Истории легитимации разнообразны. Тем не менее, все они подчёркивают, что в Липецкой области достаточно сложно инкорпорироваться в правящий класс без поддержки влиятельных лоббистов. Есть примеры, когда родственникам достаются посты, которые некогда занимались влиятельными персоналиями из липецкой политики. Так, в настоящий момент должность спикера городского Совета Липецка является Е. Фрай – дочь известного липецкого политика В. Синюца, занимавшего пост спикера городского Совета в 2002-2010 гг.

Случаи, когда родственники занимают важные политические позиции в Липецкой области довольно многочисленны. Терпимость к подобного рода практикам сегодня довольно высокая как со стороны общества, так и со стороны власти. Наверное, самым очевидным примером семейственности в политике в настоящий момент является пример семьи Кремнёвых. Основатель семейного политического клана - Александр Кремнёв – директор по стратегическому развитию ОАО «Лебедяньмолоко» и неоднократно избираемый депутатом Липецкого областного Совета. Сын А. Кремнёва – Игорь – является заместителем губернатора Липецкой области И. Артамонова. Дочь А. Кремнёва – Ирина – занимает пост начальника управления культуры и искусства Липецкой области.

Очень часто можно увидеть примеры, когда родственники занимают ответственные должности внутри муниципальных образований. Совсем недавно можно было увидеть пример, когда сразу два муниципальных района Липецкой области возглавлялись родственниками – тестем и зятем. В Елецком районе несколько лет назад мать и сын занимали должности глав сельских поселений.

Семейная политика не ограничивается исключительно исполнительными органами власти. Следует отметить складывающуюся тенденцию взятия под контроль отдельными семейными группами региональных отделений политических партий. Сегодня это можно увидеть на примере партии КПРФ, где сильны позиции семьи бывшего депутата Госдумы ФС РФ Н. Разворотнева и его зятя – 1-го секретаря областного комитета КПРФ С. Токарева. По сути дела, семейным проектом становится «Партия пенсионеров» в Липец-

кой области, контролирующаяся депутатом областного Совета С. Волобуевым. Что-то подобное можно сказать и о молодой партии «Новые люди».

Часть политического класса – олигархи. Региональная экономическая элита, ресурсы которой значительно превосходят ресурсы самой власти. Кошельки власти. Обеспечивают проведение мероприятий, финансируют проекты, берут на себя значительные расходы в обеспечении повседневной жизни правящего класса. Примером такой активной деятельности может быть история В. Архипенко – неоднократно избиравшегося в областной Совет депутатов Липецкой области и одного из самых влиятельных политиков Черноземья. Сегодня внук В. Архипенко – В. Сериков – занимает пост спикера областного Совета депутатов, который ему удалось возглавить в 28 лет. Нужно понимать, что возраст сегодня выступает критерием отбора на руководящую должность особенно в свете политического стиля, который актуализирует липецкий губернатор И. Артамонов. Его отличительной чертой является происхождение из «частной сферы, где есть четкие KPI, планы и графики. Жесткая конкуренция как внутри самого Сбербанка, так и с другими банками способствовала поиску новых и нестандартных решений», отмечают некоторые авторы. Один из информаторов автора рассказывал, что липецкого губернатора может раздражать старомодность в местных политиках, их нежелание быстро меняться и осваивать новые технологии. Неудивительно, что в качестве отбора на те или иные позиции сегодня стали создаваться различные фильтры, наподобие ассессмент-центра [3]. В интересах собственной политической легитимации, и И. Артамонов и В. Сериков довольно часто появлялись на молодёжных мероприятиях, понимая важность молодёжной повестки в государственном и политическом строительстве, в целом [18]. К слову, определённое количество накапливающихся проблем в Липецкой области традиционно обсуждается в период избирательных мероприятий, что и происходит на самом деле [24, р. 2].

Не все дети влиятельных отцов, бывших конструкторами политического и экономического пространства Липецкой области в 1990-2000 гг., смогли продолжить семейное дело. Вот только два примера.

В политическом истеблишменте Липецкой области выделялся Виктор Шахов – владелец сети АЗС депутат нескольких созывов Липецкого областного Совета. Как отмечает издание «Версия», в структуре В. Шахова было «24 крупнотоннажных бензовоза, сеть нефтебаз, и более 100 АЗС в Липецкой, Белгородской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской и Курской обла-

стях»¹. Сын В. Шахова – Артур, бывший депутат горсовета Липецка сегодня находится в международном розыске.

Другой пример – Олег Донских. Сын В. Донских – известного липецкого политика – бывшего 1-го секретаря Липецкого обкома КПСС и депутата Верховного Совета РСФСР имеет совершенно иную репутацию в региональном и федеральном информационном пространстве. Совершив быструю карьеру на различных руководящих позициях, О. Донских стал директором Департамента административной работы и внешних связей Министерства сельского хозяйства РФ. С 2012 года объявлен в международных розыск по делу о мошенничестве.

Таким образом, практики элитного строительства по-своему вписываются в особое культурное поле региона, которое, во многом воспроизводит опыты самого государства, его представления о необходимом и достаточном [12]. Негативные примеры отбора в элиту по семейному принципу, безусловно, служат сигналом для легитимности подобной практики, правда, следует признать, что они не носят массового характера. Тем более, что в современной российской политике уже не считается хорошим тоном выделяться на фоне не совсем радужной региональной картинки.

В итоге, следует отметить, что практики преемственности власти в Липецкой области достаточно сильно зависимы от семейного фактора. Отбор в политическую элиту учитывает его едва ли не в первую очередь. И уже потом в качестве оснований легитимации включается профессионализм, партийные лифты, общественные заслуги и т.д. Примеры, когда как будто бы успешные молодые политики инкорпорируются в политические легислатуры с помощью политического капитала своих ближайших родственников паразитительно часты и присутствуют на всех уровнях липецкой политики.

Литература

1. Восленский М. Номенклатура. Москва: Захаров, 2005. 640 с.
2. Гайворонский Ю.О., Баландин Ю.А. Рекрутирование губернаторского корпуса в современной России: эволюция патрональных сетей (2017–2021) // Полития. 2022. №4(107). С. 146-167.
3. Гончарова Е.А. Инструменты оценки. Практика Администрации Липецкой области // Личность: ресурсы и потенциал. 2022. №2(14). С. 67-76.
4. Гончарова Е.А. Власова С.А. Применение бизнес-технологий в управлении кадрами органов власти Липецкой области // Государственная служба. 2022. Т. 24. №5(139). С. 36-42.

¹ Апасов С. Бензиновый побег / Версия. 2023. URL: <https://clck.ru/3BkpD9>.

5. Давыдов О. Генотип Гайдара. Рождение реформы из духа самоубийства // Российская элита. Психологические портреты. Москва: Ладомир, 2000. С. 7-50.
6. Дахин А.В. Трансформации региональных элит (на примере Нижегородской области) // Полис. Политические исследования. 2003. №4. С. 108-120.
7. Квале С. Исследовательское интервью. Москва: Смысл, 2003. 301 с.
8. Кому принадлежит Россия. 10 лет капитализма в России. Москва: Вагриус. Коммерсантъ, 2003. 415 с.
9. Климентов С.В. Технократы в политике: штрихи к политическому портрету липецкого губернатора // Politbook. 2024. № 1. С. 101-113.
10. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. Москва: Захаров, 2005. 384 с.
11. Норт Д. Институты, институциональные измерения и функционирование экономики. Москва: Начала, 1997. 190 с.
12. Панищев А.К. Идеология и государственная власть в империи // Вопросы культурологии. 2017. № 11. С. 33-39.
13. Подвинцев О.Б. Губернаторы – «варяги»: тенденции сосуществования и взаимодействия с региональными элитами // Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации. Пермь: ПНЦ УрО РАН, 2014. С. 141-163.
14. Рыжков В. Ленивые и трусливые // Pro et Contra. 2007. №4-5(38). С. 58-75.
15. Рябова О., Витковская Т. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2011. 261 с.
16. Скиперских А.В. Липецкая политическая элита: специфические черты, персоналии, тенденции инкорпорации и экскорпорации // PolitBook. 2016. №4. С. 31-46.
17. Сквиков А.К., Леонтьева О.В. Взаимодействие политической элиты и гражданского общества: основные цели, механизмы и принципы // PolitBook. 2020. №1. С. 38-64.
18. Шумилов А.В. Государственная молодёжная политика: теоретическое осмысление и измерение // PolitBook. 2016. №3. С. 6-17.
19. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 664 с.
20. Chomsky N. On Nature and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 206 p.
21. Habermas J. Legitimation Crisis. Boston: Beacon Press, 1975. 166 p.
22. Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the «Elite». University of Michigan Press, 1962. 432 p.
23. Merriam Ch. The making of citizens. Columbia University. Teachers College Press, 1966. 460 p.
24. Reagan R. The Creative Society. New York: The Devin-Adair Company, 1968. 143 p.
25. Simmons J. Justification and Legitimacy. Essays on Rights and Obligations. Cambridge: University Press, 2001. 276 p.

References

1. Voslenskii M. Nomenklatura. Moskva: Zakharov, 2005. 640 s.
2. Gaivoronskii Yu.O., Balandin Yu.A. Rekrutirovanie gubernatorskogo korpusa v sovremennoi Rossii: evolyutsiya patronal'nykh setei (2017–2021). Politika. 2022. №4(107). С. 146-167.
3. Goncharova E.A. Instrumenty otsenki. Praktika Administratsii Lipetskoii oblasti. Lichnost': resursy i potentsial. 2022. №2(14). S. 67-76.
4. Goncharova E.A. Vlasova S.A. Primenenie biznes-tekhnologii v upravlenii kadrami organov vlasti Lipetskoii oblasti. Gosudarstvennaya sluzhba. 2022. T. 24. №5(139). S. 36-42.
5. Davydov O. Genotip Gaidara. Rozhdenie reformy iz dukha samoubiistva. Rossiiskaya elita. Psikhologicheskie portrety. Moskva: Lodomir, 2000. S. 7-50.
6. Dakhin A.V. Transformatsii regional'nykh elit (na primere Nizhegorodskoi oblasti). Polis. Politicheskie issledovaniya. 2003. №4. S. 108-120.
7. Kvale S. Issledovatel'skoe interv'yu. Moskva: Smysl, 2003. 301 s.
8. Komu prinadlezhit Rossiya. 10 let kapitalizma v Rossii. Moskva: Vagrius. Kommersant", 2003. 415 s.
9. Klimentov S.V. Tekhnokraty v politike: shtrikhi k politicheskomu portretu lipetskogo gubernatora. Politbook. 2024. № 1. S. 101-113.
10. Kryshantovskaya O. Anatomiya rossiiskoi elity. Moskva: Zakharov, 2005. 384 s.
11. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmereniya i funktsionirovanie ekonomiki. Moskva: Nachala, 1997. 190 s.
12. Panishchev A.K. Ideologiya i gosudarstvennaya vlast' v imperii. Voprosy kul'turologii. 2017. №11. S. 33-39.
13. Podvintsev O.B. Gubernatory – «varyagi»: tendentsii sosushchestvovaniya i vzaimodeistviya s regional'nymi elitami. Gubernatorskii korpus v usloviyakh transformatsii politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii. Perm': PNTs UrO RAN, 2014. S. 141-163.
14. Ryzhkov V. Lenivye i truslivye. Pro et Contra. 2007. №4-5(38). S. 58-75.
15. Ryabova O., Vitkovskaya T. Monogoroda Srednego Urala: lokal'nye elity i politicheskie protsessy. Ekaterinbrug: RIO UrO RAN, 2011. 261 s.
16. Skiperskikh A.V. Lipetskaya politicheskaya elita: spetsificheskie cherty, personalii, tendentsii inkorporatsii i ekskorporatsii. PolitBook. 2016. №4. S. 31-46.
17. Skovikov A.K., Leont'eva O.V. Vzaimodeistvie politicheskoi elity i grazhdanskogo obshchestva: osnovnye tseli, mekhanizmy i printsipy. PolitBook. 2020. №1. S. 38-64.
18. Shumilov A.V. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: teoreticheskoe osmyslenie i izmerenie. PolitBook. 2016. №3. S. 6-17.
19. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 664 s.
20. Chomsky N. On Nature and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 206 p.
21. Habermas J. Legitimation Crisis. Boston: Beacon Press, 1975. 166 p.
22. Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the «Elite». University of Michigan Press, 1962. 432 p.
23. Merriam Ch. The making of citizens. Columbia University. Teachers College Press, 1966. 460 p.
24. Reagan R. The Creative Society. New York: The Devin-Adair Company, 1968. 143 p.
25. Simmons J. Justification and Legitimacy. Essays on Rights and Obligations. Cambridge: University Press, 2001. 276 p.

Л.Я. Прокопенко

L. Prokopenko

**СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ В
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТАХ
СТРАН АФРИКИ ЮЖНЕЕ
САХАРЫ**

**CHANGE OF
GENERATIONS IN THE
POLITICAL ELITES OF
SUB-SAHARAN AFRICA**

Аннотация

В последние годы тема пожилого возраста многих лидеров Африки стала популярной у исследователей, СМИ, различных НПО, политических активистов и интернет-блогеров. Проблема омоложения состава политических элит актуальна по экономическим и по политическим причинам. В большинстве стран Африки южнее Сахары молодежь – самая многочисленная демографическая группа – остается мало востребованной как в экономической, так и в политической жизни страны. Цель: выявить особенности управления государством лидерами старшего и молодого поколений в странах Африки южнее Сахары, определить причины, по которым в ряде стран у власти остаются политические долгожители и показать, как это отражается на экономическом и политическом развитии стран. Методы: общенаучные методы исследования, сравнительный и психо-биографический методы, анализ документов. Результаты: выявлен ряд общих особенностей, свойственных правлению африканских лидеров старшего и молодого поколений. Одна из негативных тенденций последних десятилетий – коррупция президентов и/или их окружения, которая является одной из причин низкого уровня жизни населения во многих африканских странах. Это значительно снижает их авторитет в глазах электората и имидж страны в глазах международного сообщества. Кроме этого, в Африке многолетнему правлению президентов сопутствуют нарушение законности, узурпация власти и подавление оппозиции. Тем не менее, в некоторых странах региона действуют определенные социальные лифты, способствующие инкорпорации молодежи в политическую элиту. Выводы: в афри-

Abstract

In recent years, the problem of many African leaders' old age has become a popular topic among researchers, media, various NGOs, political activists and Internet bloggers. The issue of the rejuvenation of political elites is highly relevant for economic and political reasons. In most sub-Saharan African countries, the youth – their largest demographic group – remains of little use in both the economic and political life of the country. Objectives: to identify the management features of economic leaders of the older and younger generations in African sub-Saharan countries, to determine the reason why political long-livers remain in power in a number of countries, and to show how this affects the economic and political development of countries. Methods: general scientific research methods, comparative and psycho-biographical methods, document analysis. Results: The author shows some general features proper to the rule of African leaders of older and younger generations. One of the negative tendencies in recent decades is the corruption in which presidents and/or their entourage are involved, being one of the reasons for the low standard of living of the population in many African countries. This significantly reduces their authority in the eyes of the electorate and the country's image in the eyes of the international community. Moreover, a long-term rule of presidents in Africa is accompanied by violations of the law, usurpation of power and suppression of the opposition. Nevertheless, in some countries of the region there are certain social elevators that contribute to the incorporation of young people into the political elite. Conclusions: in African countries, the mere fact of presidents'

канских странах политическое долголетие президентов само по себе не представляет серьезной проблемы и угрозы развитию. Об этом свидетельствует, например, длительное правление Й. Мусевени (Уганда), сумевшего обеспечить заметные успехи в экономическом развитии страны и достигнуть относительной политической стабильности. Политическая «изолированность» молодежи рождает у нее чувство маргинализации, что вызывает недовольство, приводящее к насилию различного уровня – от вандализма и столкновений со сторонниками других политических партий в ходе предвыборных кампаний до терроризма и вспышек гражданских конфликтов, которые угрожают стабильному развитию африканских стран.

political longevity does not pose a serious problem or a threat to their development. This is evidenced, for example, by the long reign of M.J. Museveni (Uganda), who has managed to ensure noticeable success in the economic development of the country and to achieve relative political stability. The political “exclusion” of young people creates a feeling of marginalization among them, which causes their discontent and leads to various levels of violence – from vandalism and clashes with supporters of other political parties during election campaigns to terrorism and outbreaks of civil conflicts that threaten a stable development of African countries.

Ключевые слова:

Африка, возраст, выборы, инкорпорация, коррупция, молодежь, насилие, политика, президенты, социальные лифты.

Key words:

Africa, age, corruption, elections, incorporation, politics, presidents, social elevators, violence, youth.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-128-148>

В современном мире африканские страны вынуждены отвечать на все большее количество вызовов. Одним из необходимых условий эффективного ответа на них является обновление политической элиты, которое происходит, в том числе, за счет смены поколений. В современном развитии африканских стран актуальна проблема возраста политических лидеров. Эта тема затронута в ряде работ российских и зарубежных исследователей, например, Т.С. Денисовой [2], В.Г. Шубина [5], С. Хадлестон [8], М.И. Эгилара [20], Т. Лоджа [9], а также в многочисленной литературе биографического характера.

Обновление элиты является признаком модернизации политической системы. Исследование формирования и ротации политической элиты как актора политического процесса предполагает глубокий анализ поколений общества. В условиях глобализации и политической модернизации для стран Африки также актуальна распространенная с 1990-х гг. теория поколений американских историков В. Штрауса и Н. Хоува, усматривавших прямую связь между историческими событиями и поколениями. Возраст политика одна из важных переменных социально-экономического происхождения политической элиты. От него в прямой зависимости находится уровень жизненного и профессионального

опыта политика, так как восприятие им социально-политических процессов развития общества и сама его политическая деятельность коррелируют со временем, в котором он воспитывался и социализировался. По этой причине представляется важным рассмотреть механизм обновления политической элиты африканских стран южнее Сахары на уровне глав государств именно с точки зрения их возраста.

Для выявления особенностей управления государством лидерами старшего и молодого поколений в странах Африки южнее Сахары, для определения причин, по которым в ряде стран у власти остаются политические долгожители, а также для выявления экономических и политических последствий их длительного правления эффективным является использование сравнительного метода, который, по мнению российских политологов, стал одним из наиболее востребованных в политической науке. Изучение смены поколений как механизма обновления африканской политической элиты на уровне глав государств предполагает также использование психобиографического метода (изучение биографий и автобиографий президентов), а также документов, прежде всего конституций.

На заре африканской независимости президенты в основном принадлежали к людям молодого поколения. Например, на момент прихода к власти Кеннету Каунде (Замбия) было 40 лет, Джулиусу Ньерере (Танзания) и Саморе Машелу (Мозамбик) – 42 года. Наряду с ними были и «возрастные» президенты: Джомо Кениата (Кения, 73 года), Леопольд Седар Сенгор (Сенегал, 54 года). Всех их народ называл «отцами нации». Подавляющее большинство этих лидеров были инкорпорированы в политику через механизмы карьеры в национальных движениях за независимость и в политических партиях. Как правило, они и были создателями политических партий, приведших свои страны к независимости. Этим лидерам в Африке принято называть лидерами «первой волны», и к ним, кроме вышеназванных Кеннета Каунды (1964–1991), Джулиуса Ньерере (Танзания, 1964–1985) и Джомо Кениаты (Кения, 1964–1978), принадлежат также президенты Кваме Нкрума (Гана, 1960–1966), Феликс Уфуэ-Буаньи (Кот-д’Ивуар, 1960–1993). В числе этих президентов были как идеалисты, начавшие строительство общества социальной справедливости, так и прагматики, сохранившие тесные связи с бывшей метрополией. Многие из них за короткий срок из пылких борцов за независимость своих стран превратились в политических зубров. В правлении некоторых отчетливо проявлялись элементы правления традиционных африканских правителей прошлого. Некоторые

лидеры разработали собственные идеологии и концепции, которые стали основой для развития их стран (уджамаа Джулиуса Ньерере, «замбийский гуманизм» Кеннета Каунды). «Отцы нации» стали также символом и инструментом национального единения, что крайне важно в условиях полиэтничности африканских стран.

В 1980-е гг. в Африке южнее Сахары появилась целая когорта молодых и целеустремленных военных лидеров (Джерри Ролингс (Гана), Тома Санкара (Буркина Фасо), Йовери Мусевени (Уганда)), которые сумели перейти к гражданскому правлению, создав формальные политические партии и проведя всеобщие выборы. В их числе были харизматические личности, например, красноречивый оратор Дж. Ролингс, сочетавший в своем правлении популизм и авторитаризм, Т. Санкара, отличавшийся очень скромными требованиями к жизненным условиям. Последний установил в Буркина Фасо правило обнародования счетов и расходов чиновников.

В последние десятилетия в ряде африканских стран южнее Сахары отмечается негативная тенденция «постарения» правящей политической элиты. Клише «Молодой континент – старые лидеры» прочно заняло место в СМИ, а к термину «геронтократия» уже само собой добавляется определение «африканская». Не все африканские лидеры уступали дорогу в политике молодым, цепляясь за власть и связанные с нею привилегии, а также опасаясь за свою безопасность и даже жизнь после ухода в отставку. Но были и положительные примеры. Нельсон Мандела был избран президентом демократической ЮАР в 1994 году, когда ему было 76 лет. Сознывая связь эффективности работы главы государства с его возрастом и заботясь о судьбе своей страны, за свободу от апартеида которой отсидел 27 лет в тюрьме, политик не стал баллотироваться на следующих выборах в 1999 году, и преемником Манделы стал энергичный 57-летний Табо Мбеки.

В начале 2020-х гг. две пятых африканских лидеров были старше 70-и лет. Устойчивая тенденция к увеличению возраста главы государства наблюдается в Намибии после провозглашения независимости страны в марте 1990 года. Первым президентом в 1990 году был избран 61-летний Сэм Нуйома, в 2005 году его сменил 70-летний Хификепунье Похамба, следующим президентом в 2015 году стал 74-летний Хаге Гейнгоб, а после его кончины 4 февраля 2024 года главный пост страны в соответствии с конституцией занял 83-летний вице-президент Нанголо Мбумба.

Необходимо отметить, что африканки-президенты также были на момент своего избрания/назначения политиками не самого молодого возраста. В возрасте 68 лет возглавили свои страны первая африканская женщина-президент Эллен Джонсон-Серлиф (Либерия) и нынешний президент Эфиопии Сахле-Ворк Зевде, Джойс Банде (Малави) на момент прихода к власти было 62, Катрин Самба-Панза (Центральноафриканская Республика (ЦАР)) – 60, а Амине Гуриб-Факим (Маврикий) – 56 лет.

Многие пожилые африканские президенты неохотно расставались и расстаются с властью, подавая этим не самый лучший пример жизни в политике. В числе африканских «долгожителей» 81-летний президент Экваториальной Гвинеи Теодоро Мбасого, который находится у власти 45 года (с 1979 года). В Уганде 80-летний президент Йовери Мусевени правит страной 38 лет (с 1986 года). Интересно, что во время своей первой инаугурации он обвинял в проблемах Африки лидеров, которые слишком долго оставались у власти. Одним из политических «долгожителей» (30 лет у власти) и диктатором, жестоко расправлявшимся со своими политическими противниками, был президент Чада в 1990–2021 годах Идрис Деби. До недавнего времени в странах Юга Африки большинство лидеров также принадлежали к старшему поколению: Р. Мугабе (Зимбабве) занимал президентский пост до 93-летнего возраста, М. Сате (Замбия) и Хификепунье Похамбе (Намибия) было 75 лет, Джейкобу Зуме (ЮАР) и Арманду Гебузе (Мозамбик) – 70 лет. Вторые лица в большинстве этих государств также были далеко не молоды. Кстати, на смену этим президентам пришли лидеры, ненамного моложе, например, нынешнему президенту Зимбабве Эмерсону Мнангагве 81 год.

Существуют объективные и субъективные причины длительного пребывания у власти лидеров старшего поколения. Многие объясняется сохранением в африканском обществе традиции уважения и почитания старших. В ряде стран (например, в Гвинее) избиратели раз за разом покорно голосовали на выборах за действующего президента, так как до его правления жили в жестко авторитарных условиях. Пытаясь остаться у власти дольше законодательно установленного срока, невзирая на заверения проводить честные и свободные выборы, ряд президентов (например, А. Конде (Гвинея), Ф. Чилуба (Замбия), А. Уаттара (Кот-д'Ивуар), Идрис Деби (Чад), П. Кагаме (Руанда), П. Бийя (Камерун), Д. Сассу-Нгессо (Конго)) предприняли попытки внесения поправок в конституцию и некоторые увенчались успехом. Изменения в основном законе стали возможны потому, что в конституциях, принятых молодыми независимыми

странами, не было пунктов об ограничении сроков главы государства. Как отмечает российский исследователь Т.С. Денисова, «К середине 1960-х годов лидеры всех типов режимов – от однопартийных в Гвинее и Танзании до многопартийных в Кении и Кот-д’Ивуаре – создавали устойчивую основу для бессрочности правления» [2, с. 558].

Кампании по отмене ограничения сроков полномочий президента в ряде стран (например, в Бурунди, Конго) столкнулись с крупными и жестокими, но безуспешными протестами граждан. Однако подобные протесты сыграли важную роль в срыве усилий по отмене ограничения президентских сроков в Замбии (2000 год), Малави (2002 год), Нигерии (2006 год) и Сенегале (2012 год). А в двух странах такие народные протесты привели даже к свержению правящих режимов: в Буркина-Фасо (2014 год) и Нигере (2010 и 2023 годы).

Население многих стран континента проживает за чертой бедности, некоторые получают финансовую помощь МВФ по программе HIPC (Heavily Indebted Poor Countries), которая предоставляется беднейшим странам с высокой внешней задолженностью. Одной из причин такой ситуации является коррупция властей, в том числе возглавляемых пожилыми лидерами. Ежедневная борьба за выживание по-прежнему актуальна для многих избирателей. В некоторых странах из-за неграмотности большей части населения на выборах вынуждены применять примитивные технологии, например, в Гамбии на выборах в 2021 году, избиратели голосовали вбрасыванием стеклянных шаров в урны с фотографиями кандидатов.

В ряде стран установлен возрастной ценз для главы государства. Например, в Джибути, где в 2010 году была проведена конституционная реформа, президентский возраст ограничен 75 годами. А в Республике Конго поправка в конституцию, внесенная в 2015 году, отменила ограничение возраста президента 70 годами, что позволило действующему президенту Дени Сассу-Нгессо баллотироваться и победить на выборах в 2016 и в 2021 годах.

В числе положительных примеров мирной передачи власти лидерами старшего поколения своим преемникам или после окончания президентского срока следует назвать Н. Манделу (ЮАР), Дж. Ньерере (Танзания), К. Каунду (Замбия), Ж. Чиссано (Мозамбик), Б. Мулузи (Малави), К. Масире (Ботсвана), Д. Арапа Мои (Кения), С. Нуйому (Намибия), А. Диуфа (Сенегал).

Молодежь Африки составляет значительную группу электората. Демографическая ситуация в странах континента характеризуется быстрым ростом населения и ростом доли молодежи. Согласно данным ООН, в 2023 году 60%

населения континента составляли молодые люди до 25 лет¹, при этом в странах Африки южнее Сахары молодежь до 30 лет составляла 70% населения². Однако за полувековой период независимого развития не удалось достигнуть обеспечения рабочими местами молодежь, которая получает среднее и высшее образование и способна составить эффективную часть трудовых ресурсов. Не получило должного развития и представительство молодежи в органах законодательной и исполнительной власти, в том числе на ее высшем уровне. Поэтому в африканском обществе все чаще поднимается вопрос более активного участия молодежи в политической жизни.

В Африке как на самом молодом континенте наиболее многочисленным является поколение миллениалов (или поколение Y), то есть рожденные приблизительно (существуют разные диапазоны определения годов рождения миллениалов) в период с 1980 по 2000 гг. Согласно результатам масштабного исследования, проведенного в 2020 году Кембриджским университетом по изучению демократии, поколение Y, в том числе в Африке, больше других поколений разочарованы в демократии. Основной причиной этого стала волна популизма, усилившаяся в последние годы³. Развитие политического процесса в Африке южнее Сахары демонстрирует, что феномен популизма во власти обеспечивает ей поддержку молодежи, но длительное правление президента-популиста приводит к кризису доверия. Это отмечают американские политологи Пиппа Норрис и Рональд Инглхарт, занимавшиеся политическими партиями, избирательными системами и поколенческими ценностями. В опубликованной ими в 2019 году монографии они констатируют, что «Каждое последующее поколение, в целом, все более сдвигалось именно в сторону ценностей самовыражения и свободы, а ценности безопасности, конформности (склонность к конформизму – прим автора) и подчинения в более поздних поколениях отходили на второй план» [14, р. 106].

Де-юре у молодого поколения африканских политиков есть возможность делать карьеру, продвигаясь к вершинам власти. В конституциях большинства стран континента кандидат в президенты должен быть не моложе 30–35 лет,

¹ Economic development in Africa. Report 2023 / UNCTAD. URL: <https://unctad.org/publication/economic-development-africa-report-2023>.

² Young People's Potential, the Key to Africa's Sustainable Development. URL: <https://clck.ru/3Bhxop>.

³ Lewsey F. Faith in democracy: millennials are the most disillusioned generation 'in living memory'. URL: <https://www.cam.ac.uk/stories/youthanddemocracy>.

например, в Намибии¹, Замбии² и в Мозамбике – 35 лет³. В то же время в Нигерии президентом может стать гражданин только с сорока лет⁴. Такой же возраст для кандидата в президенты установлен в Бенине, Гане, Бурунди, Сьерра-Леоне, Джибути.

Инкорпорация молодежи в политическую элиту происходит в основном путем выборов. Молодые политики энергично и часто последовательно, невзирая на преследования и репрессии правительства, борются за власть. Тернистым и долгим был путь на вершину властного Олимпа у нынешнего президента Замбии Хакаинде Хичилемы, лидера Объединенной партии за национальное развитие (ОПНР – United Party for National Development, UPND). Начиная с выборов в 2006 году, он баллотировался в президенты пять раз. Как и его старшие коллеги-политики, например, лидер партии Патриотический фронт (ПФ – Patriotic Front, PF) Майкл Сата, прибегал к тактике оспаривания результатов выборов. За постоянную критику действующего президента (а в 2017 году по обвинению в государственной измене и попытке государственного переворота) неоднократно подвергался арестам. В 2020 году Хичилему арестовали по обвинению в махинациях при сделке с недвижимостью в 2004 году, но освободили за отсутствием доказательной базы.

В странах Африканского континента работают социальные лифты для политической карьеры молодых граждан. Главный из них – политические партии. В числе значимых лифтов остается также участие в общественной деятельности. Политическая карьера многих лидеров связана с профсоюзами. Например, профсоюзное прошлое у нынешнего президента ЮАР Сирила Рамапосы, президент Замбии Фредерик Чилуба (1991–2001) был избран им в 1991 году, имея за спиной многолетний опыт руководства профсоюзами страны. А лидер зимбабвийской оппозиции Морган Тсвангираи (годы жизни 1952–2018) в свое время возглавлял Конгресс профсоюзов Зимбабве.

Одной из тенденций последних лет стало избрание на пост главы государства успешных бизнесменов, активно занимающихся политикой. В Бенине действующий президент Патрис Гюйем Атанас Талон (избран в 2016 и 2021 го-

¹ Namibian Constitution. Chapter 5. Article 28(2C-3). URL: <https://www.lac.org.na/laws/annoSTAT/Namibian%20Constitution.pdf>.

² Constitution of Zambia (Amendment). Act No. 2 of 2016. Article 100 (1 c). URL: <https://clck.ru/3Bhw5B>.

³ Constitution of the Republic of Mozambique. Article 147(2(b)). URL: https://cdn.accf-francophonie.org/2019/03/mozambique_const-en.pdf.

⁴ Constitution of the Federal Republic of Nigeria. Section 131(b). URL: <https://jurist.ng/constitution/sec-131>.

дах), который в 1980-е гг. занялся бизнесом (сначала торговлей сахаром, а позже очисткой и поставками хлопка), стал «хлопковым королем» и на момент избрания президентом в 2016 году входил в список 15-ти самых богатых людей Африки. Президент Замбии с 2021 года Хакаинде Хичилема прошел путь от представителя известных международных консалтинговых и аудиторских компаний (Coopers & Lybrand (1994–1998), Grant Thornton (1998–2006)), председательства в замбийском отделении британского Barclays Banc до миллионера, владельца крупнейшего в Замбии фермерского хозяйства, одного из основных поставщиков мяса на национальном рынке и на экспорт. Эти примеры подтверждают мнение ряда политологов о том, что в плане инкорпорации в политическую элиту «Самый эффективный «профессиональный лифт» связан с предпринимательской деятельностью» [3, с. 25].

В последнее десятилетие в электоральном процессе стран континента наблюдается рост насилия, в котором участвует молодежь. Некоторые исследователи объясняют это несоответствием демографического состава населения и бедственным положением большей части молодого поколения. В исследованиях (в том числе африканских авторов) Т. Мьюда [11], Д.А. Экпена [6], Д. Мак-Икеменджима [10], Д. Ожок и Т. Эйкол [15], С.А. Паало [17], Дж. Фири и Ш. Хамаусвы [18] показано, что низкий социально-экономический статус молодого поколения предрасполагает его не только к вандализму [22], но и к вовлечению в политическое насилие. Так южноафриканский исследователь К.И. Муконто считает, что в Замбии в середине 2010-х годов молодежь была центральной причиной политических конфликтов и насилия [12].

Старшее поколение политических лидеров осознает возрастающую роль молодежи в обществе. Но на практике не все готовы оказывать молодым лидерам необходимую поддержку. Проблема состоит также в том, что далеко не каждый лидер сам может быть примером достойного существования в политике, прежде всего, из-за коррумпированности. Но есть и хорошие примеры. Первый президент ЮАР Нельсон Мандела дал возможность реализоваться целому ряду молодых соратников по борьбе с апартеидом. А Кеннет Каунда (президент Замбии в 1964–1991 гг.), уйдя из большой политики, продолжал следить за деятельностью молодых активистов. На президентских выборах в 2006 году он поддержал кандидатуру молодого оппозиционного лидера Х. Хичилемы, выдвинутого альянсом оппозиционных партий. Во время избирательной кампании Каунда даже выступил в его поддержку по национальному радио, заявив, что тот обладает значительными лидерскими качествами.

Более частым явлением в политической жизни африканских стран становится противостояние лидеров разных поколений. В ЮАР наглядным примером проблем формирования нового поколения политической элиты и его взаимоотношений со старшим поколением лидеров могут послужить отношения между президентом страны Джейкобом Зумой (2009–2018 гг.) и Джулиусом Малемой, лидером Молодежной лиги правящей партии Африканский национальный конгресс (АНК – African National Congress, ANC) с 2008 по 2012 гг. Последнего многие считали перспективным политиком. Но руководство АНК было недовольно его националистическими взглядами и раскольническими действиями, и в 2012 г. он ушел с поста лидера Лиги. Некоторое смещение Малемы объясняли тем, что он стал слишком самостоятельным политиком, который мог составить серьезную конкуренцию Зуме на съезде АНК в декабре 2012 г.

За довольно короткий срок Малема из активного соратника Зумы превратился в его самого ярого критика. Создав в 2013 году партию Борцы за экономическую свободу (Economic Freedom Fighters, EFF), Малема вернулся в большую политику. И уже через год на парламентских выборах в мае 2014 года эта партия была третьей по числу полученных мест в законодательном органе страны. К 2015 году экономический кризис в ЮАР усугубился, армия безработных, большую часть которой составляла именно молодежь, выросла, безработица достигла 25%. Начались выступления студентов, недовольных высокой стоимостью обучения. Кроме партии Малемы, власть активно также критиковала главная оппозиционная партия Демократический альянс (Democratic Alliance, DA), которую возглавлял 35-летний Ммуси Маймане.

Свою борьбу Малема продолжил и на парламентских выборах в 2019 году, на которых он был одним из соперников 67-летнего Сирила Рамапосы. В своем предвыборном манифесте радикальная партия Малемы сделала акцент на земельную реформу и рассматривала отношения с агробизнесом не как партнерство, а как продвижение общественных интересов. У некоторых южноафриканцев это вызывало определенную революционную ностальгию. Так южноафриканский адвокат по правам человека Тембека Нгкукайтоби в феврале 2019 года писала: «Те, кто скептически относятся к этим предложениям (партии Малемы – прим. автора), должны помнить, что мы живем в эпоху политического застоя. Новые идеи трудно найти»¹. (Малема был сторонником «зимбабвийского» варианта решения земельной реформы. В 2010 году он, побывав в

¹ Ngcukaitobi T. The land wars of 2019: Analysing the EFF and ANC manifestos / The Mail & Guardian. URL: <https://goo.su/YO8T>.

Зимбабве как лидер Молодежной лиги АНК, опубликовал документ, в котором восхвалял земельную реформу, проводимую президентом Р. Мугабе [16]). На парламентских выборах Борцы за экономическую свободу завоевали 44 места.

Политическим противостоянием длиною (или ценою) в жизнь стали отношения между зимбабвийскими политиками разных поколений Морганом Тсвангираи (род. в 1952 году) и многолетним (во всех смыслах этого слова) президентом страны Робертом Мугабе (род. в 1924 году). Бывший член правящей партии Африканский национальный союз Зимбабве – Патриотический фронт (ЗАНУ-ПФ – Zimbabwe African National Union –Patriotic Front, ZANU PF) Тсвангираи, возглавив оппозицию как лидер партии Движение за демократические перемены (Movement for Democratic Change, MDC) заявлял: «У нас правящая партия предаёт принципы африканской справедливости. Правящая элита грубо предаёт идеалы освободительной борьбы» [8, р. 43]. Расхождения власти и оппозиции были, в том числе, по земельному вопросу, который российский исследователь В.Г. Шубин называет миной замедленного действия, «которая «взорвалась» в Зимбабве на рубеже 21 века» [5, с. 90]. Тсвангираи баллотировался в президенты в 2002, 2008 и 2013 годы. После каждой неудачи оспаривал победу Мугабе, трижды подвергался арестам по обвинению в государственной измене. В сентябре 2008 года в созданном коалиционном правительстве стал премьер-министром. Но после очередной победы Мугабе на выборах в 2013 году участвовать в новом коалиционном правительстве отказался.

Партия М. Тсвангираи, к тому времени тяжело болевшего онкологическим заболеванием, почти не участвовала в отстранении от власти Р. Мугабе в 2017 году, так как ее популярность уже значительно снизилась, в том числе из-за острой внутрипартийной борьбы. 65-летний оппозиционный политик скончался 14 февраля 2018 года. Его удачливый политический противник умер через год в возрасте 95 лет.

Вопрос о поддержке молодежи решается на региональном уровне. В 2014 году Африканский союз (АС) принял согласованный между странами-членами план развития Африки до 2063 года под названием «Повестка дня – 2063», целью которого названо устойчивое развитие континента. В программе подчеркивалось, что «Молодежь Африки должна иметь социальные, экономические и политические возможности посредством полного осуществления Афри-

канской хартии молодежи»¹, правозащитного документа, который был принят АС в июле 2006 года.

Молодежь континента имеет возможность развивать свои лидерские качества как в международных школах лидерства, так и в региональных, например, в Африканской академии лидерства (African Leadership Academy, ALA), созданной в 2008 году в Йоханнесбурге (ЮАР). В последние десятилетия в странах Запада активно работают программы по подготовке молодых лидеров, в рамках которых подготовлены десятки тысяч африканских молодежных активистов. Они пополнили ряды как системной, так и внесистемной оппозиции. В современных условиях трансформации миропорядка существует опасность использования их с целью смены власти под предлогом «омоложения элит». Как отмечал российский ученый Л.Л. Фитуни, «Попытки внешних сил использовать присвоенный «молодежный дивиденд» и пригретых молодежных активистов для смены режима через непризнание итогов выборов и организацию беспорядков ... могут обернуться огромными экономическими потерями для континента и затянуть на годы период политической нестабильности в ряде стран, для которых догоняющее развитие так и останется невыполнимой задачей на отдаленное будущее» [4, с. 14].

Одним из негативных аспектов развития африканского общества является коррупция. Это социальное зло является одной из причин низкого уровня жизни населения ряда стран континента и мешало их развитию уже в первые годы независимости. Масштабная коррупция сопровождала правление многих президентов, а в Уганде (при Иди Амине (1971–1979 годы)), в Либерии (при Сэмюэле Доу (1980–1990 годы)), Нигерии, ЦАР, Гане, ДРК (при С.С. Мобуту (1971–1997 годы)) фактически стала стилем жизни политической элиты. Оппозиция обвиняла в коррупции и многих первых леди, что негативно сказывалось на имидже высокопоставленных супругов в глазах электората и международного сообщества. Например, в Нигере в личном обогащении за счет государственной казны обвиняли Аиссу Диори, супругу первого президента страны Амани Диори (1960–1974 годы). Положение супруга президента Кении Джомо Кениаты (1964–1978) без особых стеснений использовала Нгина Кениата. Лидеры времен антиимпериалистической борьбы «...довольно долго находились у власти и успели за это время скомпрометировать себя настолько, что словосочетание «коррупцированный режим» ныне без особых раздумий относительно его обос-

¹ Agenda 2063. African Union. Addis Ababa. 2015. URL: <https://clck.ru/3BhvA4>.

нованности применяется СМИ и политиками Запада в отношении любой африканской страны» [4, с. 12].

Жесткую борьбу с коррупцией вели первый президент Танзании Джулиус Ньерере, Леви Мванаваса (Замбия), Олусегун Обасанджо (Нигерия), а усилия президента Руанды Поля Кагаме привели к тому, что эта страна стала наименее коррумпированной в Восточной Африке.

Борьба с коррупцией – традиционный лозунг и предвыборное обещание многих кандидатов в президенты, которые часто «забываются» ими после победы. Но есть исключения. Например, остались верны подобным обещаниям нынешние президенты Мадагаскара (Андри Радзуэлина) и Замбии (Х. Хичилема). В мае 2019 года на Мадагаскаре начался судебный процесс по делу 79 депутатов парламента страны (половина его состава), которых подозревали в получении взяток накануне президентских выборов 2018 года за поддержку законопроекта о реформе избирательного законодательства в пользу тогдашнего президента Эри Радзаунаримампианины¹. Хичилема, называя борьбу с коррупцией краеугольным камнем в политике его правительства, в первые месяцы у власти усилил с этой целью состав и активизировал работу Управления общественного защитника (Office of Public Protector), учрежденного в 2016 году.

В африканской практике обвинения в коррупции (независимо от того обоснованы они или нет) стали традиционным методом борьбы с политическими противниками. К нему часто прибегают молодые оппозиционные политики, ведь таким путем легче и быстрее можно достигнуть желаемого результата – устранить конкурента на пути политической карьеры и борьбы за власть. Такой прагматизм оправдывается, так как «... с большей вероятностью даст возможность получить от внешних спонсоров куда большие материальные ресурсы, а заодно технологически отработанную систему моральной, информационной, а порой и дипломатической поддержки извне» [4, с. 13].

Одним из общих явлений, свойственных правлению африканских лидеров старшего и младшего поколений, стали покушения на их жизнь – государственные/военные перевороты либо попытка убийства. В их результате в Африке погибло много президентов, например, Мариан Нгуаби (Конго), Уильям Толберт и Сэмюэл Доу (Либерия), Франсуа Томбалбай (Чад), Силванус Олимпио (Того). Участь свергнутого президента не является исключительной прерогативой лидеров старшего поколения. Например, в Буркина Фасо в сентябре 2022

¹ More than half of Madagascar MPs suspected of corruption. URL: <https://www.enca.com/news/more-half-madagascar-mps-suspected-corruption>.

года та же участь постигла 41-летнего временного президента Поля-Анри Сандаого Дамibu, который в январе того же года пришел к власти в результате военного переворота. В Гвинее многоопытный 73-летний А. Конде дважды стал объектом покушения уже в первый год пребывания у власти (2011 г.). В 2018 году было совершено покушение на 76-летнего президента Зимбабве Эммерсона Мнангагву. Не стал исключением в этом плане и молодой президент Мадагаскара Андри Радзуэлина: в марте 2011 года под его автомобилем во время движения сработало взрывное устройство, а в июле 2021 года спецслужба раскрыла заговор с целью его физического устранения, который получил название Apollo-21.

Политическое насилие в отношении главы государства отмечают многие исследователи политического лидерства в африканских странах. Например, в нач. 1990-х гг. исследователь Д. Вайсман писал, что «... быть политическим лидером в Африке небезопасно» [23, p. 108].

Правление ряда лидеров, принадлежащих к категории «политической молодежи», отмечено смелыми, иногда кардинальными изменениями во внутренней политике. Существенным в этом плане стало, например, решение президента Замбии Х. Хичилемы об отмене смертной казни в 2022 году.

Не всегда нахождение на посту президента молодого лидера означает прогрессивные реформы и инновационные подходы в управлении страной, а также предполагает в перспективе демократическую форму передачи власти. Например, в Гамбии правление Яйя Джамме (1996–2017 гг.), ставшего главой государства в 31 год, превратилось в 20-летнюю диктатуру с жестким преследованием политических противников (незаконные аресты, казни без надлежащего судебного разбирательства). А проиграв на выборах в 2016 году своему ровеснику 52-летнему Адама Берроу, Джамме прибегнул к традиционной тактике старшего поколения африканских правителей, не желающих отдавать власть, – непризнание результатов выборов. Это привело к серьезному политическому кризису в стране. Подвергается критике и тактика некоторых президентов среднего возраста. В Бенине президент Патрис Талон (род. в 1958 году), избранный в 2016 году, за три года правления провел ряд реформ (например, партийная реформа, приведшая к резкому сокращению числа партий, отмена права работников госпредприятий на забастовку), которые значительно понизили имидж страны как одного из образцов африканской демократии. А в Замбии нынешнего президента Хичилему (род. в 1962 г.) оппозиция обвиняет в тактике резкого ослабления позиций бывшей правящей партии Патриотический

фронт (ПФ – Patriotic Front, PF)), которая, несмотря на поражение на всеобщих выборах в 2021 году, сохранила влияние в ряде районов страны. Президент часто называет ПФ «мертвой», «похороненной», «призраком», заявляя, что «Мертвые не возвращаются с кладбища»¹.

В то же время ряд примеров свидетельствуют о том, что в африканских странах политическое долголетие президентов само по себе не представляет серьезной проблемы и угрозы устойчивому развитию. Нахождение у власти лидера пожилого возраста не всегда связано с ретроградством и отсутствием политической гибкости, что позволяет сохранить стабильную социально-политическую обстановку в стране. В Уганде, где пост главы государства в течение 38 лет (с 1986 г.) занимает Йовери Мусевени (род. в 1944 году), власть в глазах большинства избирателей представляется гарантом благополучия и стабильности. Как и в ряде других стран Африки, его правление не лишено репрессий в отношении оппозиции и коррупции, в то же время достигнуты значительные успехи в борьбе с ВИЧ/СПИДом и малярией, расширены права женщин и доступ к начальному образованию. Как отмечает российский исследователь Т.С. Денисова, «Уганда относится к тем немногим африканским странам, живущим несколько десятков лет без войн и конфликтов, и население благодарно за это именно Мусевени» [2, с. 553].

В Гане в декабре 2020 года был переизбран действующий 76-летний президент Нана Акуфо-Аддо. За годы его правления достигнуты успехи по расширению и модернизации транспортной инфраструктуры страны, улучшился деловой климат, что дополнительно привлекает иностранные инвестиции в экономику, введено бесплатное школьное обучение всех уровней. В Республике Конго в марте 2021 года президентом был переизбран 77-летний Дени Сассу-Нгессо, который находится у власти с 1997 года. При нем страна перешла к многопартийной системе, слабая экономика с ориентацией на сельское хозяйство превратилась в экономику с успешно развивающимся нефтяным сектором, а уровень неграмотности населения (19,7%) является одним из самых низких на континенте. У этого африканского политика сложился стойкий международный имидж: он дважды был председателем Африканского союза (в 1986–1987 и 2006–2007 годы), неоднократно был посредником в урегулировании африканских конфликтов (в Центральноафриканской Республике, Демократической Республике Конго, Ливии). В Джибути в апреле 2021 года 73-летний действующий

¹ Sishuwa S. In Zambia today, stealing a political party is big business. URL: <https://goo.su/HudWBj>.

щий президент Исмаил Омар Гелле был избран в пятый раз (за него отдали голоса 98,6% избирателей). Он бессменно руководит Джибути с 1999 года и считается одним из самых опытных африканских лидеров, способных идти на компромиссы с местными элитами, что превратило страну в оазис стабильности в районе Африканского Рога, характеризующегося сложными процессами дезинтеграции в Эритрее и непризнанием Сомалиленда (формально является частью Республики Сомали).

Подобные достижения правления пожилых африканских лидеров, естественно, являются и заслугой их команд. Но способность создать такую профессиональную команду с включением, в том числе, молодых политиков отдает должное прозорливости, дальновидности и опыту коммуникаций политических долгожителей.

Необходимо также отметить, что некоторые пожилые лидеры демонстрировали приверженность новым технологиям в управлении. Например, президент Сенегала в 2000–2012 гг. Абдулай Вад после своего переизбрания в 2007 году в возрасте 81 года самостоятельно печатал на компьютере необходимые тексты и посылал рабочие письма сотрудникам по электронной почте.

На проблеме межпоколенческих разрывов в сфере политики акцентируют внимание сами молодые политики Африки. Например, в Замбии накануне досрочных выборов в 2015 году после кончины 77-летнего президента Майкла Саты его приемный сын, мэр Лусаки Муленга Сата и племянник Майлз Сампа (заместитель министра торговли), заявив о решении баллотироваться, подчеркивали, что правящей партии ПФ необходимо обновление, а Замбией должен руководить молодой и энергичный лидер. Подобную позицию разделяют и молодые политики оппозиционных партий. В 2018 году Нава Ситали и Томпсон Лузенди создали организацию «Молодежь за парламент» (Youth4Parliament), целью которой является помощь в карьере молодым политикам. После всеобщих выборов, состоявшихся в 2021 году, организация продолжает работать с молодежью на различных площадках. Она также постоянно сотрудничает с молодыми депутатами парламента, которых поддержала на последних выборах. Деятельность парламентской молодежи Youth4Parliament освещается в социальных сетях.

В Замбии накануне всеобщих выборов 2021 года национальная НПО Centre for Young Leaders in Africa (CYLA) с помощью южноафриканского фонда Democracy Works Foundation (DWF) и с привлечением молодежных активистов разработала своеобразный молодежный манифест, в котором освещались мно-

гие вопросы социально-экономического положения молодых замбийцев и определялись перспективы их участия в социально-экономической и политической жизни страны. В частности, отмечалось, что в Замбии как в демократическом государстве сложилась «... благоприятная среда для молодежной политики и существуют условия для обеспечения участия молодежи как в процессе развития, так и в процессе управления»¹.

Со сменой поколений в политической элите основной список обвинений в адрес власть предержащих остается прежним. Молодые африканские политики оппозиции критикуют старшее поколение за нежелание расставаться с властью, коррупцию, nepotism, несоответствие предвыборных обещаний с проводимой политикой, насилие, ограничение свободы слова. Но те же обвинения выдвигали раньше сами нынешние президенты в период борьбы за власть. Сами африканцы отмечают у молодых политиков высокую степень прагматизма. Например, в Замбии политический активист Дэвид Капома, который часто публикуется в центральных газетах страны, открыто заявляет, что большинство молодежи начинает политическую карьеру из-за личной выгоды: «Кратчайший путь к богатству в современном африканском обществе – это политика. Неужели мы уверены, что наши дети будут гордиться нами, пока они вырастут?»². Капома призывает молодежь прекратить существующую тенденцию обогащения путем прихода во власть.

В странах Африки международные и местные молодежные правозащитные организации (например, Global Shapers Community Hubs, the National Youth Leadership Conference (NYLC), Yiaga Africa (Нигерия)) постоянно выступают за расширение участия молодежи в политической жизни. Они считают, что «Участие молодежи в принятии решений в правительстве больше не должно быть оставлено на волю прихотей и капризов африканских лидеров»³. При этом часто акцентируется стратегическая роль Африканского союза в решении представительства молодежи в политике.

Исключение молодежи из орбиты участия в принятии решений, как показал опыт «арабской весны», может привести к масштабным катастрофическим социальным и политическим последствиям. Некоторые аналитики считают

¹ Zambia Youth Manifesto 2021. Lusaka: Democracy Works Foundation, Centre for Young Leaders in Africa. URL: <https://clck.ru/3Biacj>.

² Kapoma D.N. Young People in Zambian Politics. URL: <https://www.lusakatimes.com/2018/03/01/young-people-zambian-politics>.

³ Neliaku C. How the African Union can put the youth demographic at the centre of leadership. URL: <https://clck.ru/3BhwXK>.

нерешенность низкого уровня представительства молодежи на высших уровнях власти «пороховой бочкой».

Серьезным испытанием для африканских лидеров стала пандемия COVID-19. Оперативно среагировал на возникшую угрозу Й. Мусевени (Уганда), закрыв границы страны. Однако не все главы государств, например, президент Танзании Джон Магуфули, признавали опасность новой болезни и не ввели своевременно в стране необходимые меры безопасности. По иронии судьбы он скончался в марте 2021 г. именно от COVID-19. Повлияла пандемия и на политические события. Как отмечает российский ученый И.О. Абрамова, «... власти ряда государств под предлогом пандемии пытаются сохранить свои полномочия на неопределенный срок, откладывая выборы (как в Уганде) и подавляя вероятные протесты против власти» [1, с. 53]. Были и курьезы. В первые месяцы пандемии президент Мадагаскара Андри Радзуэлина поспешил заявить об изобретении местными учеными лекарства от коронавируса – травяного напитка на основе полыни под названием COVID-Organics.

В современном мире возраст кандидатов является одним из индикаторов предпочтений избирателей, это справедливо и для стран Африканского континента. В период с 2018 по 2021 гг. выборы состоялись в 28 странах, из них в 27 главами государства были избраны кандидаты старше 50 лет. Согласно данным африканской исследовательской НПО Afrobarometer, кандидаты старше 60 лет победили в 19 странах, хотя на выборах баллотировались и кандидаты моложе 50 лет.

Были примеры достойной конкуренции молодых кандидатов в президенты. Например, на выборах в Уганде в январе 2021 года главным соперником бессменного президента 76-летнего Йовери Мусевени был лидер партии Платформа национального единства (National Unity Platform) 38-летний Боби Вайн (настоящее имя – Роберт Кьягуланьи Ссентаму). Парень из бедной семьи стал известным музыкантом в стиле регги, звездой эстрады и миллионером. В последние годы он активно критиковал, в том числе в своих песнях, правление Мусевени за насилие, nepotизм и коррупцию. Гражданская позиция Вайна нашла отклик у молодежи, для которой он стал кумиром, его стали даже называть «президентом гетто». В 2020 году вышла книга о Вайне под таким названием, в которой авторы называют его национальным героем, «...готовым повести Уганду в будущее» [13]. На выборах он получил 34,8% голосов избирателей. Смелое поведение молодого политика не прошло безнаказанно: в октябре 2023 года он был арестован властями и находился под домашним арестом. А

победивший возрастной президент столкнулся с новыми проблемами. В 2022 году в Уганде, где 30% населения живет за чертой бедности, начался продовольственный и энергетический кризис. Подорожание продуктов питания на 70% и неконтролируемый рост цен на бензин привели к «хлебным бунтам» в крупных городах, ситуацию значительно усугубила также засуха.

В 2023 году состоялись президентские выборы в ряде стран Африки южнее Сахары. На Мадагаскаре избиратели проголосовали за переизбрание действующего президента Андри Радзуэлина (49 лет). Однако результаты выборов в других странах продемонстрировали очередной виток африканской геронтократии. В Либерии на выборах 58-летнего действующего президента Джорджа Веа победил 79-летний Джозеф Бофкаи. Не произошло «омоложение» руководства и в Нигерии: на выборах, состоявшихся 25 февраля 2023 года, победил 71-летний Бола Тинубу, сменивший на главном посту страны 81-летнего Мухаммаду Бухари. Интересно, что за кандидата Питера Оби (61 год) отдали свои голоса около 40% молодых (до 35 лет) избирателей, которые выступают за изменения в стране. В Намибии, как уже упоминалось, после кончины 4 февраля 2024 года 82-летнего Хаге Гейнгоба главный пост страны занял 83-летний вице-президент Нанголо Мбумба.

Возможность негативных последствий избрания пожилых лидеров для стабильности стран, в которых высокий уровень безработицы и сужена ниша молодежного представительства во власти, не исключают сами африканцы. Нигерийский исследователь Акиндбоде Фасакин считает, что, «...несмотря на победу Тинубу на выборах, он столкнулся с серьезным кризисом легитимности» [7, p. 111]. И главная задача его правления состоит в укреплении доверия, «...особенно молодежи, у которой нет веры в страну» [7, p. 112].

По мнению самих африканцев, необходимо установить, как минимальные, так и максимальные возрастные ограничения для лидеров стран, однако предложения по конкретным цифрам очень различаются. Об этом свидетельствуют результаты исследования африканской НПО Afrobarometer, проведенного с 2019 по 2021 годы в 34 африканских странах. Например, граждане 27 стран выступали за предложение ввести возрастной ценз для глав государств, превышающий официальный пенсионный возраст¹.

Обобщающего паттерна личности президента в странах Африки нет, да и быть не может. За шесть десятилетий независимого развития африканских

¹ AD599: Africans want age limits for government heads (but don't reject retirement-age leaders). URL: <https://clck.ru/3BhuyS>.

стран сформировалась обширная галерея их лидеров, принадлежащих к различным типам лидерства. Эмпирика их правления, в ряде случаев приводящего к авторитаризму, делает правомерными как вопрос «Каким должен быть лидер, чтобы обеспечить устойчивое развитие страны?», так и вопрос «Каким не должен быть глава государства, чтобы достигнуть этого?». Главные проблемы, стоящие перед большинством стран континента – бедность, безработица, СПИД/ВИЧ. Именно на них должны быть направлены государственные средства и международная помощь, которые иногда перетекают коррупционерам.

Ряд исследователей и аналитиков, в том числе африканских, указывают на связь экономического роста в той или иной стране Африки с лидерскими качествами ее президента, его возрастом и стилем руководства. Например, в 2021 году исследователь из Ганы Ф.С. Сэки на основании данных по 44 странам Африки за период с 1970 по 2010 гг. утверждал, что «... существует предел, до которого стареющий лидер может продолжать оставаться у власти и вносить положительный вклад в рост ВВП» [19].

В условиях сохранения в африканском обществе традиции почитания старших молодое поколение все чаще оспаривает незыблемость власти старших и их нежелание уступить место более молодым политикам. Нынешнее поколение молодых африканцев более прагматично. Прагматичность проявляется, в том числе, в их отношении к личностям глав государств, которых их отцы и деды в свое время считали непререкаемыми авторитетами и даже «отцами наций». Информация о мире благодаря Интернету дает возможность молодому африканцу сравнивать его жизнь, качество образования и оплату труда (или отсутствие таковых) с условиями жизни сверстников в других странах континента и мира. Результаты подобных сравнений часто не добавляют веры в справедливость политики властей, и молодежь все чаще подвергает сомнению правомерность их решений и даже их легитимность. Как никогда раньше для Африки актуальны слова бывшего президента ЮАР Табо Мбеки, который предостерегал лидеров от «риска самоуспокоенности руководства» [21, р. 31].

Смена поколений в политических элитах африканских стран, как и во всем мире, неизбежна по объективным причинам. Процесс «омоложения» африканской политической элиты проходит несоизмеримо более медленными темпами, чем изменения демографического состава населения в пользу молодого поколения. Крайне низкое участие молодежи в процессе принятия решений, ведущее к росту ее вовлеченности в политическое насилие, ставит под угрозу стабильность и устойчивое развитие многих стран Африки южнее Сахары.

References

1. Abramova I.O. Coronavirus in Africa: social, economic and political consequences. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2020. T. 13. №5. P. 38-56.
2. Denisova T.C. *Tropical Africa: The evolution of Political leadership*. M.: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 2016. 596 p.
3. Kryshantnovskaya O.V., Lavrov I.A. A political career for the Internet generation. *Digital sociology*. 2021. T. 4. №4. P. 18-27.
4. Fituni L. "Non-catch -up development" of Africa. Economist's observations on forecasts, statistical manipulations, demographic romanticism and rejuvenation of elites. *Journal of the Institute for african studies*. 2019. №3(48). P. 5-17.
5. Shubin V.G. *The fate of Zimbabwe*. M.: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 2015. 158 p.
6. Akpan D.A. Appraisal of the role of political violence: the development of youths in Nigeria in the 21st century. *African Research Review*. 2015. Vol. 9. №3. P. 147-156.
7. Fasakin A. Nigeria's 2023 presidential elections. The question of legitimacy for the Tinubu administration. *Journal of African Elections*. Johannesburg, 2023. Vol. 22. №2. P. 97-117.
8. Hudleston S. *Face of Courage. A Biography of Morgan Tsvangirai*. Cape Town: Double Storey, 2005. 159 p.
9. Lodge T. *Politics in South Africa: From Mandela to Mbeki*. Bloomington: Indiana University Press, 2003. 314 p.
10. Mac-Ikemenjima D. Violence and youth voter turnout in Sub-Saharan Africa / Investigating youth in challenging and troubled contexts. *Contemporary Social Science*. Taylor & Francis Journals. 2017. Vol. 12. №3-4. P. 215-226.
11. Mude T. Political violence: major socio-political consequence of urban youth unemployment in Zimbabwe. *Review of History and Political Science*. 2014. Vol. 2. №1. P. 107-139.
12. Mukonto K.I. Political conflict, violence and Zambian youth. *UNISA Press Journals*. 2021. Vol. 19. №2. 17 p.
13. Muwanguzi S.T., Tyrrell N. *Bob Wine: The ghetto president*. Independently published, 2020. 142 p.
14. Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash. Trump, Brexit, and authoritarian populism*. Cambridge University Press, 2019. 564 p.
15. Ojok D., Acol T. Connecting the dots: youth political participation and electoral violence in Africa. *Journal of African Democracy and Development* 2017. Vol. 1. №2. P. 94-108.
16. Onslow S., Plaut M. *Robert Mugabe (Ohio Short Histories of Africa)*. Ohio University Press, 2018. 208 p.
17. Paalo S.A. Political party youth wings and political violence in Sub-Saharan Africa: a case of Ghana, Botswana, Ghana, Lesotho, Malawi, Namibia, Nigeria, Tanzania, Zambia and Zimbabwe. *International Journal of Peace and Development Studies*. 2017. Vol. 8. №1. P. 1-14.
18. Phiri G., Hamauswa S. A study of the social psychological effects of electoral violence among youth and electorates in Zambia. *The International Journal of Multi-Disciplinary Research*. 2017. P. 1-10.
19. Sackey F.G. Impact of African leaders' characteristics and regime transitions on economic growth in Africa: A dynamic model approach. *Social Sciences & Humanities Open*. 2021. Vol. 4. Issue 1.
20. *The Politics of Age and Gerontocracy in Africa: Ethnographies of the Past & Memories of the Present*. Aguilar M.I. (ed.) Africa World Press, 1998. 312 p.
21. Van Wyk J.-A. *Political Leaders in Africa: Presidents, Patrons or Profiteers?* Durban: ACCORD, 2007. 38 p.
22. *Vanguards or vandals: youth, politics and conflict in Africa*. Abbink J., van Kessel I. (eds.). Leiden: BRILL, 2005. 320 p.
23. Wiseman J.A. Political Biography in the Black African Context. *Journal of Political Science*. 1992. Vol. 20. №1. P. 108-117.

Н.П. Сащенко

N. Sashchenko

**МНОЖЕСТВЕННАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ
ПРИЗМУ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
РОССИЙСКОГО
СТУДЕНЧЕСТВА
(ПО ИТОГАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)***

**THE STATE OF
NATIONAL-STATE
IDENTITY THROUGH
THE LENS OF
CITIZENSHIP OF
RUSSIAN STUDENTS**

Аннотация

Целью статьи является представление результатов социально-политического анализа разнонаправленных идентификационных процессов в массовом сознании современной российской студенческой молодежи как потенциальных причин долгосрочных системных рисков. Отмечается важность проблемы адекватности критериев оценки устойчивости идентификационного профиля личности, группы, а также возможности сохранения национально-государственной идентичности в быстро и радикально меняющейся реальности. Обосновывается применение теоретико-методологических подходов к анализу идентификационных процессов в массовом сознании: подход символического интеракционизма Ч. Кули, Н. Бетанели, объясняющий формирование «Мы-концепции» в процессе социального взаимодействия; этносоциологический подход Л. Дробижевой к пониманию и анализу гражданско-государственной идентичности. Идентификационные маркеры рассматриваются как детерминанты не только субъективной реконструкции политической сферы отношений, гражданской самоопределенности, но и объективного процесса трансформации социального и политического пространств. Проверялись гипотезы о связи степени значимости в сознании молодых людей их самооценок по видам социальной идентичности с отношением к стране, политическим институтам, политическим и гражданским практи-

Abstract

The purpose of the article is to present the results of a socio-political analysis of multidirectional identification processes in the mass consciousness of modern Russian student youth as potential causes of long-term systemic risks. The importance of the problem of the adequacy of criteria for assessing the stability of the identification profile of an individual, a group, as well as the possibility of preserving national-state identity in a rapidly and radically changing reality is noted. The application of theoretical and methodological approaches to the analysis of identification processes in mass consciousness is substantiated: the approach of symbolic interactionism by Ch. Cooley, N. Betaneli, which explains the formation of the “We-concept” in the process of social interaction; L. Drobizheva’s ethnosociological approach to understanding and analyzing civil-state identity. Identification markers are considered as determinants not only of the subjective reconstruction of the political sphere of relations and civic self-determination, but also of the objective process of transformation of social and political spaces. Hypotheses were tested about the connection between the degree of importance in the minds of young people of their self-assessments by type of social identity with their attitude towards the country, political institutions, political and civic practices, as well as the connection with their social well-being and sense of citizenship. The empirical object of the study was Russian students. The socio-

кам, а также связи с их социальным самочувствием, чувством гражданственности. Эмпирическим объектом исследования выступало студенчество России. Социологическое исследование проводилось Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле-мае 2023 г. методом интернет-опроса в 31 субъекте РФ из всех федеральных округов. Гипотезы проверялись на парных распределениях. Для выявления связи между зависимой и независимыми переменными применялся метод многомерного статистического анализа данных, линейный регрессионный анализ. Для вычисления доли вариации зависимой переменной, объясняемой независимыми переменными, исчислялся коэффициент детерминации R-квадрат (R²). Для анализа данных была использована программа SPSS.25. Делается вывод о наметившемся процессе трансформации границ пространства российской идентичности в восприятии студенческой молодежи, подкрепленным противоречивым чувством гражданственности, а также пассивностью гражданских установок молодежи в пространстве пяти видов социальной идентичности.

Ключевые слова:

русская идентичность, пространство идентичности, Мы-концепция, гражданственность, гражданский дефицит, гражданская активность.

logical study was conducted by the Center for Political Science of the Institute of Political Sciences of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in April-May 2023 using an online survey in 31 constituent entities of the Russian Federation from all federal districts. The hypotheses were tested on paired distributions. To identify the relationship between the dependent and independent variables, the method of multivariate statistical data analysis, linear regression analysis, was used. To calculate the proportion of variation in the dependent variable explained by the independent variables, the coefficient of determination R-squared (R²) was calculated. SPSS.25 software was used to analyze the data. A conclusion is drawn about the emerging process of transformation of the boundaries of the space of Russian identity in the perception of student youth, supported by a contradictory sense of citizenship, as well as the passivity of civic attitudes of young people in the space of five types of social identity.

Key words:

Russian identity, identity space, We-concept, citizenship, civic deficit, civic engagement.

* Исследовательский проект по теме: «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», выполнен в рамках Госзадания ИСПИ ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме: «Социологический мониторинг развития гражданского общества, социальных и политических институтов».

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-149-171>

Вопрос сохранения идентичности в последние десятилетия в социально-гуманитарной науке остается не только значимым, но и становится в какой-то мере провокационным. Дело не столько в том, что сегодня человек, свободно передвигаясь в социальном, физическом, виртуальном пространствах, преодолевая географические и культурные границы, получил новые стимулы самоопределения, новые практики самооценки и новые основания самоотождествления с «другими», группами, институтами и процессами. Более существенными представляются процессы изменений в самой идентифи-

кационной матрице национального государства: проблемы трансформации пространства социальной идентичности (расширение/сужение/фрагментация), времени личностной и групповой идентификации (ускорение/замедление/разрыв), модели формирования гражданской идентичности (усложнение/упрощение) в конкретной стране. Полифоничность идентификационного пространства как системы (ее различных характеристик: сложности, множественности, пластичности, видимости) порождает новое качество системы «ускользание идентичности», размывание границ гражданского самоопределения.

В философских текстах слышны критические оценки положения человека в контексте современности. Последнюю принято обозначать как «сочетание процессов модернизации (разнородных в обществах переходного типа) и состояний модернити (характеризующих общества, где модернизацию принято считать завершившейся)» [18]. Современная эпоха характеризуется как «эра пустоты» [16], «время персонализации», тождество «индивидуальности и современности» [3, с. 45], эпоха исчезновения фигуры «чужого «Я», «отсутствия общества» в классическом понимании [9]. Без обращения к другому, «к иному» [5] люди теряют способность различать, «растождествляться» [18] с самим собой, качество столь необходимое для подлинной идентификации. Подчеркивается важность определения перспективы текущих, локальных и глобальных социокультурных трансформаций, а также важность учета ведущих общенаучных концептуализаций: «информационная эпоха», «множественные модерности», «текущая современность», «метамодернизм» [21] и т.п.

Культурологи и антропологи уже более полувека говорят о множественной идентификации в рамках концепции транскulturации, трактуя последнюю как процесс изменения материальной культуры, обычаев и верований определенной социокультурной группы, находящейся под продолжительным влиянием другой группы, носителем другой культурной традиции [30; 32]. Намеренно снимая замеченное в некоторых в научных работах игнорирование динамических властных асимметрий между господствующей и подавляемой культурами [31], другие ученые сегодня изучают множественные идентичности в рамках масштабного изменения архитектуры и оснований знания, вводя понятие «транскulturальной идентичности» [22; 29]. Однако, расширение зоны идентичности личности до глобальной возможно, но сопряжено с проблемой баланса между глобальной и национальной идентичностями в структуре национального самосознания. Независимо от способности элит и общества к социальной и политической рефлексии «эпоха разобщенности» диктует свои правила, когда национальные границы и раз-

личия размываются и вновь подлежат пересмотру, а в политических установках граждан различных стран намечается дефицит гражданственности. И Россия не является исключением.

В отечественном научном дискурсе проверены и подтверждены гипотезы о размывании оснований гражданственности, о дефиците способности всех институтов нашего общества вырабатывать «социальный клей» [17, с. 116], о фрагментации политического пространства и о прямой корреляционной зависимости между динамическими состояниями институциональной среды и гражданственностью [13; 19]. В зарубежных политологических исследованиях констатируется, что в современных государствах намечается тенденция гражданского дефицита [27], где интегральная характеристика картины мира личности ее гражданственность, становится маркером степени устойчивости/ослабления всего государства [28]. В то же время, несмотря на выявление в психолого-педагогических науках существенных деструктивных процессов в воспитании будущих граждан, «гражданственность и патриотизм» как ценности, основанные на социокультурных традициях нашей Родины и общей исторической памяти, не отрицаются, ученые сохраняют за ними функцию обеспечения необходимой государственной, социальной и культурной целостности России. В российских исследованиях поднимается проблема сохранения национальной самобытности, культурного кода страны [6] в условиях расширения зоны идентичности до глобальной. Чувствительной к социальным изменениям и уязвимой группой является молодежь, социализация которой все больше смещается в виртуальное пространство, а процесс самоопределения, гражданской идентификации имеет множественную детерминацию.

В этом контексте проблема идентичности, а применительно к государству и его гражданам проблема национально-государственной идентичности не только остается актуальной, но и ставит перед исследователем вопросы об адекватности критериев оценки устойчивости идентификационного профиля личности, группы, а также о возможности сохранения национально-государственной идентичности в быстро меняющейся реальности.

Целью работы являлось выявление степени выраженности у студенческой молодежи различных видов социальной идентичности, в том числе национально-государственной (далее будем ее обозначать российской), а также выявление влияющих на нее социальных и политических факторов. Мы полагаем продуктивным рассмотреть состояние российской идентичности как социально-психологическое явление, обладающее своей феноменологией, обусловленное историческим, культурным и социальным контекстом.

А в качестве маркера степени выраженности российской идентичности мы выбираем переменную «гражданственность», к которой современные исследователи обращаются с позиции различных направлений социально-гуманитарного знания как междисциплинарной категории, вкладывая в ее понимание всю совокупность характеристик духовного мира личности, интегрирующего в себе общечеловеческие ценности, социальную направленность мыслей субъекта, высокую политическую культуру, гражданскую активность, а также как важнейшее условие жизнестойкости общества и государства в целом [2; 12; 19, 23].

Специфика формирования российской идентичности обусловила многозначность терминологии, используемой в научной литературе и в публичном пространстве – «национальная идентичность», «государственная идентичность», «государственно-гражданская идентичность», «страновая идентичность», «гражданская идентичность», «общенациональная», «общегражданская». Различия в терминологии в известной мере связаны с разными подходами к пониманию интегрирующей общество идентичности [8]. Тем не менее, независимо от подхода к исследованию идентичности, роль национально-государственной идентичности – как важнейшего конституирующего элемента гражданской общности, основа группового самосознания, создающего из совокупности индивидов коллективного субъекта, неоспорима. Она интегратор населения страны и залог стабильного общества. Именно поэтому ослабление или утрата позитивной национально-государственной идентичности закрывает дискуссию о гражданственности, как важнейшем условии жизнестойкости общества и государства.

В социологической литературе этот идентификационный контекст, представленный У. Беком в метафорах увеличения неопределенности, непредсказуемости будущего, усиления роли случайности и рисков в жизни человека, детерминирует процесс самопроектирования личностью собственной идентичности, по сути «экспериментальную ситуацию» с неопределенным исходом [24]. Еще в начале XXI века известный российский социальный психолог Г.М. Андреева, говоря о «кризисе идентичности», определила его «как особое состояние сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность и, как следствие, свою привлекательность» [1, с. 266]. Поэтому кризис идентичности определялся не только как трудность в обозначении своей ниши в обществе, но и как «утрата позитивных представлений о своей группе и ценностных ориентиров» [1, с. 266-267].

Через глобальные угрозы и их социально-психологические последствия исследуются и проблемы современной молодежи. К таким проблемам, влияющих на формирование/размывание гражданственности относятся, в частности: усложнение и нестабильность социальной жизни; завышенные требования современного общества к новым поколениям; проблемы, связанные с самоидентификацией и адаптацией в иной этнокультурной среде.

Проблема восприятия себя и других, самосознания и самоопределения молодого человека в спектре идентичностей, обозначения своей ниши получила новое звучание в интерпретации американского социального психолога и одного из президентов Американской социологической ассоциации Чарльза Кули, его «зазеркальном Я». Процесс формирования «Мы-концепции» рассматривался как интеграция «образов и представлений группы о самой себе как едином субъекте» [14]. Социальная природа человека как общечеловеческий комплекс социальных чувств, установок, моральных норм, составляет универсальную духовную среду человеческой деятельности. В этой среде формируется особое социальное познание, «которое способно соединять видимое поведение с воображением соответствующих внутренних процессов сознания» [15]. В отечественной социальной психологии проблему обоснования различий обыденно-практического и теоретического уровней чувства «Мы» и «концепции Мы», а также их сопряженности плодотворно обосновал и развил советский и российский социальный психолог Нугзар Бетанели [4, с. 10-11]. Чувство «Мы» неразделимо с «концепцией Мы», являясь неосознанной ее частью, проявляющейся в критических ситуациях. «Мы - концепция», реализует человеческие потребности разных уровней и приводит к образованию новых видов концепций, тем самым сохраняя жизнеспособность общества и устойчивость государства.

В анализе идентификационных процессов применяются критерии, заложенные Л.М. Дробижевой в определение национальной, гражданско-государственной идентичности как «отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране» [7]. Поэтому в нашем исследовании для понимания направленности идентификационных процессов, влияющих на чувство гражданственности, будут проанализированы представления студенческой молодежи о стране, государстве, о себе и других как коллективном «мы», ощущение связи со своей страной и народом, отношение к социальным и политическим институтам, а также эмиграционные настроения.

В поле политологического рассмотрения гражданственности во внимание принимаются такие грани как связь чувствительности молодых людей к

социально-политическим проблемам и гражданской активности [36], влияние на гражданскую активность шокирующих событий, таких как «национальная политика», «международная политика», «социальная жизнь» и «социальная справедливость» [26]. Гражданственность изучается как процесс, сквозь призму восприятия и идентификации себя как членов национального сообщества, несмотря на различия в социальной и партийно-идеологической идентичностях [27]. В качестве одной из главных ролей в успешности этого процесса занимает так называемая гражданская грамотность, базовые знания (в частности, об истории США, конституции и Билле о правах, что формулируется в концепции членства в американском политическом сообществе). Отсутствие достаточных гражданских знаний, по мнению авторов, приводит к отчуждению от политического процесса [25; 34]. Но в маргинализированных сообществах (к примеру, афроамериканском сообществе Индианаполиса) формальное гражданское образование, даже если оно и проводится на хорошем уровне, может оказаться недостаточным для привлечения к более широкому гражданскому участию многих молодых людей [28]. В процессе личной и групповой идентификации формируются важнейшие функции гражданственности: чувство принадлежности, межличностного и институционального доверия, гражданской идентичности и гражданских добродетелей, эмпатии, гражданской и политической компетентности и ответственности *et multa alia* [17]. Поэтому сформированная в процессе социализации картина мира молодого человека включает в себя ее интегральную характеристику – гражданственность, которая становится маркером степени устойчивости всего государства.

Мы квалифицируем категорию «гражданственность» как социально-психологический феномен, который включает в себя степень осознания себя гражданином своей страны, самоотождествление с гражданами своей страны, связанная с этим совокупность лично значимых и одновременно социально-ценных переживаний и готовность личности следовать предписаниям морали и закона государства, готовность к служению обществу.

В своих предположениях о факторах сохранения российской национально-государственной идентичности, в основе которой заложен выбор человеком в качестве ориентира не только привлекательных для него материальных ценностей и ценностей социальных групп, идеологических ориентиров, политических проектов, но и эмоциональной и духовной связи со своей страной, мы опираемся на результаты исследований других переменных российской идентичности [35] и, предполагая аналогичные закономерности, выдвигаем следующие гипотезы:

Гипотеза 1. В среде российской студенческой молодежи доля самооценок своих ощущений как представителя своей страны, значимо преобладает над самооценками выраженности других видов идентичности.

Гипотеза 2. Самооценка студенческой молодежи своих ощущений по основанию видов социальной идентичности положительно связана с совокупностью представлений о Родине, с целостностью «мы-концепции», с уровнем социального самочувствия, а также сформированным в процессе социализации чувством гражданственности.

Гипотеза 3. Гражданственность как проекция идентичности сильнее всего выражена в группах студентов с доминирующей российской (национально-государственной) самоидентификацией и слабее в группах с уступающими видами самоидентификации.

Исследование носит междисциплинарный характер, его методологическую основу составляют следующие подходы: во-первых, подход символического интеракционизма [4; 14], объясняющий формирование «Мы-концепции» в процессе социального взаимодействия; во-вторых, этносоциологический подход к пониманию гражданско-государственной идентичности [7], позволяющий трактовать гражданственность как «разделяемые гражданами чувство принадлежности к своей стране и ее народу и ответственность за дела в стране».

В числе независимых переменных — объективные и субъективные характеристики студенческой молодежи: удовлетворенность жизнью, уверенность в завтрашнем дне, отношение к политическим институтам, политические установки, способы реализации роли гражданина страны, восприятие Родины, а также контрольные переменные пол, возраст. Зависимая переменная — самооценка степени ощущения себя представителем той или иной общности по основанию десяти видов социальной идентичности, имеет интервальную шкалу.

Социологическое исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» проводилось Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле-мае 2023 года методом интернет-опроса в 31 субъектах РФ из всех федеральных округов. Эмпирическим объектом исследования выступало студенчество России. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. После ремонта выборки объем выборочной совокупности составил 6 757 респондентов.

В анкете опроса включены блоки вопросов, отражающие восприятие респондентами социально-политической ситуации в России. В инструментари использованы в своём большинстве закрытые вопросы с предлагаемыми вариантами. Для каждого вопроса были построены частотные распределения. При обработке данных вначале были рассчитаны описательные статистики для зависимой переменной – самооценка студенческой молодежи по видам социальной идентичности. Выяснялось по 5-балльной шкале (где 1 балл – очень слабо ощущаю, 5 – очень сильно ощущаю), кем и в какой степени респонденты ощущают себя: 1) жителем (представителем) поселка, города, региона, где родился и вырос, 2) жителем города, где живу сейчас, 3) членом субрегионального сообщества (сибиряк, южанин, кавказец, житель Дальнего Востока, Арктики, волжанин, уралец и т.д.), 4) представителем своей национальности, этноса, 5) россиянином, 6) европейцем, 7) азиатом, 8) евразийцем, 9) человеком мира, 10) человеком виртуального пространства (интернета).

Гипотезы сначала проверялись на парных распределениях. Затем для выявления связи между зависимой и независимыми переменными применялся метод многомерного статистического анализа данных, парный регрессионный анализ. Для вычисления доли вариации зависимой переменной, объясняемой независимыми переменными, исчислялся коэффициент детерминации R-квадрат (R^2). Для анализа данных была использована программа SPSS.25.

Описательные статистики. В самооценке своих ощущений у молодежи доминирует российская идентичность (4,03 балла из максимальных 5 баллов). Можем предположить, что в данном случае ощущение себя россиянином включает ассоциации не только с территорией страны, но и с государством, а также с ее народом. В этом случае можно говорить о гражданской идентификации студенчества (Рис. 1.), степень устойчивости которой и мотивы самоопределения требуют дополнительной проверки.

Рисунок 1 – Самооценка студенческой молодежи по видам социальной идентичности

(Вопрос: «Оцените, пожалуйста, по 5-балльной шкале, кем и в какой степени Вы ощущаете себя, где 1 балл – очень слабо ощущаю, 5 – очень сильно ощущаю», РФ, 2023, N=6757, % от числа опрошенных)

Полученные результаты не подтвердили в полной мере гипотезу 1, поскольку среди студенческой молодежи доля высокой самооценки ощущений как представителя своей страны, хотя и преобладает над долей самооценок выраженности других видов идентичности, но не значимо. Поэтому для дальнейшего анализа нами были взяты кроме национально-государственной (обозначаемой в тексте и таблицах как российская) и другие виды социальной идентичности: локальная, этническая, а также территориально-страновая и виртуальная. Вместе с тем, сравнение значений самооценки идентичности студентов в результатах исследования «Студенты России...» с данными другого социологического исследования ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живёшь, Россия?», проведенного в том же году, показывает меньшую связь со своей страной студенческой молодежи в сравнении с другими возрастными группами (студенты ощущают себя россиянами на 4,03 балла по сравнению с 4,5 баллами в ощущениях респондентов других возрастных групп). В то же время студенческой молодежи в большей мере свойственно ощущение себя человеком мира (3,08 балла), чем респондентам всех возрастов (2,6 балла) – [11, с. 65].

Преобладание значений мировой самоидентификации в сознании молодежи по сравнению с другими возрастными категориями респондентов фиксировалось и ранее по другим авторским исследованиям, в которых применялась 10-балльная шкала оценки степени выраженности идентичности. А показатель «гражданин России» в исследованиях российских аналитических центров, хотя и имел доминирующие значения, но постепенно снижался. В качестве гипотезы можно было бы предположить, что некоторое снижение долей респондентов, ощущающих себя в большей мере гражданами своей страны связаны в первую очередь с тем, что Россия весьма неоднородна. Именно ее этническая, географическая и т.п. неоднородность накладывает отпечаток на характер территориальной идентичности граждан. Это затрудняет развитие установок на общестрановую (российскую) идентичность и может быть одним из факторов дезинтеграции. Однако, мы исследуем российскую идентичность, вкладывая в понимание этого феномена не только осознание ощущения человеком своей принадлежности к тому или иному государству, территории, отождествление себя с определенной нацией, на основании которых формируются поведенческие модели в рамках государственности [10, с. 6], но и «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране» [7].

Ощущение себя представителем своей страны основано, как правило, на отношении к ней как исключительно близкой, родной, а ценности, традиции, нормы жизни которой принимаются как безусловные. Образ Родины как бы «зашит» в «Я-концепции» и «Мы-концепции» гражданина страны, якорится в «ядре» социальных представлений. Анализ представлений респондентов о локусе Родины в структуре «Я-концепции» позволяет говорить об устойчивости «ядра» и доминировании пророссийских (патриотических) настроений среди молодежи. Больше половины респондентов (60,6%) считают Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране (табл. 1). Тем не менее, почти пятая часть студенчества определяют для себя место Родины по принципу комфорта (для них Родина там, где комфортно, хорошо жить, независимо от того, где родился – 17,0%).

Таблица 1. Распределение суждений о месте Родины (Выбор одного из суждений на вопрос «Где твоя Родина?», РФ, 2023, N=6757, % от числа опрошенных)

60,6	«Я считаю Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране»
7,6	«Я хотел бы считать Россию своей Родиной, при условии, что в ней жить будет лучше, чем в других странах»
17,0	«Для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился»
7,1	«Я думал об этом, но пока затрудняюсь ответить»
7,7	«Я не задумывался над этим вопросом»

Источник: проект ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России....», апрель-май, 2023

Ученые из Башкирского государственного университета по результатам своих исследований 2020 года (опрос проводился среди выпускников вузов Республик Башкортостан, Татарстан, Алтайского края и Белгородской области, респонденты от 14 до 35 лет) делали вывод о том, что «конструирование концепта «Родина» через призму индивидуальных интересов и потребностей примерно третью частью респондентов является общей чертой для всех демографических и этнических групп молодежи [20, с. 119-120]. Более того, сравнение данных опросов по Республике Башкортостан 2016 года и 2020 года показало некоторое увеличение доли респондентов, для которых понятие «Родина» связано с личным благополучием. Результаты нашего исследования показали более сдержанную картину: только около пятой части респондентов продемонстрировали потребительские настроения в отношении понятия «Родина», тогда как больше половины – безусловную любовь к России как своей Родине, независимо от условий жизни. Полагаем, что оценки места Родины в сознании молодежи предположительно зависят от эмиграционных настроений студенчества. Таблицы сопряженности показали, что восприятие Родины и намерений студентов после завершения обучения жить за рубежом имеет определенную связь. В структуре профилей отношения к Родине эмиграционные настроения выглядят соответственно степени выраженности потребительских интересов (Рис. 2).

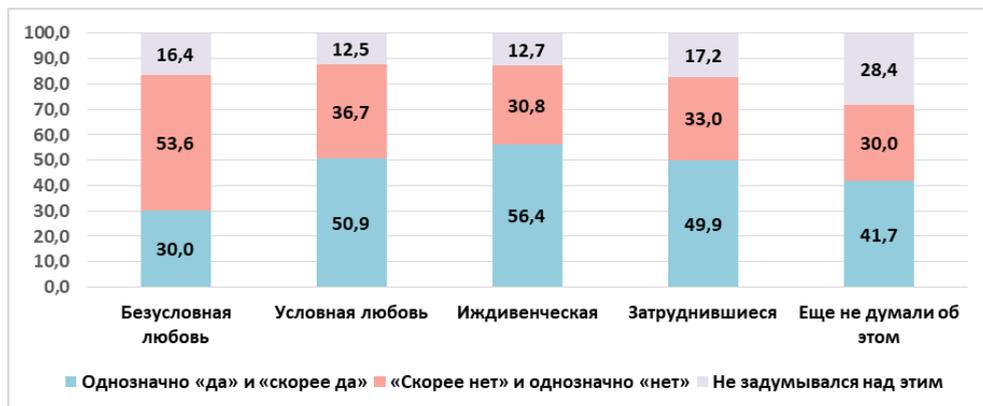

Рисунок 2 – Эмиграционные настроения молодежи в структуре профилей отношений к Родине (выбор одного из суждений на вопрос «Где твоя Родина?», ответы на вопрос «Есть ли у вас намерение после окончания вуза жить за рубежом», % от числа опрошенных)

В тоже время для большей части студентов эмиграционные настроения не связаны с восприятием Родины, как места, где комфортно жить. Среди тех, кто после окончания вуза намерен жить за рубежом (ответили однозначно «да» и «скорее да» на вопрос «Есть ли у вас намерение после окончания вуза жить за рубежом» - 47,4%), а таких почти половина ответивших, считают Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране (табл. 2).

Таблица 2. Зависимость оценок места Родины в «Мы-концепции» молодежи от эмиграционных настроений (выбор одного из суждений на вопрос «Где твоя Родина?», ответы на вопрос «Есть ли у вас намерение после окончания вуза жить за рубежом», РФ, 2023, % от числа опрошенных)

Есть ли у вас намерение после окончания вуза жить за рубежом	Где твоя Родина?					Всего
	Безусловная любовь	Условная любовь	Потребительская любовь	Не определившиеся	Еще не думали об этом	
Однозначно «да» и «скорее да»	47,4	10,1	25,0	9,2	8,4	100,0
«Скорее нет» и однозначно «нет»	72,0	6,2	11,6	5,2	5,1	100,0

Причины эмиграционных настроений, на которые указали студенты, расположились следующим образом:

59,2	Из интереса, хочу посмотреть мир
32,8	Не устраивает уровень зарплат в России
20,3	Хочу найти новых друзей за рубежом
19,6	Не устраивает общественно-политический курс страны
18,0	В России мало перспектив для карьерного роста
11,3	Планирую дальше учиться за рубежом
8,5	Хочу удачно выйти замуж или жениться за рубежом
8,4	Хочу получить другое гражданство
6,8	Мало развлечений в России
4,8	В России нет нужной вакансии

Группировка причин эмиграционных настроений студенческой молодежи по совокупности выбора ответов показала, что на первом месте у нее находятся прагматично-развлекательные мотивы = 94,8% (посмотреть мир, найти новых друзей, удачно выйти замуж, жениться, найти развлечения). На втором месте мотивы профессионального становления = 34,1% (перспективы карьерного роста, учеба за рубежом, поиск соответствующей вакансии). На третьем месте материальные мотивы = 32,8% (уровень зарплат). На четвертом месте – общественно-политические = 19,6% (соответствующий общественно-политический курс страны).

Таблицы парных распределений зависимости степени самоидентификации от социального самочувствия респондентов показали, что степень ощущения себя россиянином прямо пропорциональна степени удовлетворенности жизнью в России. Чем полнее удовлетворенность жизнью в России, тем сильнее ощущения себя россиянином (среди полностью удовлетворенных жизнью в России 75,7% респондентов в высокой степени (на 5 баллов из пяти) ощущают себя россиянами). Среди полностью не удовлетворенных жизнью в России 22,2% респондентов высоко оценили свою российскую идентичность, а 29,3% отметили очень слабые ощущения связи со своей страной (Рис. 3).

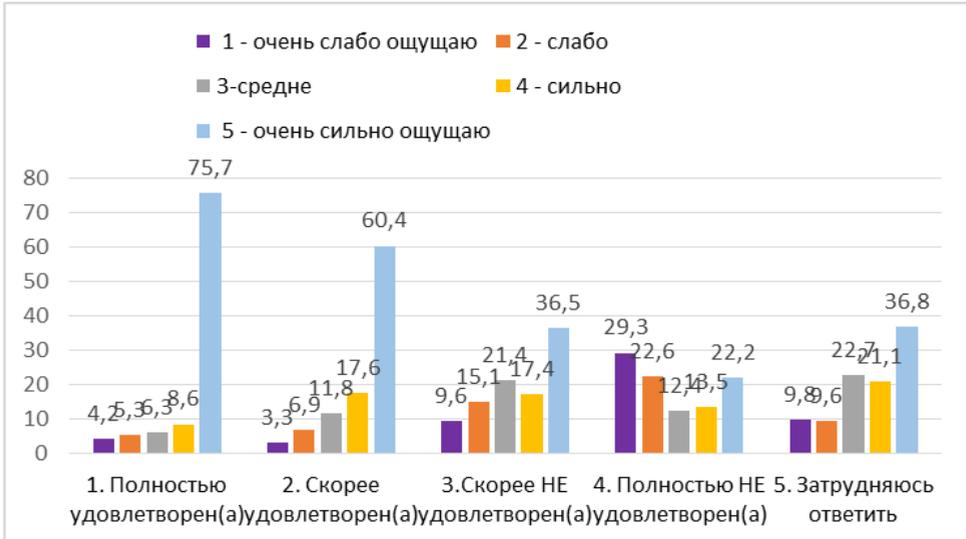

Рисунок 3 – Зависимость степени российской самоидентификации от уровня удовлетворенности жизнью в России (ответы на вопрос: «В какой степени Вы ощущаете себя: россиянином», где 1 балл – очень слабо ощущаю, 5 – очень сильно ощущаю. Ответы на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в Российской Федерации?», РФ, 2023, % от числа опрошенных)

Такая же связь самооценки российской идентичности со степенью уверенности в завтрашнем дне (Рис. 4). Отличие состоит только в том, что даже 36,8% совершенно не уверенных в завтрашнем дне все равно отдают предпочтение российской идентичности по сравнению с другими видами социальной идентификации.

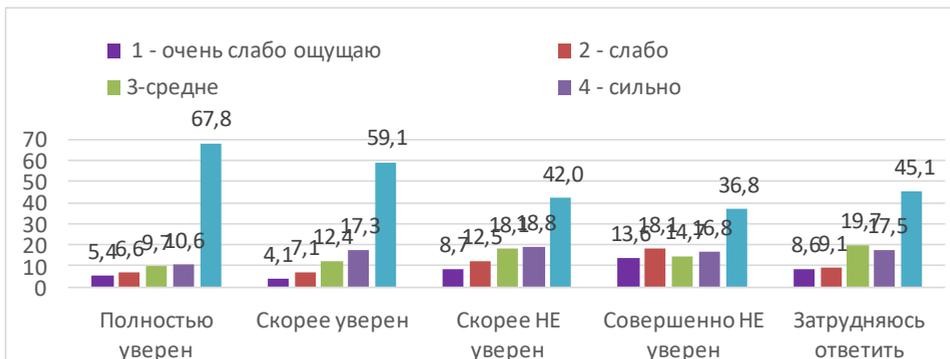

Рисунок 4 – Зависимость степени российской самоидентификации от степени уверенности в завтрашнем дне (ответы на вопрос: «В какой степени Вы ощущаете себя: россиянином», где 1 балл – очень слабо ощущаю, 5 – очень сильно ощущаю. Ответы на вопрос «Насколько Вы уверены в завтрашнем дне?», РФ, 2023, % от числа опрошенных)

На первый взгляд, гипотеза 2 подтверждается. Самооценка студенческой молодежью степени выраженности различных видов их социальной идентичности положительно связана с совокупностью представлений о Родине, с целостностью «мы-концепции», с уровнем социального самочувствия и уверенности в завтрашнем дне. Но остается вопрос, по каким причинам доминирует российская идентификация даже среди тех, кто скорее не уверен (42,0%) и совершенно не уверен (36,8%) в завтрашнем дне? По каким причинам 47,4% студентов однозначно и скорее решивших уехать из страны по окончании вузов считают Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране? Можем ли мы определенно сказать, что у них сформировано в процессе социализации чувство гражданственности как проекция идентичности? Если да, то почему почти у пятой части молодежи сформировалась потребительская позиция в отношении Родины (17% отметили «для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился»)? И можем ли мы объяснить устойчивость связи степени выраженности идентичности с чувством гражданственности, а также политическими установками и различными формами гражданского участия?

Предположим, что связь между степенью идентификации со своей страной и нематериальными факторами гражданственности линейная, и сформулируем гипотезу 3 следующим образом. Гражданственность как проекция идентичности сильнее всего выражена в группах студентов с доминирующим национально-государственным (российским) типом самоидентификации и слабее в группах с уступающими видами самоидентификации.

Для проверки гипотезы проведем расчеты тесноты этой связи с применением процедуры регрессионного анализа. Для измерения связи между зависимой переменной (виды социальной идентичности) и несколькими независимыми переменными воспользуемся процедурой линейного (парного) регрессионного анализа. В качестве зависимой переменной выступает идентификационный параметр, в качестве независимых – следующие переменные: удовлетворенность жизнью, уверенность в завтрашнем дне, отношение к политическим институтам, формы политического участия, гражданская активность.

Воспроизведем первую часть гипотезы 2. Самоидентификация как россиянина зависит от степени удовлетворенности жизнью в РФ. Зависимая переменная – российская идентичность, а 1-я независимая переменная – степень удовлетворенностью жизнью в РФ. Для проверки гипотезы сначала оценим надежность модели, затем проведем оценку коэффициента детерминации,

уровня значимости, статистики F, коэффициентов регрессии. В нашем случае уровень значимости $p=0,000$. Это указывает на то, что регрессионная модель в целом статистически значима, т.е. модель лучше соответствует данным, чем модель без переменных-предикторов. Об этом же свидетельствуют показатели из следующей таблицы коэффициентов регрессии (табл. 3).

Таблица 3. Оценка коэффициента регрессии

Предиктор	B	SE	β	t	p
5. Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в России?	-0,518	0,020	-0,316	-25,722	0,000
а. Зависимая переменная: 4.5. В какой степени ощущаете себя: россиянином					

Подобренные простые модели линейной регрессии достоверно не предсказали тесную линейную зависимость между переменными-предикторами (уверенностью в завтрашнем дне; готовность к защите своих интересов) и переменной-ответом (степенью ощущения себя россиянином). Поэтому целесообразным решением стало построение модели множественной пошаговой регрессии для количественной оценки взаимосвязи между несколькими переменными-предикторами и переменной отклика.

В качестве зависимой переменной по-прежнему остается «степень ощущения себя россиянином» (шкала интервальная), в качестве независимых переменных выбрали «удовлетворенность своей жизнью в Российской Федерации» (порядковая шкала), «уверенность в завтрашнем дне» (порядковая шкала), «отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам» (номинальные дихотомические шкалы).

Многомерный пошаговый регрессионный анализ показал, что общая высокая или низкая степень самооценки своих ощущений по отношению к тому или иному виду социальной идентичности связана с разным субъективным отношением к социальным и политическим институтам, а также с психологическим состоянием респондентов.

Так, предикторами высокой степени самооценки российской идентичности ($R=0,353$; $R^2=0,124$; $F=18,03$, при $p<0,001$) является удовлетворенность своей жизнью в России ($\beta=0,250$) и уверенность в завтрашнем дне ($\beta=0,381$). Высокая степень самооценки идентичности как «гражданина мира» связана ($R=0,561$; $R^2=0,315$; $F=6,45$, при $p<0,000$) с недоверием политическим партиям, движениям ($\beta = - 0,350$), полиции, суду, прокуратуре ($\beta = - 0,213$), церкви ($\beta = - 0,204$) и с не очень высоким доверием Президенту РФ ($\beta=0,039$) и Правительству РФ ($\beta=0,012$), значимость p не ниже $p<0,01$.

Анализ размещения объектов оценки (независимых переменных) в построенных пространствах видов идентичности показал, что гражданская установка на защиту своих интересов выражена весьма слабо. В целом по выборке треть респондентов заявили о защищенности своих интересов. Отвечая на вопрос «Скажите, что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?», 30,1% респондентов отметили вариант «Мои интересы достаточно защищены», а 32,4% - затруднились ответить. При этом в пространстве идентичностей самую высокую степень защищенности своих интересов продемонстрировали российские (37,6%) и этнические (37,3%) идентифициары. Примерно в равной мере (не превышая 25-29%) затруднились с ответом респонденты, отождествлявшие себя с разными видами идентичности. Таким образом, в пространстве идентичностей представители каждого вида примерно в 50% случаев не имеют намерений защищать свои интересы.

Готовность же предпринимать какие-либо действия в защиту своих интересов у студенческой молодежи имеется, но выражена очень слабо (рис. 5).

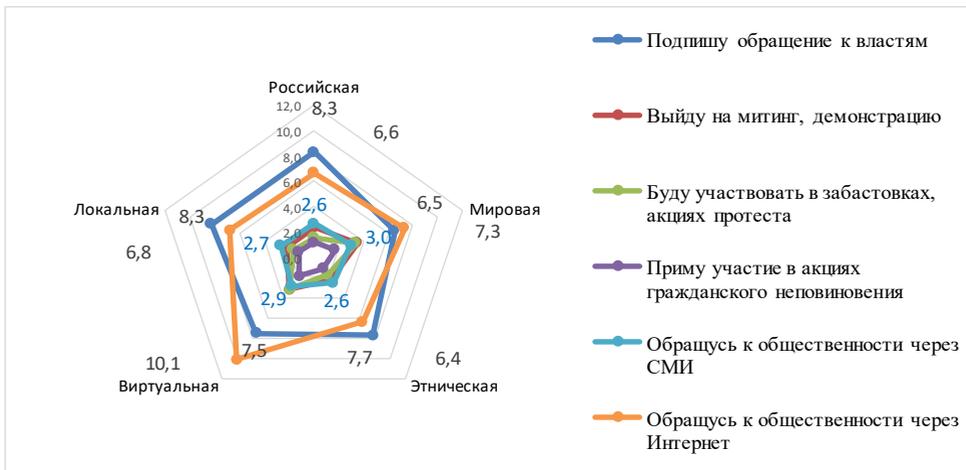

Рисунок 5 – Формы участия для защиты своих интересов в пространстве видов социальной идентичности

Формы участия студенческой молодежи среди всех видов социальной идентичности разделились на две группы: пассивную и активную. В большей мере молодежь склонна к пассивным формам участия – обращение к общественности через интернет и подписание обращений к власти. К форме участия через обращение к общественности в интернете в большей мере склонны те, кто отождествляют себя с «человеком виртуального простран-

ства» (10,1%) и «человеком мира» (7,3%). Скорее готовы подписывать обращения к властям российские (те, кто в большей степени считает себя россиянином) и локальные (те, кто считает себя представителем поселка, города, региона, где родился и вырос) идентифициары в равной мере (по 8,3% соответственно). Готовность же предпринимать какие-либо активные политические действия в защиту своих интересов среди молодых представителей всех видов идентичности не превышает 3%.

Молодежь студенческая в основном пассивна. Если молодые люди и проявляют гражданскую активность, то в основном в тех видах деятельности, которые связаны с благотворительностью, волонтерством, праздниками. В целом по выборке за последний год студенты регулярно принимали участие в выборах (11,2%), волонтерской работе (10,9%), в проведении массовых мероприятий, в том числе в олимпиадах, универсиадах, городских праздниках и т.п. (10,7%), в благотворительных акциях, включая денежные пожертвования нуждающимся (9,5%), в общественных работах по месту жительства, в том числе в субботниках, мероприятиях по благоустройству дома, в собрании жильцов и т.п. (9,0%).

В пространстве идентичностей регулярное участие студентов в различных формах гражданской активности не превышает 14% - барьер (рис. 6).

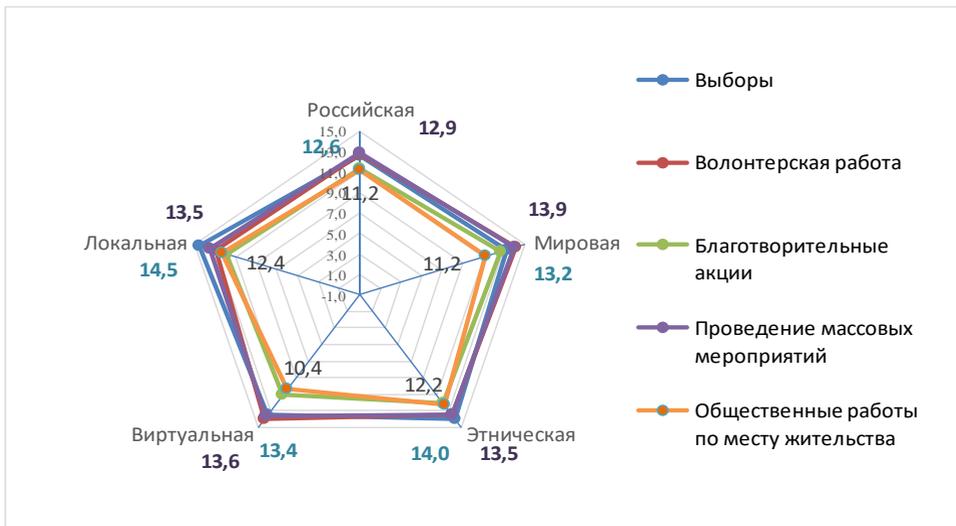

Рисунок 6 – Формы регулярной гражданской активности студенческой молодежи в пространстве видов социальной идентичности

Представители локальной идентичности за последний год регулярно принимали участие в таких формах активности как избирательные кампании (13,5%), а представители всех других видов идентичности чаще принимали участие в проведении массовых мероприятий, включая олимпиады, универсиады, городские праздники и т.п. (от 12,9% у представителей российской идентичности до 13,9% у представителей мировой идентичности). Ответственные работы по месту жительства в спектре гражданской активности среди представителей всех видов социальной идентичности выражены меньше всего (от 10,4% у представителей виртуального пространства до 12,4% у представителей локальных сообществ).

Таким образом, гипотеза 3 – не подтвердилась. Гражданственность как проекция идентичности не выражена сильнее в группах студентов с доминирующей российской самоидентификацией, а гражданская активность в различных формах в большей мере выражена в группах с уступающими видами самоидентификации (мировой, виртуальной, локальной, этнической).

Можно заключить, что в целом слабовыраженная гражданская активность студенческой молодежи, в частности, в намерении защищать свои интересы, связана в действительности с вполне благополучным материальным положением молодых людей, не накопивших еще проблем экономического, хозяйственного, семейного планов. Возможно, это связано, с одной стороны, с защищенностью их интересов со стороны институтов семьи, университетов, власти, а также с еще не вполне осознанным проблемным полем экономического и политического контекстов, с недостаточной степенью оформленности и осознанности своих социальных интересов. К тому же, современная геополитическая ситуация противостояния России и коллективного Запада, а также тревожная внутривнутриполитическая ситуация являются в какой-то мере сдерживающими факторами: политические процессы вошли в инерционную стадию, социальные процессы воспринимаются как неопределенные. При относительной поддержке политического и экономического курсов страны в молодежной среде сохраняется потребность изменений с надеждой на сохранение стабильности, а фактор внешней угрозы формирует в обществе адаптационный механизм к ситуации неопределенности.

Гражданственность как проекция идентичности на нравственно-духовный стержень личности не выражена сильнее в группах студентов с доминирующей российской самоидентификацией. Оказалось, что существует неоднозначная связь самооценок принадлежности к различным видам социальной идентичности студенческой молодежи с чувством гражданственности. В частности, определена положительная связь российской идентификации с уверенностью в завтрашнем дне, удовлетворенностью жизнью в своей

стране, а также отрицательная связь идентификации как «граждан мира» с отношением к некоторым политическим институтам, с политическими и гражданскими установками.

Мы делаем вывод о наметившемся процессе трансформации пространства идентичностей в восприятии российской студенческой молодежи, стирании границ между различными видами идентичности, расширении зоны идентификации до глобальной, о противоречивом (и при этом отстраненно негативном, и обостренно позитивном) чувстве гражданственности, и в тоже время адекватности оценок ситуации, сопряженных с пассивностью гражданских установок молодежи в пространстве пяти видов социальной идентичности. Выводы порождают также гипотезу о начавшемся процессе ослабления степени идентификации и противоречивости ее факторов. Эти и другие оставшиеся без ответа вопросы требуют после проведения коррекции гипотез нового этапа исследования по скорректированному инструментарию.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. Москва, 2000. 288 с.
2. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: На пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. №1. С. 65-85
3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер. 2008. 240 с.
4. Бетанели Н.И. «Я» и «Мы»: концепции индивидуального и общественного сознания: автореф. дис... канд. психолог, наук. Тбилиси. 1985. 21 с.
5. Бодрийяр Ж. Сблззн. Пер. с фр. Алексея Гараджи. Москва. 2000. 317 с.
6. Грищенко Ж.М., Сиверцев Ю.Г. Проблема культурного кода в социологическом измерении // Наука. Культура. Общество. 2020. №2. С. 45-52.
7. Дробижева Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. №4. С. 7-22.
8. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. №8. С. 37–50.
9. Жижжек С. Внутренняя трансгрессия // Кабинет: Картины мира Ё / Пер. с англ. А. Матвеевой. СПб.: Скифия, 2001. С. 183-200.
10. Зазнаев О.И. Национально-государственная идентичность: зарубежный опыт и Россия / Политическая идентичность и политика идентичности: очерки. Казань: Отечество, 2011. 229 с.
11. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с.
12. Князев А.М., Сорокин В.С. Гражданственность. Москва: Граница, 2013. 399 с.
13. Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы (отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова). 2018. Москва: Политическая энциклопедия. 262 с.
14. Кули Ч.Х. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2019. 234 с.
15. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок = Human nature and the social order. Москва: Идея-Пресс: Дом интеллект. кн., 2000. 309 с.
16. Липовецки Ж. Эра пустоты. Изд-во «Владимир Даль». 2001. 336 с.

17. Недяк И.Л. Гражданственность в восприятии и установках россиян как фактор социетальной (дез)интеграции // *Власть*. 2022. №5. С. 111-118.
18. Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // *Вопросы социальной теории*. 2010. Т. 4. С. 87-111.
19. Патрушев С.В., Кучинов А.М., Мирясова О.А., Недяк И.Л., Павлова Т.В., Филлипова Л.Е. Формирование гражданской ответственности в России // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. № 1. С. 27-47.
20. Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения / Под ред. д-ра социол. наук. проф. Шайхисламова Р.Б. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 228 с.
21. Современные тенденции в антропологических исследованиях // *Антропологический форум*. 2014. №1. С. 6-101.
22. Тлостанова М.В. Множественная идентичность в контексте концепции транскulturации // *Личность. Культура. Общество*. 2010. Т. 12. № 4 (59-60). С. 142-156.
23. Филонов Г.Н. Гражданское воспитание: реальность и тенденции развития / Г.Н. Филонов II Педагогика. 1999. № 8. С. 45-51
24. Beck U. *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge, Malden: Polity. 2006.
25. David L. Stocum. Reflections on Scientific Literacy, Worldviews, and Education // *Journal of Civic Literacy*. 2015. Volume 2. Issue 1. P. 4-23.
26. Galston, W.A. Civic education and political participation. PS: Political Science & Politics. 2004. №37(2). P. 263-266.
27. Heather A. McCabe, Sheila S. Kennedy. Civic Identity, Civic Deficit: The Unanswered Questions // *Journal of Civic Literacy*. 2014. Volume 1. Issue 1. P. 1-7.
28. Johari R. Shuck, Robert J. Helfenbein. Civic Identity, Public Education, and the African-American Community in Indianapolis: Mending the Fracture // *Journal of Civic Literacy*. 2015. Volume 2. Issue 1. P. 24-42.
29. Koobak R., Tlostanova M, Thapar-Björkert S. Introduction: uneasy affinities between the postcolonial and the postsocialist // *Postcolonial and postsocialist dialogues: intersections, opacities, challenges in feminist theorizing and practice*. 2021. P. 1-10.
30. Malinowski B. *A Scientific Theory of Culture and other Essays*. Chapel Hill. 1944.
31. Malinowski B. The Pan-African Problem of Culture Contact. *American Journal of Sociology*. 1943. Vol. 48(6), pp. 649-665.
32. Ortiz F. *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*. Durham, 1995, pp. LVII-LXIV.
33. Rudrum D., Stavris N. *Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century*. (I Ed.) by D. Rudrum, N. Stavris. NY.: Bloomsbury Academic, 2015. 400 p.
34. Schudson M. *The good citizen: A history of American civic life*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1999. 390 p.
35. Shabrov O.F., Sashchenko N.P., Hayat M. Education as an institution of national identity formation. SHS Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference "Solovyov Historical and Philosophical Readings. Russian and Foreign Experience in the System of Humanities Education: History, Modernity, Prospects" 2020. Moscow, 2021. P. 01001.
36. Zlobina A., Celeste M., Zapater M. Are Today's Young People Active Citizens? A Study of Their Sensitivity to Socio-Political Issues and Their Social Participation. *Journal of Social and Political Psychology*, 2024, Vol. 12(1), P. 5-22.

References

1. Andreeva G.M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya*. Moskva, 2000. 288 s.
2. Asmolov A.G. Strategiya sotsiokul'turnoi modernizatsii obrazovaniya: Na puti k preodoleniyu krizisa identichnosti i postroeniyu grazhdanskogo obshchestva. *Voprosy obrazovaniya*. 2008. №1. S. 65-85
3. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'*. SPb.: Piter. 2008. 240 s.
4. Betaneli N.I. «Ya» i «MY»: kontseptsii individual'nogo i obshchestvennogo soznaniya: avtoref. dis... kand. psikholog, nauk. Tbilisi. 1985. 21 s.
5. Bodriyay Zh. *Soblazn*. Per. s fr. Alekseye Garadzhi. Moskva. 2000. 317 s.
6. Grishchenko Zh.M., Sivertsev Yu.G. Problema kul'turnogo koda v sotsiologicheskom izmenenii. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2020. №2. S. 45-52.

7. Drobizheva L.M. Dinamika grazhdanskoi identichnosti i ee resurs v pozitivnykh integratsionnykh protsessakh rossiiskogo obshchestva. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2017. №4. S. 7-22.
8. Drobizheva L.M. Rossiiskaya identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2020. №8. S. 37-50.
9. Zhizhzhuk S. Vnutrennyaya transgressiya. Kabinet: Kartiny mira E / Per. s angl. A. Matvevoi. SPb.: Skifiya, 2001. S. 183-200.
10. Zaznaev O.I. Natsional'no-gosudarstvennaya identichnost': zarubezhnyi opyt i Rossiya / Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: ocherki. Kazan': Otechestvo, 2011. 229 s.
11. Kak zhivesh', Rossiya? Ekspres-informatsiya. 53 etap sotsiologicheskogo monitoringa, iyun' 2023 goda. V.K. Levashev, N.M. Velikaya, I.S. Shushpanova; FNISTs RAN. Moskva: FNISTs RAN, 2023. 91 s.
12. Knyazev A.M., Sorokin V.S. Grazhdanstvennost'. Moskva: Granitsa, 2013. 399 s.
13. Konstituirovaniye sovremennoi politiki v Rossii: institutsional'nye problemy (otv. red. S.V. Patrushev, L.E. Filippova). 2018. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. 262 s.
14. Kuli Ch.Kh. Izbrannoe: Sb. perevodov / RAN. INION. Tsentr sotsial. nauchn.-inform. issledovaniy. Otd. sotsiologii i sotsial'noi psikhologii; Sost. i perevodchik V. G. Nikolaev; Otv. red. D.V. Efremenko. M., 2019. 234 s.
15. Kuli Ch.Kh. Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyi poryadok = Human nature and the social order. Moskva: Ideya-Press: Dom intellekt. kn., 2000. 309 s.
16. Lipovetski Zh. Era pustoty. Izd-vo «Vladimir Dal'». 2001. 336 s.
17. Nedyak I.L. Grazhdanstvennost' v vospriyatii i ustanovkakh rossiyan kak faktor sotsial'noi (dez)integratsii. Vlast'. 2022. №5. S. 111-118.
18. Orlova E.A. Kontseptsii identichnosti/identifikatsii v sotsial'no-nauchnom znanii. Voprosy sotsial'noi teorii. 2010. T. 4. S. 87-111.
19. Patrushev S.V., Kuchinov A.M., Miryasova O.A., Nedyak I.L., Pavlova T.V., Filippova L.E. Formirovaniye grazhdanskoi otvetstvennosti v Rossii. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2020. № 1. S. 27-47.
20. Pokolenie Z: mnogoobrazie identichnostei, orientatsii, povedeniya / Pod red. d-ra sotsiol. nauk. prof. Shaikhislamova R.B. Ufa: RITs BashGU, 2021. 228 s.
21. Sovremennyye tendentsii v antropologicheskikh issledovaniyakh. Antropologicheskii forum. 2014. №1. S. 6-101.
22. Tlostanova M.V. Mnozhestvennaya identichnost' v kontekste kontseptsii transkul'turatsii. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2010. T. 12. № 4 (59-60). S. 142-156.
23. Filonov G.N. Grazhdanskoe vospitanie: real'nost' i tendentsii razvitiya / G.N. Filonov II Pedagogika. 1999. № 8. S. 45-51
24. Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge, Malden: Polity. 2006.
25. David L. Stocum. Reflections on Scientific Literacy, Worldviews, and Education // Journal of Civic Literacy. 2015. Volume 2. Issue 1. P. 4-23.
26. Galston, W.A. Civic education and political participation. PS: Political Science & Politics. 2004. №37(2). P. 263-266.
27. Heather A. McCabe, Sheila S. Kennedy. Civic Identity, Civic Deficit: The Unanswered Questions // Journal of Civic Literacy. 2014. Volume 1. Issue 1. P. 1-7.
28. Johari R. Shuck, Robert J. Helfenbein. Civic Identity, Public Education, and the African-American Community in Indianapolis: Mending the Fracture // Journal of Civic Literacy. 2015. Volume 2. Issue 1. P. 24-42.
29. Koobak R., Tlostanova M, Thapar-Björkert S. Introduction: uneasy affinities between the postcolonial and the postsocialist // Postcolonial and postsocialist dialogues: inter-sections, opacities, challenges in feminist theorizing and practice. 2021. P. 1-10.
30. Malinowski B. A Scientific Theory of Culture and other Essays. Chapel Hill. 1944.
31. Malinowski B. The Pan-African Problem of Culture Contact. American Journal of Sociology. 1943. Vol. 48(6), pp. 649-665.
32. Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, 1995, pp. LVII-LXIV.
33. Rudrum D., Stavris N. Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century. (1 Ed.) by D. Rudrum, N. Stavris. NY.: Bloomsbury Academic, 2015. 400 p.
34. Schudson M. The good citizen: A history of American civic life. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1999. 390 p.
35. Shabrov O.F., Sashchenko N.P., Hayat M. Education as an institution of national identity formation. SHS Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference "Solovyov Historical and Philosophical Readings. Russian and Foreign Experience in the System of Humanities Education: History, Modernity, Prospects" 2020. Moscow, 2021. P. 01001.
36. Zlobina A., Celeste M., Zapater M. Are Today's Young People Active Citizens? A Study of Their Sensitivity to Socio-Political Issues and Their Social Participation. Journal of Social and Political Psychology, 2024, Vol. 12(1), P. 5-22.

СТАТЬИ

**В.Ю. Лебедев,
А.М. Прилуцкий**

**V. Lebedev,
A. Prilutsky**

«МЛАДОСТАРЧЕСТВО» В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПОСТПЕРЕСТРОЙКИ

«MLADOSTARCHESTVO» IN THE CONTEXT OF CHURCH POLICY OF POST-PERESTROIKA

Аннотация

В статье рассматривается такой феномен церковного развития в наше время, как «младостарчество». «Младостарчество» трактуется как злоупотребление властью со стороны духовно неопытного духовенства и отношений, основанных на авторитете, который верующие воспринимают как власть духовника. Будучи феноменом внутрицерковных отношений и сложным явлением религиозной культуры, младостарчество нельзя рассматривать вне того социального контекста, в котором происходило восстановление и развитие церковных институтов постсоветского и постатеистического общества нач. 1990-х-нач. 2010 гг. В данной статье представлен результат анализа данного явления в контексте внутренней церковной политики Русской Православной Церкви в послеперестроечное время. Авторами выявлены семантические компоненты явления, такие как расширительная семиотизация возраста и возможность расширительной трактовки понятия духовничество. В условиях постперестроечной России Русская Православная Церковь решала две основные внутривластные задачи: активное открытие храмов и монастырей, и выстраивание диалога с органами власти и местного самоуправления. В условиях значительного экстенсивного развития епархиальных структур это привело к кадровому кризису: требования к кандидатам на священнические должности, причем как образовательные, так и канониче-

Abstract

The article examines such phenomenon of church development in modern times as «mladostarchestvo». «Mladostarchestvo» is interpreted as abuse of authority by spiritually inexperienced clergy and relationships based on authority which believers perceive as the power of the confessor. Being a phenomenon of intra-church relations and a complex phenomenon of religious culture, mladostarchestvo cannot be considered outside the social context in which the restoration and development of church institutions in the post-Soviet and post-atheistic society of the early nineties and early 2000s. This article presents the result of an analysis of this phenomenon in the context of the internal church policy of the Russian Orthodox Church in the Post-Perestroika period. The authors identified the semantic components of the phenomenon, such as the broad semiotization of age and the possibility of an expanded interpretation of the concept of spiritual authority. In the conditions of Post-Perestroika Russia, the Russian Orthodox Church tried to decide two main internal political problems: the active opening of parishes and monasteries and building a dialogue with authorities and local self-government. In conditions of significant extensive development of diocesan structures, this led to a personnel crisis: the requirements for candidates for priestly positions, both educational and canonical, were determined by the conjuncture of church life. As a result, the professional ethics of young clergy was

ские, определялись конъюнктурой церковной жизни. В результате профессиональная этика молодых священнослужителей формировалась не в результате естественной передачи традиции, но на основании опыта нецерковной жизни и фрагментарного знания, часто почерпанного из религиозной литературы, преимущественно дореволюционной. Отсутствие внутренней книжной цензуры на этом этапе церковного развития стало одним из факторов, способствовавших развитию младостарчества. В условиях, когда получение опыта церковной жизни пастырями проходило одновременно с воцерковлением их паствы избежать искажений в духовнической практике было невозможно.

Ключевые слова:

церковная политика, церковная жизнь, воцерковление, власть духовника, религиозное образование.

formed not as a result of the natural transmission of tradition, but on the basis of the experience of non-church life and fragmentary knowledge, often gleaned from religious literature, mainly pre-revolutionary. The absence of internal book censorship at this stage of church development became one of the factors contributing to the development of mladostarchestvo. In conditions where the experience of church life by pastors took place simultaneously with the churching of their flock, it was impossible to avoid distortions in spiritual practice.

Key words:

church policy, church life, churching, the power of the confessor, spiritual education.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-172-179>

Священный Синод Русской Православной Церкви на декабрьском заседании 1998 года на основании выступления патриарха Алексия II принял особое решение «Об участившихся в последнее время случаях злоупотребления некоторыми пастырями вверенной им от Бога властью вязать и решить», в котором было отмечены различные нестроения церковной жизни, корнем которых является духовная неопытность священнослужителей и монахов, легкомысленно претендующих на «безраздельную власть над душами людей»¹. Так впервые в новейшей церковной истории проблема так называемого младостарчества была обозначена в России на общецерковном уровне, хотя сам термин «младостарчество» в тексте синодального решения упомянут не был.

Позднее патриарх Алексий II неоднократно возвращался к этой теме. Выступая в 2001 году на Епархиальном собрании Москвы, он уже не только обозначил контуры проблемы, но и использовал для ее определения ставшую в настоящее время привычной терминологию «мы не раз говорили о так называемом младостарчестве. Совершенно недопустимой, противоречащей традиции Церкви следует считать позицию отдельных духовников, которые ограничивают Богом данную человеку свободу, навязывают пасомым свою волю и фактически ведут их не к Богу, а к себе. Таким пастырям необходимо

¹ Журналы заседания Священного Синода от 28-29 декабря 1998 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4970081.html>.

понять, что своим неправильным настроем и сомнительным подходом они не только удаляют человека от спасительного пути, но и разрушают мир в обители»¹.

Через два года, в докладе ежегодному епархиальному собранию Москвы 2003 года патриарх Алексий II снова вернулся к этой теме, отметив возрастную специфику данного явления: «священники и монахи, особенно молодые, часто не имеющие достаточно даже простого жизненного опыта, не должны думать о себе как о старцах-духовниках. Духовническое самозванство, руководство и советы, даваемые не от Бога, а как говорится, от ветра головы своей, дискредитируют священника и наносят духовный вред. Да не мнят они себя духоносными старцами»². Во многом именно благодаря настойчивости патриарха Алексия II, о младостарчестве как о проблеме церковной жизни заговорили журналисты, освещающие динамику религиозной ситуации, духовенство и миряне Русской Православной Церкви. Будучи феноменом внутрицерковных отношений и сложным явлением религиозной культуры, младостарчество нельзя рассматривать вне того социального контекста, в котором происходило восстановление и развитие церковных институтов постсоветского и постатеистического общества начала девяностых-начала нулевых годов.

Следует отметить, что данное явление не локализовано исключительно в Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Данная проблема была хорошо известна иерархам Русской Православной Церкви За рубежом [7], аналогичное по своей сути явление «герондизма» представлено в греческом православии. Возможно, что сам термин «младостарчества» был образован русской православной эмиграцией³.

Интересно, что постепенная концептуализация «младостарчества» выявила следующие семантические компоненты:

- понимание молодости не обязательно как календарно-возрастной характеристики, а как степени общей зрелости и опытности, возраст в этом случае подразумевается психологический, социальный, наконец, духовный (все это не менее значимо, чем цифры в паспорте);

- возможность применения по отношению к представителям белого духовенства и даже к мирянам, фактически берущим на себя обязанности советовать, наставлять и учить в духе недостаточно образованного религиозного радикализма.

¹ Из выступления на Епархиальном собрании Москвы 2001 года. URL: <https://clck.ru/3Viano>.

² Доклад Его Святейшества, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II ежегодному епархиальному собранию Москвы 2003 года. URL: <https://clck.ru/3ViaoK>.

³ Евфимий (Стилиос), митрополит. Феномен «герондизма». URL: <https://pravoslavie.ru/123610.html>.

Мы полагаем, что эти явления можно рассматривать в качестве своего рода рефлексов младостарчества, наблюдаемых в близкой ему среде, близкой физически, организационно и доктринально, как ослабленный, субпроявленный вариант, требующий, однако религиозоведческой фиксации и исследования. Миряне, реализующие младостарческий паттерн, часто мечтают о священстве, активно его добиваются (ценят возможности стилизации: ношение подрясника и скуфьи, особая речевая интонация), но могут и удовлетворяться своим каноническим статусом, позволяя себе авторитетно вмешиваться в самые разные жизненные вопросы других, подчас в бесцеремонном и даже патологически навязчивом и наглom тоне.

Следует согласиться с тезисом о том, что младостарчество представляет собой парадигматическое искажение церковного старчества, возникновение которого начинается примерно одновременно со становлением институтов монашеской жизни [6, с. 133-141]. Как явление церковной жизни оно «часто формируется под воздействием мифологического, идеологического, политического и художественного дискурсов» [7, с. 132]. При этом младостарчество имеет и социально-психологическое измерение (портрет и механизмы социальной реализации), - «первая причина возникновения такого духовничества – психология паствы» [4, с. 25]. Психическая девиация становится базой духовного неблагополучия. При этом решающим оказывается классический механизм ключа и замка, описанный, в частности, Э. Кречмером. Ряд социально-психологических черт, получают развитие, применение и определенную легитимацию в подходящих условиях. Младостарца во многом творит публика, причем не только почитатели, но в некоторой мере и те, кто тщательно устраняется от любых соприкосновений с этим явлением, уменьшая тем самым численную мощь носителей здоровой церковности, способной сдерживать младостарческую экспансию.

Мы видим два основных психотипа младостарцев: с преобладанием властности и желания признания и с преобладанием тревожности, мнительности, гиперответственности и страха – как за себя, так и за других; в итоге формируется единый тревожный комплекс с ядром общих, своих и чужих проблем. Забота о себе начинает альтруистически проецироваться на окружающих, равнодушное участие перерастает в тиранию подчас медленно и не очень заметно. Склонность к властности и манипулированию часто зависит от возраста, бывая свойством именно молодых людей, со временем часто, хотя и не всегда, происходит пресыщение, и «игрушка власти» надоедает и отбрасывается. Во втором случае молодой возраст тоже может иметь существенное значение, поскольку различные комплексы страхов и тревожных переживаний питаются дефицитом жизненного опыта, который если и не снимает их полностью, то придает им реалистичные черты. Эти типы, «условно эгоистический» и «условно альтруистический» вырастают из уже

наличествующих у молодого индивида свойств психики и определенных форм социального опыта.

В ряде случаев дело доходит до обнаружения разнородной психической патологии разных регистров. Агрессия и стремление к доминированию выступают компенсацией к набору обид и претензий: не уделили внимания в семье, не приняли в университет, предпочтя выходцу из периферийного райцентра горожанина, продвигали по научной стезе представителей иных этносов и т.д. Понятно, что очень часто имеет место болезненная гипертрофия имевшихся неприятных жизненных эпизодов и даже полная их инверсия, а также и бредовое вымысливание на пустом месте. Так формируется установка мщения всем вокруг, замаскированная под учение, обличение и насаждение строгой духовной дисциплины.

Огромную роль в становлении личности младостарца играют детско-юношеские психотравмы, депривации, сформированные травматические комплексы и под. – как в клиническом, патологическом варианте, так и в пределах нормы, подчас условной. В этом смысле позволительно говорить, что истоки младостарчества лежат в возрасте развития (до 20-21 и даже до 25 лет). Ситуация юношеских травм становится генеративной моделью для продуцирования собственного личностного мифа. Отчасти мы уже касались этого вопроса [3].

Мстительные желания, пусть и подавленные направляются не только на виновников, реальных или вымышленных, но окрашивают все общение с людьми и миром, становятся источником подавления, унижения, деструктивности, садизма, чаще слегка декорированного. Правомерность такой экспансивной «мироотрицающей праведности» либо насаждается силой, либо орнаментируется демагогически.

Используя понятийный аппарат социологии Э. Дюркгейма, можно говорить о выпадении младостарцев и консолидированных вокруг них групп из нормальной социально солидаризированной среды, не сдерживающей и не уравновешивающей их, утратившей способность к избирательному принятию.

Личность младостарца по меньшей мере дисгармонична (это же справедливо и по отношению к значительной части его паствы), самовосприятие и восприятие мира деформировано. Когнитивной основой этих деформаций является малограмотность, которая может быть фронтальной, выражаться в практически полном незнании даже простых вещей, и выборочной. В первом случае религиозная практика будет покоиться на подражании и на использовании случайных источников (включая приходские суеверия), во втором же знание ряда вопросов, включая сложные, может быть даже высоким, количество разнородной литературы, тщательно прочитанной, может быть внушительным, но из-за отсутствия серьезного опыта, требующего длительного времени и соединенного с социализацией, эти знания плохо связыва-

ются с реальностью и порождают произвольные, подчас чисто «головные» конструкции [2], становящиеся убеждениями и формирующими в итоге дисфункциональное видение мира, определяющее деятельность младостарца. Таков феномен «книжной церковности», который был ожидаемым явлением в ситуации объективных трудностей религиозной жизни, но встречающийся и тогда, когда ситуация нормализовалась. Выборочность такой образованности проявляется в сильной диспропорции объема знания по разным вопросам, игнорировании наличия нескольких мнений (есть только одно, абсолютно верное), пренебрежении методологией, наконец, резким разграничением «правильной» богословской литературы и вредной светской, включая научные издания. В ряде протестантских деноминаций такая гносимахия закономерно привела к оформлению фундаментализма со всеми его негативными чертами [1].

С другой стороны, на актуализацию проблемы в значительной степени повлияла религиозная ситуация и внутренняя церковная политика, характерная для 90-гг. XX века. В условиях постперестроечной России Русская Православная Церковь в лице ее иерархии решали две основные внутривнутриполитические задачи: активное открытие храмов и монастырей, и выстраивание диалога с органами власти и местного самоуправления. При этом существующие учреждения духовного образования не могли в ограниченные сроки подготовить необходимое количество священнослужителей; вновь открываемые семинарии как правило не были обеспечены квалифицированными преподавателями, богословские и церковнопрактические дисциплины в этих условиях часто преподавали священники, не имеющие духовного образования. В условиях значительного экстенсивного развития епархиальных структур это привело к кадровому кризису: требования к кандидатам на священнические должности, причем как образовательные, так и канонические, определялись конъюнктурой церковной жизни. В результате профессиональная этика молодых священнослужителей формировалась не в результате естественной передачи традиции, но на основании опыта нецерковной жизни и фрагментарного знания, часто почерпанного из религиозной литературы, преимущественно дореволюционной.

Необходимо отметить, что на 1990-е гг. приходится своеобразный религиозный книжный бум: рост интереса к религиозной проблематике обеспечивал религиозной литературе гарантированный сбыт. В результате различные издательства занялись часто бессистемной, некритической перепечаткой дореволюционных изданий на религиозную тему, причем переиздавались как серьезные научно-богословские работы преподавателей дореволюционных семинарий и академий, так и популярные издания часто весьма невысокого уровня. Следует согласиться, что отсутствие внутренней книжной цензуры на этом этапе церковного развития стало одним из факторов, способствовавших развитию младостарчества [5, с. 82]. Неразборчивое чтение

и некритическое отношение к источнику опять же является детской психологической чертой, именно поэтому мнения, усвоенные из книг в соответствующем возрасте, остаются актуальными подчас надолго – благодаря детским импринтингам. Разобраться же в этом информационном массиве было делом непростым, а для неподготовленного читателя и вовсе невозможным. В результате священнослужители, чье воцерковление пришлось на перестроечные и первые послеперестроечные годы, часто в своей практической деятельности ориентировались на поверхностно усвоенный ими идеал церковности, являющийся продуктом «книжной церковности» дореволюционного времени, сформированный в принципиально иных культурно-политических условиях, иногда – искусственный, недостижимый, образованный под влияние идеологом дореволюционного официального дискурса. Естественно, это приводило к деформациям в сфере практического богословия, созданию различных искусственных конструктов в области пастырского служения, часто на основе неприменимых к современным условиям религиозно-идеологических моделей и перенесения монашеских практик, как идеальных во всех отношениях, в приходскую жизнь.

Описываемый период новейшей отечественной церковной истории характеризуется не только активным восстановлением церковной традиции, прерванной в годы засилья атеистической идеологии, но и зачастую – ее конструированием. Возникавшие в ходе последнего модернистские конструкты часто выдавались за подлинную традицию. В условиях, когда получение опыта церковной жизни пастырями проходило одновременно с воцерковлением их паствы, причем зачастую – по одним и тем же книжным шаблонам, избежать искажений в духовнической практике было невозможно. В этом смысле можно говорить о еще одной разновидности возраста – религиозном как подтипе социального. Пребывание в религиозно-неофитском периоде оказывалось зачастую одновременным для пребывающих по разные стороны иконостаса. Порой у младостарца обнаруживаются неизжитые неофитские проблемы. Реализующаяся церковно-канонической властью политика в области церковного строительства в это время, как правило, не имела четких ориентиров и была направлена на обеспечение экстенсивного роста – восстановление ранее существовавших и создание новых приходов, восстановление монастырей, активную реставрацию исторических храмовых зданий, которые в большинстве случаев возвращались церкви в обезображенном, полуразрушенном состоянии. Начавшееся в это время активное открытие духовных учебных заведений – прежде всего семинарий и духовных училищ имело, как покажет время – отложенный эффект: на первоначальном этапе задача подготовки квалифицированных и компонентных священнослужителей для полного удовлетворения потребностей экстенсивно развивающихся епархий была нерешаемой.

Следует отметить, пик остроты проблемы младостарчества приходится на конец восьмидесятых годов прошлого – начало нулевых годов нашего века. Это время, когда были рукоположены бывший протоирей Владимир Головин, бывший схиигумен Сергей Романов et dii minores. Мы полагаем, что это тоже подтверждает наш тезис о том, что младостарчество в том виде, в котором с ним столкнулась Русская Православная Церковь в новейшей истории, является именно проблемой активного развития церковной структуры в постперестроечное время. Рефлексия над ролью возраста – от паспортного и биологического до психологического и социокультурного, несомненно, способствует избегать ненужных проблем.

Литература

1. Головушкин Д.А. Православный фундаментализм: возвращение к осмыслению // *Философская мысль*. 2016. №1. С. 111-155.
2. Концен П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2011. 388 с.
3. Лебедев В.Ю. О некоторых психологических аспектах фанатизма // *Религия. Церковь. Общество*. Вып. 6. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 92-107.
4. Медведев Д.С. Младостарчество как вид околоправославных деструктивных явлений // *Образование и духовная безопасность*. 2018. №2(4). С. 24-26.
5. Ротач Н.С. Старчество и младостарчество: проблемы религиозного фундаментализма и неопитства в современном православии // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. 2011. №6. С. 80-84.
6. Свистунов А.В. Феномен младостарчества в современной России как пример реконструкции православной традиции // *Гуманитарий юга России*. 2019. №8(1). С. 133-141.
7. Юрасов И.А., Павлова О.А. Деформация религиозной идентичности: социологический анализ (по материалам исследования православия) // *Вестник ВЭГУ*. 2018. №3(95). С. 124-133.
8. Lyutko E., Cherny A. The Concept of Mladostarchestvo as a Tool for Criticizing Religion in Modern Russia: An Analysis of Rhetorical An Analysis of Rhetorical Strategies // *Changing Societies & Personalities*. 2022. Vol. 6. No. 3. P. 655-676.

References

1. Golovushkin D.A. Pravoslavnyi fundamentalizm: vozvrashchenie k osmysleniyu. *Filosofskaya mysl'*. 2016. №1. S. 111-155.
2. Kontsen P. Fanatizm. Psikhooanaliz etogo uzhasnogo yavleniya. Khar'kov: Izd-vo Gumanitarnyi tsentr, 2011. 388 s.
3. Lebedev V.Yu. O nekotorykh psikhologicheskikh aspektakh fanatizma. *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo*. Vyp. 6. SPb.: Skifiya-print, 2017. S. 92-107.
4. Medvedev D.S. Mladostarchestvo kak vid okolopravoslavnykh destruktivnykh yavlenii. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost'*. 2018. №2(4). S. 24-26.
5. Rotach N.S. Starchestvo i mladostarchestvo: problemy religioznogo fundamentalizma i neofitstva v sovremennom pravoslavii. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikal'skii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava)*. 2011. №6. S. 80-84.
6. Svistunov A.V. Fenomen mladostarchestva v sovremennoi Rossii kak primer rekonstruktsii pravoslavnoi traditsii. *Gumanitarii yuga Rossii*. 2019. №8(1). S. 133-141.
7. Yurasov I.A., Pavlova O.A. Deformatsiya religioznoi identichnosti: sotsiologicheskii analiz (po materialam issledovaniya pravoslaviya). *Vestnik VEGU*. 2018. №3(95). S. 124-133.
8. Lyutko E., Cherny A. The Concept of Mladostarchestvo as a Tool for Criticizing Religion in Modern Russia: An Analysis of Rhetorical An Analysis of Rhetorical Strategies. *Changing Societies & Personalities*. 2022. Vol. 6. No. 3. P. 655-676.

Н.А. Баранов

N. Baranov

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА РОССИИ И ЗАПАДА

VALUE ASPECTS OF THE GEOPOLITICAL CONFLICT OF RUSSIA AND THE WEST

Аннотация

Статья посвящена выявлению ценностных противоречий между Россией и коллективным Западом, лежащих в основе современных конфликтных отношений. Современное геополитическое противостояние России со странами Запада приобретает ценностное измерение ввиду несовместимости подходов к справедливому устройству мира и суверенному развитию. Причины геополитического конфликта между Россией и Западом в работе рассматриваются через призму аксиологического подхода, который лежит в основе исторического противостояния двух разных ценностных систем. Столкновение геополитических интересов евроатлантических стран и России, ставшее источником современного конфликта, сопровождается русофобией, в основе которой лежат ценностные противоречия. Политико-культурный подход позволяет акцентировать внимание на влиянии традиций, ценностей и сложившихся стереотипов на формирование и деятельность политических институтов, управляющих обществом, и политических ориентаций, определяющих поведение людей. Автор приходит к выводу, что попытка сближения с западным миром для России оказалась не успешной по причине базисных ценностных различий и агрессивного либерального давления, которое привело к частичному расколу российского общества в 1990-е годы, и актуализации традиционных ценностей, лежащих в основе российской цивилизации. Вместе с тем формирование полицентричного мира сохраняет надежду на появление конкурентоспособных субъектов, способных эффективно реагировать на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Abstract

The article is devoted to identifying the value contradictions between Russia and the collective West that underlie modern conflict relations. The modern geopolitical confrontation between Russia and Western countries acquires a value dimension due to the incompatibility of approaches to a fair world order and sovereign development. The reasons for the geopolitical conflict between Russia and the West are examined in the work through the prism of the axiological approach, which underlies the historical confrontation between two different value systems. The clash of geopolitical interests of the Euro-Atlantic countries and Russia, which has become the source of the modern conflict, is accompanied by Russophobia, which is based on value contradictions. The political-cultural approach allows us to focus on the influence of traditions, values and prevailing stereotypes on the formation and activities of political institutions that govern society, and political orientations that determine people's behavior. The author comes to the conclusion that the attempt to rapprochement with the Western world for Russia was not successful due to basic value differences and aggressive liberal pressure, which led to a partial split in Russian society in the 1990s, and the actualization of traditional values that underlie Russian civilization. At the same time, the formation of a polycentric world retains hope for the emergence of competitive entities capable of effectively responding to the solution of global problems facing humanity.

Ключевые слова:

аксиологический подход, американизация, вассализация, западнизм, религиозная философская мысль, русофобия, традиционные ценности.

Key words:

axiological approach, Americanization, vassalization, Westernism, religious philosophical thought, Russophobia, traditional values.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-180-194>

XXI век начался для России с поиска своего места в глобализирующемся мире, осмысления произошедших в 1990-е гг. перемен и их влияния на развитие государства. Курс на демократизацию и либерализацию политической, экономической, социальной, культурной жизни, который был предложен и осуществлен реформаторами после распада Советского Союза, породил в российском обществе немало двусмысленностей относительно правомерности выбранного пути, целесообразности в демократических и либеральных ценностях для России, так как не оправдал надежды на быстрое повышение качества жизни. В результате частичного восприятия населением страны предложенных ценностей, характерных для западной цивилизации, такие преобразования как осуществление рыночных реформ, построение новой политической системы взамен советской продемонстрировали неоднозначность выбора вектора модернизации и привели к глубокой разобщенности общества, снижению влияния государства на международной арене, а, следовательно, и на политические процессы в современном мире.

Смена политического лидера накануне 2000 года ознаменовала и перемены во внутренней и внешней политике государства. Так в одном из первых своих публичных выступлений в качестве исполняющего обязанности Президента страны В.В. Путин заявил: «В новое тысячелетие Россия вступает духовно обновленным государством... речь в первую очередь идет о возрождении духовности, а это значит объединение нации во имя повышения авторитета и достоинства страны, объединения на основе общечеловеческих и гуманистических принципов, историческим и логическим продолжением которых стали приоритет прав и свобод, прежде всего свобод человека и гражданина» [18, с. 9]. Таким образом, была заявлена потребность в осмыслении пути России после почти десятилетнего опыта построения постсоветского государства и предложено в качестве объединяющего начала духовное обновление страны.

Роль ценностей неизмеримо возрастает в периоды кардинальных трансформаций, смены вектора общественно-политического и социально-экономического развития страны. Следствием духовно-нравственного кризиса в России стал пересмотр в массовом сознании прежних установок и представлений и замещение жизненных ценностей нетрадиционными нехарактерными

для российского общества. Выход из сложившейся ситуации некоторые российские исследователи видят в «научном осмыслении исторического опыта России, в анализе традиционных культурных ценностей всего российского общества как базового фундамента в формировании общественного сознания в новых политических и социально-экономических условиях» [15, с. 8].

Геополитические противоречия между Россией и западными странами стали нарастать с конца XX века. Триггером послужило решение США о расширении НАТО за счет прежних социалистических государств, а также натовские бомбежки Югославии в 1999 году, осуществленные без обсуждения с Россией форм влияния на эту балканскую страну. Несмотря на участие Российской Федерации с 1994 года в программе «Партнерство во имя мира», а затем заключения основополагающего акта Россия-НАТО в 1997 году, противоречия с западными странами, и прежде всего, с США, нарастали. После выхода США из договора по противоракетной обороне в 2002 году, расширения НАТО в 1999 и в 2004 гг., а также по мере восстановления Россией своего экономического, а затем и военного потенциалов отношения стали приобретать конфликтный характер, о чем свидетельствует речь В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году. Несмотря на стремление России сформировать с западными странами единое экономическое и социальное пространство в соответствии с внешнеполитическими документами, деятельность в этом направлении была приостановлена, а затем заморожена. Основной причиной стали ценностные расхождения, которые проявлялись все острее и острее по мере становления российской державы.

Цель работы – выявить ценностные противоречия между Россией и коллективным Западом, лежащие в основе современных конфликтных отношений.

Методологической основой работы является аксиологический подход, акцентирующий внимание на анализе природы ценностей, их значимости как для отдельного индивида, так и для социальных общностей – отдельных групп, этносов, наций. В.Г. Хорос включает ценности в характеристику цивилизаций, называя их базовыми: «Базовые ценности в той или иной мере находят отражение во всех срезях жизни общества, среди которых целесообразно выделить для анализа наиболее главные: общественные структуры и отношения; сферу власти (политическую культуру); наконец ценности и институты экономические...» [25, с. 7].

Наряду с ценностным в работе применен политико-культурный подход, основой которого выступают политические институты и политические ориентации, зависящие от традиций, мифов, ценностей, сложившихся стереотипов на социально-политические процессы в обществе. О политизации культуры

пишет С. Бенхаbib, обуславливая культурными различиями возникающие конфликты между институционализированными культурными группами [28].

Понятие «ценность» прошло эволюцию со времен античности, когда ценностным приоритетом были благо, добродетель, счастье [17, с. 298; 2, с. 300], в средневековье ценностные предпочтения акцентировались на человеческой душе, которую необходимо совершенствовать [1, с. 649; 21, с. 75], в новое время ценность постепенно связывается с человеком. Высшая ценность и выражение блага, как полагал И. Кант, есть свобода, утверждающая абсолютную ценность человека [9, с. 204]. Такая максима легла в основу либеральной идеологии, которая, в свою очередь, также эволюционировала, однако тема свободы лишь по-разному интерпретировалась, но не подвергалась сомнению. Так по мнению нобелевского лауреата М. Фридмана, «либерал выделяет два набора ценностей: ценности, касающиеся отношений между людьми — контекст, в котором он отдает приоритет свободе, — и ценности, необходимые индивиду для того, чтобы воспользоваться своей свободой, — а это область индивидуальной этики и философии» [23, с. 36]. Свобода в западном понимании утилитарна, она должна приносить пользу конкретному человеку и способствовать тому, чтобы индивид смог ею воспользоваться для своего развития и решения проблем.

В российских условиях интерпретация ценностей была характерна для русской религиозной философской мысли. В трудах Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, И.А. Ильина и других философов приоритетом становится духовное начало [8], совершенствование человеческой природы [22], значение и смысл, который содержит в себе сущее [13], человеческая личность [3]. Утилитарная свобода, лежащая в основе западного образа жизни, совершенно не воспринимается в качестве ценности и в Российской империи, и в Советской России. Исследователь российского либерализма Р.И. Сementковский в начале XX века с сожалением утверждал, что «ни в одной стране мира нет так мало свободолюбия в частных отношениях, как у нас в России» [19, с. 160]. Н.А. Бердяев писал: «Свободой нельзя пленить массы. Масса не доверяет свободе и не умеет связать ее со своими насущными интересами. Поистине в свободе есть скорее что-то аристократическое, чем демократическое. Это ценность более дорогая человеческому меньшинству, чем человеческому большинству, обращенная прежде всего к личности, к индивидуальности. Масса же всегда имеет пафос равенства, а не свободы. Либерализм есть настроение и мирозерцание культурных слоев общества» [6, с. 599]. Уже в современной России академик Д.С. Лихачев, обращаясь к молодежи, пишет о том, что главная цель человека должна быть шире, чем просто личностная, поэтому возникает приоритет нрав-

ственных ценностей, таких как честность, верность, достоинство, совесть, жизнь, патриотизм [12].

Следовательно, исторически базовые ценности западного общества и российского различались. Образно и метафорично охарактеризовал российский духовный императив Н.А. Бердяев: «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности». И в то же время, «Россия – страна неслыханного сервизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством...» [5, с. 283].

Среди наиболее востребованных ценностей в России является равенство, которое, в отличие, от западного акцента на политическом аспекте, имеет социальное начало. В российской интерпретации важнейших двух ценностей – свободы и равенства – существовало противоречие, которое Н.А. Бердяев выразил следующим образом: «Свобода и равенство несовместимы. Свобода есть прежде всего право на неравенство. Равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы» [6, с. 605-606]. В то же время, по мнению классика отечественного либерализма Б.Н. Чичерина, «равенство без свободы не возвышает, а унижает людей» [27, с. 17].

Ценностная основа России

Российский уклад жизни определялся специфической нормативно-ценностной системой, которую Г.Л. Тульчинский определяет как ценностный компонент, «который складывается из предмета, целей и средств деятельности», нормативный компонент, включающий правила, регулирующие деятельность, и способ организации коллективной деятельности социального субъекта [20, с. 23-24]. И если нормативный компонент регулярно изменялся, пытаясь подстроить российские реалии под западные, как это было при Петре I, Екатерине II, то ценностный аспект оставался незыблемым в силу своей инерционности. В данном контексте можно согласиться с В.Ф. Пеньковым в том, что ценностная матрица состоит как из наиболее инерционных представлений, таких как менталитет, традиции, коллективные представления, так и из мобильных, к которым относятся идеи, идеологии, политические концепции [16, с. 146]. Последние регулярно менялись в силу политических событий, порой кардинальным образом меняющих социальный строй государства, как это было после двух революций 1917 года. Однако кардинально ценностная матрица не изменилась, несмотря на включение в нее разнородных элементов как идеологического, так и социокультурного свойства. Появившаяся аксиологическая гетерогенность свидетельствует, ско-

рее, о поиске наиболее адекватных векторов современного развития общества либо отражении политически конъюнктурной стратегии, исходящей из национально-государственных интересов страны.

Нормативные документы, принимаемые государственными институтами в последние годы - Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года, Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом от 5 сентября 2022 года, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей от 9 ноября 2022 года, Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года – акцентируют внимание на «укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранении культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации»¹. Стратегическим национальным приоритетом заявлена защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти².

В одном из документов дано определение традиционным российским духовно-нравственным ценностям: «Традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»³. А в Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом констатируется «увеличение количества попыток принизить значимость российской культуры и российских гуманитарных проектов, распространить и навязать искаженную трактовку истинных целей России по ознакомлению мировой общественности с ее культурным наследием и достижениями в различных гуманитарных областях, дискреди-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 года №229). URL: <https://clck.ru/3BhWUi>.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

³ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. №809). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

тировать Русский мир, его традиции и идеалы, подменяя их псевдоценностями»¹.

Ценностные различия с западным миром

Акцент на ценностных различиях с западным миром лежит в основе современного противостояния России и евроатлантических стран. Причем противостояние, основанное на различных подходах к формированию единого экономического, социального и культурного пространства, постепенно стало переходить в политическую сферу и приобретать конфликтные формы, особенно после государственного переворота на Украине и вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Усилиями американского президента Барака Обамы был сформирован антироссийский блок из стран, для которых западные ценности оказались приоритетнее экономических выгод от торговли с Россией. После непродолжительного перерыва, связанного с националистической политикой 45-го президента США Дональда Трампа, ценностный фактор снова стал преобладающим в отношениях с Россией со стороны западных стран.

Как констатировал Г. Киссинджер, в каждом столетии «появляется страна, обладающая могуществом, волей, а также интеллектуальными и моральными стимулами, необходимыми, чтобы привести всю систему международных отношений в соответствие с собственными ценностями» [11, с. 29]. В XX веке такой страной стали США, которые объявили об универсальности своих ценностей, и впоследствии решившие распространять их по всему миру. Близкие к США по своим ценностным основаниям европейцы, тем не менее, имели собственное видение относительно ценностных приоритетов, не в полной мере совпадающих с американскими. В начале XXI века американский политолог Р. Кейган писал о расхождениях между американцами и западными европейцами в вопросе по отношению к военной силе, утверждая, что «Соединенные Штаты погрязли в трясине истории, используя силу в анархичном гоббсовском мире, где международные права и нормы непрочны, а подлинная безопасность, защита и распространение либерального порядка по-прежнему зависят от наличия и применения военной силы» [10, с. 7]. Европейцы же, напротив, склонны к дипломатическим методам решения возникающих проблем, использованию торговых и экономических связей в отношениях с другими государствами. Однако миролюбивый характер «старой Европы», особенно ярко проявившийся в 2003 году, когда лидеры

¹ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. N 611). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280>.

Франции и Германии совместно с российским президентом осудили вторжение США в Ирак, начал нивелироваться проамериканскими взглядами на гоббсовские реалии «из-за глубоко укоренившегося страха перед Россией» [10, с. 10] со стороны стран Центральной и Восточной Европы, которые стали массово вступать в Европейский союз и НАТО. В результате в общей европейскую политике в области безопасности и обороны стал постепенно доминировать проамериканский подход, основанный на принуждении и карательных санкциях. Попытки Франции и Германии придать взаимоотношениям с Россией экономический приоритет под давлением США и поддерживающих их европейских стран не увенчались успехом. Более того, американские эксперты Д. Шапиро и Я. Пульерин пишут об американизации и вассализации современной Европы. Американизация заключается в том, что все стратегические решения принимаются в Вашингтоне. На данный момент ни одно правительство в ЕС не возражает против возвращения к традиционному американскому лидерству, которое необходимо Европе в связи с ее неспособностью руководить собой. Вассализация же состоит в растущей зависимости Европы от США в области безопасности и принятии такой экономической политики, которая расценивается как дополнение Соединенных Штатов в глобальном пространстве¹.

Неудавшаяся попытка сближения со странами Евро-Атлантического региона, с которыми у России, как декларируется в Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 года², «помимо географии, экономики и истории, глубокие общецивилизационные корни», длительного партнерства с Европейским союзом и США не было достигнуто. Напротив, набирали силу разногласия и откровенно антироссийская политика, апофеозом которой стали пугающие расхождения на будущее Европы, частью которой Россия всегда себя считала, и европейской системы безопасности. Эти разногласия переросли в конфликт, сопровождающийся санкционной войной, усиливающейся агрессивностью во взаимоотношениях, борьбой за сферы влияния, особенно на постсоветском пространстве. В 2013 году на официальном уровне было отмечено, что «глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики». Борьба за доминирование в международных отношениях и

¹ Shapiro J., Puglierin J. The art of vassalisation: How Russia's war on Ukraine has transformed transatlantic relations // ECFR. April 4, 2023. URL: <https://clck.ru/3BhWU5>.

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 года. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>.

формирование новых принципов организации международной системы приобрела бескомпромиссный характер. Насильственное распространение либеральных ценностей, характерное для политики США в 2000-е годы, сменилось политикой убеждения и экономического принуждения в отношении стран, не в полной мере разделяющих американскую позицию.

Причем для США принципиально важным является союз с Европой, как «оплотом либерально-демократического мира» [10, с. 150]. Поэтому Соединенные Штаты все чаще обращались к одному из немногих оставшихся аргументов, объединяющих их с Европейским союзом, - к ценностному аспекту. Продвижение либеральных ценностей, таким образом, легитимизируется распространением принципов либеральной демократии не только для объединения наций и народов, их разделяющих, но и как самоутверждение в современном мире в противовес тем, кто привержен иным ценностным основаниям.

До конца XX столетия важнейшим аргументом приоритета либерально-демократических ценностей был высокий уровень жизни в странах, избравших данный путь развития. Однако в связи с усложнением мирополитических проблем, появлением террористической опасности, распространением экстремизма, киберпреступности и других угроз и вызовов оказалось, что либерально-демократические страны далеко не всегда эффективно справляются с этими проблемами, а уровень жизни в так называемых авторитарных странах может быть не ниже, чем в успешных западных. В попытке не афишировать ценностный аспект вместо широко разрекламированного «конца истории», который так и не состоялся, стал применяться термин «правильная сторона истории», как наследие либерального мирового порядка, сформировавшегося после окончания «холодной войны». Лингвистически позитивная максима должна была привлечь государства осваивать «правильную» модель, однако страны, включавшиеся в глобальную экономику и различные взаимосвязи, сохранили «многообразие интересов и самобытных политических культур и представлений», что по мнению, Ф. Лукьянова, «никак не вписывается в универсалистское понимание «конца истории» и торжества ее «правильной стороны», потому что понимание правильности не стало всеобщим»¹.

Среди американских политиков данный термин использовал Барак Обама, выступая на заседании Генеральной ассамблеи ООН 24 сентября 2014 года. В своей речи он обвинил Россию в агрессивной политике, обещал объединить союзников по НАТО и подтвердил приверженность коллективной обороне, призвав страны присоединиться к США на правильной стороне ис-

¹ Лукьянов Ф. Без паники, но серьезно / РСМД. 2019. URL: <https://clck.ru/3BhWTn>.

тории, повторив данный пассаж в субботнем обращении к американцам 27 сентября¹.

Тем не менее данный термин стал подвергаться сомнению и в странах Запада. Так американский писатель и консервативный политический обозреватель Б. Шапиро опубликовал в 2019 году книгу «Правильная сторона истории: как разум и моральная цель сделали Запад великим», в которой утверждает, что, отказываясь от иудео-христианских ценностей и греческой способности к разуму, современное общество ускоряет свой упадок, а гедонизм и безудержный материализм сделали человечество восприимчивым к неудачам, и единственный способ обратить вспять этот упадок - вернуться к ценностям и способностям, которые помогли сформировать западную цивилизацию [31].

Так или иначе ценностный контекст стал размываться, особенно после признания Ф. Фукуямой проблем с либерализмом, о чем он написал в своей книге под названием «Либерализм и его беды». «Либерализм сегодня находится под серьезной угрозой во всем мире» [29, р. VII], - пишет американский политолог. Действительно, по данным Freedom House, политические права и гражданские свободы во всем мире росли в течение трех с половиной десятилетий между 1974 и началом 2000-х годов, но снижались в течение пятнадцати лет подряд до 2021 года. Причем либерализму бросают вызов не только правые популисты, но и обновленные прогрессивные левые, что на практике приводит к нетерпимости к взглядам, отклоняющимся от определенного ценностного вектора. В результате, полагает Ф. Фукуяма, «основной либеральный принцип личной автономии был абсолютизирован и превратился в критику индивидуализма и универсализма, на которых основывался либерализм» [29, р. XII].

Американский экономист Н. Рубини, предсказавший финансовый кризис 2008 года, в своей книге «Мегаугрозы: десять опасных тенденций, которые угрожают нашему будущему, и как с ними справиться» [30] в качестве одной из угроз называет всеобщее разочарование в либеральной демократии и подъем авторитаризма, как ответ на неспособность решить проблему социального неравенства, а также возобновление «холодной войны» между Западом и такими державами, как Россия и Китай.

Универсализм либерально-демократических ценностей рассматривается их апологетами как абсолютный принцип, на основе которого, полагает П.А. Цыганков, «должен быть сформирован новый мировой порядок незави-

¹ Full text of President Obama's 2014 address to the United Nations General Assembly // Washington Post. September. 2014. URL: <https://clck.ru/3BhWTx>.

симо от социального контекста и особенностей той или иной страны, той или иной культуры» [26, с. 227]. Агрессивное продвижение либеральной демократии в страны незападной культуры сопровождается резким противоборством и встречной агрессией, ставящей под сомнение создание фундамента международного мира на ее основе. Россия в силу исторических традиций и геополитического положения привержена сильному государству, суверенитету в международных отношениях, культурному разнообразию, однако, можно согласиться с П.А. Цыганковым в том, что «неплодотворно и бесперспективно было бы отгораживаться от ценностей демократических свобод и верховенства закона в той мере, в какой они являются не избирательными, а действительно общезначимыми, не разрушительными для культуры и национальной идентичности, а, напротив, способствующими ее продвижению по пути политической модернизации» [26, с. 234].

О том, что разделяемые обществом ценности должны способствовать конкурентоспособности государства, пишет Г.Л. Тульчинский: «Граждане России действительно хотят видеть ее великой державой...», что означает «ее процветание, развитие образования, науки, культуры. Именно утверждение целей и ценностей, разделяемых большинством населения, позволит гражданам ощущать себя частью единой и могучей общности» [20, с. 117].

В то же время отличие российских ценностей от западных является очевидным фактом. А.А. Зиновьев исследовал социальный строй, который сложился в западных странах во второй половине XX века, назвав его «западнизмом». Характерными чертами западного общества, по его мнению, является политическая демократия на государственном уровне и социальный диктат в деловой жизни, в которой главенствует принцип: работать как можно лучше, добиваться максимального результата с минимальными затратами. При этом ни о какой демократии речи не идет: в каждой корпорации работают свои правила, формируемые руководством компаний, нарушение которых не допускается. Степень эксплуатации, то есть величина усилий человека при выполнении дела к величине вознаграждения за него, в западном обществе выше, чем в коммунистическом. «Западное общество, - пишет А.А. Зиновьев, – будучи демократическим в целом, то есть политически, является диктаторским социально, то есть в деловых клеточках» [7, с. 69]. Российский философ скептически относится к западнизации, полагая, что реальная цель Запада – «довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному развитию», включить их в свою «сферу влияния, причем не в роли равноправных и равномошных партнеров, а в роли сателлитов или колоний нового типа» [7, с. 382].

Русофобия как инструмент геополитического конфликта

Попытка стать частью Запада, предпринятая российской политической элитой в начале 1990-х гг., не увенчалась успехом. Лидеры западного мира не видели в России равноправного партнера и представляли ее как авторитарного субъекта международных отношений с усиливающимися неоимперскими амбициями. Большую роль в формировании негативного отношения к Российской Федерации сыграла русофобия – демонизация России на основе исторических, религиозных, идеологических и геополитических корней ненависти, существующих на протяжении многих столетий и актуализирующихся в определенные исторические периоды. Причем русофобия, как отмечает швейцарский журналист и политический деятель Г. Меттан, «обладает сильной геополитической коннотацией и является феноменом, присущим исключительно Западу» [14, с. 34], так как жители Азии, Африки, арабы, южноамериканцы никогда не были русофобами. Очередной всплеск русофобии ознаменовал несогласие России с навязываемым Соединенными Штатами либеральным миропорядком, отказом признавать западное доминирование и расширение НАТО на восток.

Особенность современной русофобии состоит в том, что прежде на Западе отделяли простых граждан от политики государства, а теперь русских преследуют только за принадлежность к русской нации, подвергая санкциям, изымая частную собственность и запрещая русскую культуру. Резкий скачок русофобии быстро распространился по всем западным странам под предлогом их объединения на основе западных ценностей, следование которым происходит на эмоциональном уровне, вопреки здравому смыслу как следствие ненависти, накопившейся за продолжительное время. Г. Меттан пишет: «...Это не война вызвала нынешнюю русофобию, а свежий прилив русофобских эмоций, дистиллированных за долгие годы, к которым добавляется еще... веками копившееся злопамятство» [14, с. 17].

В данной ситуации удивляет отказ западных стран от либеральных принципов, которые казались незыблемыми – свободы слова, печати и распространения информации, поддержки этнических меньшинств, защиты собственности. При этом осуществляется преследование по этническим и религиозным мотивам, игнорирование материальной реальности, являющейся основой благосостояния. В то же время такое поведение западных стран полностью соответствует той характеристике, которую дал западному социальному строю А.А. Зиновьев: «В сфере социально-политической западнизм стремится к усилению недемократического аспекта системы власти и управления, к усилению роли государственности, к введению недемократических элементов в систему власти и к превращению демократии в средство манипулирования массами и в камуфляж для тоталитарного аспекта» [7, с. 12].

Современным лидерам не достает политической зрелости, означающей, как обоснованно полагает Ф. Фукуяма, «умение принимать мир таким, каков он есть, а не таким, каким мы хотим его видеть [24, с. 30]». В начале XXI века Р. Кейган писал: «Если европейцы и американцы смогут когда-нибудь договориться о природе общей угрозы, сотрудничество, налаженное ими во время «холодной войны», не трудно будет возобновить» [10, с. 157]. К середине второго десятилетия наступившего века такая общая угроза была установлена – это Россия, стремящаяся к великодержавию, игнорирующая правила, установленные американцами взамен международного права, и расширяющая свое влияние на других континентах. Источником конфликта Запада с Россией стали геополитические интересы, инструментом – русофобия, основой – ценностные противоречия.

Таким образом, попытка политического руководства России сформировать совместно с западными странами общее цивилизационное пространство, оказалась безрезультатной в связи с базовыми различиями восприятия окружающего мира, ценностными приоритетами, влияющими на формирование политических институтов, взаимоотношений в обществе, политических ориентаций, в основе которых лежат убеждения и идеалы общества. Агрессивное распространение западных ценностей без учета специфических особенностей наций и этносов, привело к кризису либерализма, снижению его значимости в развивающихся странах.

Российский опыт обретения государственности после распада Советского Союза свидетельствует о важности базисных ценностей, лежащих в основе социальных отношений и тысячелетней государственности, базирующейся на приобретенной ценностной основе. Несмотря на успешное развитие ряда стран, вероятно, не существует совершенных обществ, с абсолютными ценностями. Следует констатировать, что «ни гуманизация и демократизация внешней политики и международных отношений, ни идея всеобщего благоденствия и мира не стали духовной основой человеческой цивилизации» в XXI веке [3, с. 120]. Ценностная матрица не является раз и навсегда заданной, а постоянно дополняется какими-то новеллами, связанными с интернализацией тех или иных ценностей, которые усваиваются обществом и становятся общезначимыми. Цивилизационное богатство современного мира оставляет надежду на появление конкурентоспособных субъектов, обогащающих мир новыми точками роста и успешного решения глобальных вызовов и угроз. И Россия здесь является одной из таких точек роста, которая реализуется не благодаря чьей-то помощи и поддержке, а вопреки западным стереотипам и доминированию на основе создаваемых правил.

Литература

1. Августин Блаженный. Исповедь // Творения. В 4 т. [Т. 1]. Об истинной религии. СПб.: Алетейя, 2000. 742 с.
2. Аристотель. Большая этика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
3. Бахтуридзе З.З. Международные отношения в эпоху "пост": возможности эволюции // Век глобализации. 2017. №3. С. 113-120.
4. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-Press, 1939. 224 с.
5. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности // Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. 736 с.
6. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. 736 с.
7. Зиновьев А.А. Запад: феномен западнизма. Великий эволюционный перелом / Ред.-сост. О.М. Зиновьева, А.С. Блинов. М.: Издательский дом «Канон-Плюс» имени Александра Зиновьева, 2023. 496 с.
8. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Москва: АСТ, 2023. 384 с.
9. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. Москва: Чоро, 1994. 630 с.
10. Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке / Пер. с англ. А. Смирнов. Москва: Дом интеллектуальной книги; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 160 с.
11. Киссинджер Г. Управлять силой: архитектор нового мирового порядка рассказывает / пер. с англ. О.В. Захаровой, В.В. Львова. Москва: Родина, 2022. 256 с.
12. Лихачев Д.С. Письма о добром. Москва: Наука; СПб.: LOGOS, 2006. 315 с.
13. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Париж: YMCA-PRESS, 1931. 135 с.
14. Меттан Г. Запад-Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / Перевод М. Аннинской, С. Булгаковой, Ю. Обозного, Д. Савосина. Москва: Издательство АСТ, 2023. 448 с.
15. Павленко С.А. Жизненные ценности российского общества в середине XIX – начале XX вв.: исторический аспект трансформации. СПб.: Алетейя, 2014. 190 с.
16. Пеньков В.Ф. Аксиология политических процессов. Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2022. 184 с.
17. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Москва: Мысль, 1994. 654 с.
18. Путин В.В. Прямая речь: в 3 т. Москва: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. Т. 2: Выступления, заявления, интервью. 412 с.
19. Сементковский Р.И. К истории либерализма / Т. 2. Русское общество и государство // Сочинения. В 3-х т. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, б/г. 663 с.
20. Тульчинский Г.Л. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетейя, 2015. 176 с.
21. Фома Аквинский. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. Москва: Ин-т философии РАН, 2001. 206 с.
22. Франк С.Л. Этика нигилизма // Интеллигенция. Власть. Народ: антология. Москва: Наука, 1992. С. 164-189.
23. Фридман М. Капитализм и свобода / Пер. с англ. Москва: Новое издательство, 2006. 240 с.
24. Фукуяма Ф. Россия на распутье: пер. с англ. Москва: Родина, 2023. 224 с.
25. Хорос В.Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 1: Индийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации. Латиноамериканская цивилизационная общность. Москва: ЛЕНАНД, 2022. 304 с.
26. Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. Москва: Издательство Московского университета, 2014. 576 с.
27. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. Рукопись 1878 года. СПб.: Тип. «Товарищества Печатного Станка», 1906. 34 с.
28. Benhabib S. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2002. 280 p.

29. Fukuyama F. *Liberalism and Its Discontents*. London, Profile Books Ltd. 2022. 171 p.
30. Roubini Nouriel. *MegaThreats: Ten Dangerous Trends That Imperil Our Future, And How to Survive Them*. Little, Brown and Company. 2022. 320 p.
31. Shapiro B. *The Right Side of History: How Reason and Moral Purpose Made the West Great*. Broadside Books, 2019. 288 p.

References

1. Avgustin Blazhennyi. *Ispoved'. Tvoreniya*. V 4 t. [T. 1]. Ob istinnoi religii. SPb.: Aleteiya, 2000. 742 s.
2. Aristotel'. *Bol'shaya etika*. Sochineniya: v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1983. 830 s.
3. Bakhturidze Z.Z. *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu "post": vozmozhnosti evolyutsii. Vek globalizatsii*. 2017. №3. S. 113-120.
4. Berdyaev N.A. *O rabstve i svobode cheloveka*. Parizh: YMCA-Press, 1939. 224 s.
5. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voiny i natsional'nosti*. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii: Sochineniya*. Moskva: EKSMO-Press, 2000. 736 s.
6. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva*. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii: Sochineniya*. M.: Izd-vo EKSMO-Press; Khar'kov: Izd-vo Folio, 2000. 736 s.
7. Zinov'ev A.A. *Zapad: fenomen zapadnizma. Velikii evolyutsionnyi perelom /8 Red.-sost. O.M. Zinov'eva, A.S. Blinov. M.: Izdatel'skii dom «Kanon-Plyus» imeni Aleksandra Zinov'eva, 2023. 496 s.*
8. Il'in I.A. *Put' dukhovnogo obnovleniya*. Moskva: AST, 2023. 384 s.
9. Kant I. *Osnovopolozheniya metafiziki nravov. Sobranie sochinenii v 8 t. T. 4*. Moskva: Choro, 1994. 630 s.
10. Keigan R. *O rae i sile: Amerika i Evropa v novom mirovom poryadke / Per. s angl. A. Smirnov*. Moskva: Dom intellektual'noi knigi; «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2004. 160 s.
11. Kissindzher G. *Upravlyat' siloi: arkhitektork novogo mirovogo poryadka rasskazyvaet / per. s angl. O.V. Zakharovoi, V.V. L'vova*. Moskva: Rodina, 2022. 256 s.
12. Likhachev D.S. *Pis'ma o dobrom*. Moskva: Nauka; SPb.: LOGOS, 2006. 315 s.
13. Losskii N.O. *Tsennost' i bytie*. Parizh: YMCA-PRESS, 1931. 135 s.
14. Mettan G. *Zapad-Rossiya: tsysacheletnyaya voina. Istoriya rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa / Perevod M. Anninskoi, S. Bulgakovoi, Yu. Oboznogo, D. Savosina*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2023. 448 s.
15. Pavlenko S.A. *Zhiznennyye tsennosti rossiiskogo obshchestva v seredine XIX – nachale KhKh vv.: istoricheskii aspekt transformatsii*. SPb.: Aleteiya, 2014. 190 s.
16. Pen'kov V.F. *Aksiologiya politicheskikh protsessov. Tambov: OOO «Izdatel'stvo Yulis», 2022. 184 s.*
17. Platon. *Gosudarstvo. Sobranie sochinenii v 4 t. T. 3*. Moskva: Mysl', 1994. 654 s.
18. Putin V.V. *Pryamaya rech': v 3 t. Moskva: Zvonitsa-MG: Novyi klyuch, 2016. T. 2: Vystupleniya, zayavleniya, interv'yu*. 412 s.
19. Sementkovskii R.I. *K istorii liberalizma / T. 2. Russkoe obshchestvo i gosudarstvo. Sochineniya. V 3-kh t. SPb.: Izdanie A.F. Marksa, b/g*. 663 s.
20. Tul'chinskii G.L. *Rossiiskaya politicheskaya kul'tura: osobennosti i perspektivy*. SPb.: Aleteiya, 2015. 176 s.
21. Foma Akvinskii. *Ontologiya i teoriya poznaniya: fragmenty sochinenii*. Moskva: In-t filosofii RAN, 2001. 206 s.
22. Frank S.L. *Etika nigilizma. Intelligentsiya. Vlast'. Narod: antologiya*. Moskva: Nauka, 1992. S. 164-189.
23. Fridman M. *Kapitalizm i svoboda / Per. s angl. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2006. 240 s.*
24. Fukuyama F. *Rossiya na rasput'e: per. s angl. Moskva: Rodina, 2023. 224 s.*
25. Khoros V.G. *Tsilvilizatsii v sovremennom mire. Kn. 1: Indiskaya, Afrikskaya, Islamskaya i Kitaiskaya tsivilizatsii. Latinoamerikanskaya tsivilizatsionnaya obsch-nost'*. Moskva: LENAND, 2022. 304 s.
26. Tsygankov P.A. *Politicheskaya dinamika sovremennogo mira: teoriya i praktika*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 576 s.
27. Chicherin B.N. *Konstitutsionnyi vopros v Rossii. Rukopis' 1878 goda*. SPb.: Tip. «Tovari-shchestva Pechatnogo Stanka», 1906. 34 s.
28. Benhabib S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2002. 280 p.
29. Fukuyama F. *Liberalism and Its Discontents*. London, Profile Books Ltd. 2022. 171 p.
30. Roubini Nouriel. *MegaThreats: Ten Dangerous Trends That Imperil Our Future, And How to Survive Them*. Little, Brown and Company. 2022. 320 p.
31. Shapiro B. *The Right Side of History: How Reason and Moral Purpose Made the West Great*. Broadside Books, 2019. 288 p.

НАШИ АВТОРЫ

БАРАНОВ Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления; член Российской ассоциации политической науки (Санкт-Петербург, Россия).

BARANOV Nikolay – Doctor of Political Sciences, Professor at the department of International Relations, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, North-Western Institute of Management (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: nicbar@mail.ru

SPIN-код: 6033-7650

ORCID: 0000-0003-3547-3644

КЛЕЩЕНКО Людмила Леонидовна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

KLESHCHENKO Liudmila – PhD of Political Sciences, Senior Lecturer at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: ludmila.popova2011@yandex.ru

SPIN-код: 2051-3052

ORCID: 0000-0002-4172-6583

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии, Тверской государственной университет (Тверь, Россия).

KOZLOVA Nataliya – Doctor of Political Sciences, Head of Political Science Department, Tver State University (Tver, Russia).

E-mail: tver-rapn@mail.ru

SPIN-код: 6273-0895

ORCID: 0000-0003-1212-6412

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии, Тверской государственной университет (Тверь, Россия).

LEBEDEV Vladimir – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University (Tver, Russia).

E-mail: semion.religare@yandex.ru

SPIN-код: 2716-5460

ORCID: 0000-0003-4840-3135

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Директор Института истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

PRILUTSKY Alexander – Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: alpril@mail.ru

SPIN-код: 5578-4800

ORCID: 0000-0002-7013-9935

ПРОКОПЕНКО Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН (Москва, Россия).

PROKOPENKO Liubov – PhD in History, Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

E-mail: skole60@mail.ru

SPIN-код: 1407-4238

ORCID: 0000-0002-1121-8828

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, Тверской государственной университет (Тверь, Россия).

RASSADIN Sergey – PhD of Philosophy, Associate Professor of the Department of Political Science, Tver State University (Tver, Russia).

E-mail: s_r08@mail.ru

SPIN-код: 7952-3904

ORCID: 0000-0002-3478-0792

РЯБОВ Олег Вячеславович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, член Российской ассоциации политической науки (Санкт-Петербург, Россия).

RIABOV Oleg – Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: riabov1@inbox.ru

SPIN-код: 6502-7446

ORCID: 0000-0002-5944-9668

РЯБОВА Татьяна Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

RIABOVA Tatiana – Doctor of Sociology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: riabova2001@inbox.ru

SPIN-код: 4870-4514

ORCID: 0000-0001-5270-7911

САЩЕНКО Наталья Петровна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук; член Российской ассоциации политической науки (Москва, Россия).

SASHCHENKO Natalya – PhD of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: nsaschenko@mail.ru

SPIN-код: 4861-9229

ORCID: 0000-0002-0632-9937

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

SKIPERSKIKH Aleksandr – Doctor of Political Sciences, professor at the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

E-mail: pisatels@mail.ru

SPIN-код: 9734-7461

ORCID: 0000-0001-8587-7415

ЦАЛКО Екатерина Олеговна – кандидат социологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); заместитель декана факультета экономики и управления, Ивановский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Иваново, Россия).

TSALKO Ekaterina – PhD of Sociological Sciences, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia); Deputy Dean of the Faculty of Economics and Management, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy Public Administration (Ivanovo, Russia).

E-mail: etsalko@gmail.com

SPIN-код: 4344-6961

ORCID: 0000-0002-4515-0059

ШЕВЧЕНКО Алевтина Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; член Российской ассоциации политической науки (Москва, Россия).

SHEVCHENKO Alevtina – Doctor of Political Sciences, professor of the Department of Public Administration and National Security at the Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: ashevchenko@ranepa.ru

SPIN-код: 8318-3588

ORCID: 0000-0003-4246-9037

THE CONTENTS

POWER. AGE. POLITICS

T. Riabova

AGE STEREOTYPING IN CONTEMPORARY POLITICS:
SETTING THE PROBLEM

6

L. Kleshchenko

AGE AS A SYMBOL IN CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICS

22

O. Riabov

THE AGE DISCOURSE
IN CONTEMPORARY POLITICS OF RUSSIAN IDENTITY

39

N. Kozlova, S. Rassadin

CONSTRUCTION OF CHILDHOOD AND YOUTH IN THE MEMOIRS
OF POLITICAL LEADERS (BASED ON THE AUTOBIOGRAPHIES OF M. THATCHER
AND M. GORBACHEV)

60

E. Tsalko

AGE STEREOTYPING OF VALUES OF GENERATION

83

A. Shevchenko

THREE INFORMATION AGES OF THE "POLITICAL MAN"

96

A. Skiperskikh

FATHERS AND GRANDFATHERS: PRACTICES OF SUCCESSION OF POWER
(REGIONAL EXPERIENCE)

111

L. Prokopenko

CHANGE OF GENERATIONS IN THE POLITICAL ELITES OF SUB-SAHARAN AFRICA
128

N. Sashchenko

THE STATE OF NATIONAL-STATE IDENTITY THROUGH
THE LENS OF CITIZENSHIP OF RUSSIAN STUDENTS
149

ARTICLES

V. Lebedev, A. Prilutsky

«MLADOSTARCHESTVO» IN THE CONTEXT OF CHURCH POLICY
OF POST-PERESTROIKA
172

N. Baranov

VALUE ASPECTS OF THE GEOPOLITICAL CONFLICT OF RUSSIA
AND THE WEST
180

OUR AUTHORS

195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 05.07.2024
Дата выхода в свет 31.07.2024

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iopn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2024.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2024.